Мишель Сапане
судебно-медицинский эксперт

РЕПОРТАЖ ИЗ МОРГА

Как судмедэксперт заставляет говорить мертвых

НЕЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ

Annotation

Мишель Сапане – судмедэксперт с более чем 30-летним стажем работы. Каждый год его команда вскрывает и изучает более 450 тел, помогая следствию установить причины смерти и даже найти преступника. Повешенный бизнесмен с пулей в голове, мертвец без лица у железной дороги, задушенный мужчина в советском противогазе… У всех них разные загадочные истории, но один конец – на столе для вскрытий Мишеля Сапане.

- Мишель Сапане
  -
  - Предисловие
  - Кровотечение
  - Времена меняются
  - Прикончите их!
  - Драма в бункере
  - Заморозка
  - Удобный случай
  - Женщина в чемодане
  - Двойной удар
  - Радикальная операция
  - Стретчинг
  - Бегунья
  - Мумм
  - Дебютанты
  - Королевский размер
  - Кукушонок
  - Ветеринар
  - Череп
  - Ловушка на крота
  - Лишняя реанимация
  - Абель, или Предок
  - Лор
  - Тиран из Монтанбефа

    - Содом в летнем домике
    - Вызывающая готика
    - Маски прочь
    - Шеф-повар
    - Дело К
    - Ночь полной луны
    - Судебная медицина 2.0
    -
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28

- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58

Мишель Сапане
Репортаж из морга: как судмедэксперт заставляет говорить мертвых

Дельфине, моей соучастнице в повседневной жизни и литературных приключениях.

Этьену, чье появление в институте судебной медицины в Пуатье вдохновило этот труд.

© О.С. Кураш, перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие

Der Teufel steckt im Detail.[1]

Книга, которую вы держите в руках, – четвертая крупная работа, опубликованная мной. Я судебно-медицинский эксперт, и ничто не предвещало мне писательской карьеры.

Обладая научной подготовкой и бесконечным любопытством, я хотел стать ученым, искателем. Но обстоятельства вынудили меня взять курс на медицину с дальнейшей специализацией в челюстно-лицевой хирургии и стоматологии. А в судебную медицину меня привели тет-а-тет с черепом и задача установить личность его владельца, поставленная полицейским. В конце концов, я зашел даже дальше, чем мечтал: все-таки стал исследователем, ищущим доказательства и устанавливающим истину, но только в телах моих современников, чего и представить себе не мог.

В писательство я попал по стечению обстоятельств, а также благодаря встрече с Ги Бенаму – писателем и независимым журналистом. Судьбоносное событие произошло во время одного очень серьезного обеда, на который собрались около двадцати специалистов различного профиля. После двух дней публичных обсуждений мы должны были за сорок восемь часов разработать рекомендации по проведению судебно-психиатрической экспертизы. Солидное мероприятие.

В первый вечер нашего конклава я уступил всеобщему любопытству. «Судмедэксперт? Вы судмедэксперт? Должно быть, вы всякого насмотрелись!»

Услышав, как я развлекаю историями сотрапезников, пока они наслаждаются ужином, Ги задал мне очевидный вопрос: «Ты никогда не думал сделать из своих историй книгу? Я найду тебе редактора». Шесть месяцев спустя Жан-Клод Гавсевич, столь же очарованный моими рассказами, как и участники конклава, приехал в Пуатье на встречу со мной. Так начались мои литературные приключения.

> Писать для широкой публики было непросто. Мне потребовалось некоторое время, чтобы найти свой стиль. Все, что пишет судебно-медицинский эксперт, будь то заключения по проведенным экспертизам или другие рабочие документы, обычно очень точно, выдержано в строгом стиле и трудно для понимания неспециалиста. Поэтому мне пришлось положиться на свой опыт рассказчика.

Я делился историями, чтобы развлечь окружающих и удовлетворить их любопытство, поэтому и истории эти должны были быть простыми и понятными, как во время дачи показаний в суде ассизов[2]. Из опыта чтения лекций я понимал, что за подобным любопытством также стоят вопросы о моей профессии, причинах проведения аутопсии[3], преступлениях и смерти. И я должен был на них ответить.

В конце концов я решил записать свои истории примерно так же, как их рассказываю.

Однако сама тема довольно мрачная. Моя профессия сопряжена с личными рисками, она требует умения абстрагироваться от объекта исследования, сохраняя уважительное отношение к человеку.

Я дистанцируюсь при помощи юмора, прибегать к которому приходится нередко. Я прилагаю все усилия, чтобы установить истину, выражая таким образом уважение к человеческому достоинству. Именно такое видение своей работы мне хотелось передать в книге.

Эта четвертая книга – новое погружение в самые трагические глубины человеческой безнравственности.

И хотя сейчас судебная медицина определяет себя как медицину ситуаций насилия, какими бы они ни были, постепенно расширяя сферу своей деятельности до терапевтической помощи жертвам, главный предмет этой книги – основа профессии, смерть.

В этой книге, как и в первых моих произведениях, почетное место отведено заседаниям суда ассизов, которые происходят с участием судмедэкспертов, и поиски истины на них достигают своего апогея. Охватывая период с XVIII по XXI век, книга знакомит читателя с подчас неожиданными героями.

Я говорю спасибо Ги Бенаму и издательству «Плон», благодаря которым вновь взялся за перо.

Кровотечение

Эта поездка кажется бесконечной. Южный ветер иссушает провинцию Пуату. Вот уже час мы едем по пустынной равнине. Неурожай, скотина на полях истощена, вареной травой ее не прокормить. Мы с прокурором трясемся по извилистой дороге, ведущей к замку, расположенному довольно далеко от Пуатье.

– Доктор, об этой жуткой истории нам доложили только сегодня утром.

«Нам» – это значит «нашему величеству»: прокурор высоко ценит свое положение и очень остро осознает собственную власть.

– Я сразу же отправил туда маршалов, чтобы никто не прикасался к телу, пока вы его не осмотрите. Инструменты у вас с собой?

– Вы же знаете, я с ними не расстаюсь!

Я смотрю на чемоданчик у своих ног, подаренный родителями в день защиты диссертации. Это был памятный день. Как они тогда поразились помпезности обстановки! На стенах теснились портреты сменявших друг друга деканов факультета, бюст Гиппократа терпеливо ожидал на колонне, когда я повернусь к нему и принесу первую в своей жизни клятву.

> Моя мать, очень верующая, была потрясена, услышав, как я клялся «Аполлоном, Асклепием, Гигиеей и Панацеей, всеми богами и всеми богинями», но декан был нежно привязан к этому варианту текста клятвы.

Отец к тому моменту уже давно отошел от религии; несомненно, смерть его младшего брата в 17 лет от молниеносной дифтерии была с этим как-то связана. Но самым волнующим для родителей был момент, когда президент в черной с красным атласом кисейной мантии надел эпитогу[4] поверх моего плаща.

За несколько лет практики мой чемодан пополнился инструментами, связанными как с повседневной врачебной практикой, так и со вскрытием умерших. Я быстро понял, что последние, хотя и

вызывают интерес очень немногих специалистов, тоже заслуживают внимания. Вот почему я приобрел набор инструментов для вскрытия, и он по-прежнему составляет предмет моей гордости. Что касается моих работ по судебной медицине, они нашли свое законное место в домашней библиотеке.

Прокурор редко отправляет меня на осмотр тела в дом покойного, но в этот раз он явно хотел поговорить со мной подальше от чужих ушей.

– Доктор, дело деликатное. Жертва – важный в нашем городе человек, очень влиятельный, знатного происхождения.

Я знаю, что прокурор так откровенен со мной только благодаря моему званию, приобретенному годами упорной практики, и благодаря самому опыту работы с трупами. Прокурор нуждается во мне. В противном случае меня вызвал бы простой жандарм в штатном режиме.

– Возможно, преступление совершено из корыстных побуждений – покойный был богат. Или связано с политикой: он был влиятелен, а у таких людей много врагов. Тогда дело приобретает еще более деликатный характер. Однако…

Прокурор на мгновение делает паузу, чтобы следующие его слова звучали весомее.

– Однако ситуация может оказаться и более затруднительной. Вероятно, в этом деле политика переплетена с вопросами морали. Как вы понимаете, я рассчитываю на то, что вы сохраните все в тайне – возможно, в деле замешаны самые высокие фигуры в городе. Мои полицейские хорошо осведомлены.

– Разумеется, господин прокурор. Вы же знаете, я могила.

– Докладывать будете только мне.

– Как и всегда, господин прокурор.

– Я предпочитаю, чтобы вы оставались в неведении относительно личности покойного. Хотя с вашим подходом вы легко узнаете, кто это…

– Ничего страшного, господин прокурор. Достаточно, если вы подтвердите, что опознали его, о чем я упомяну в своем заключении, где буду называть его «г-н Аноним, чья личность известна одному лишь прокурору».

– Идеально. Вы быстро схватываете.

– Это полезное для врача качество, очень ценится пациентами.

– И мертвыми?

– И ими тоже. Тела разлагаются быстро, и время не ждет.

– Мы едем в его охотничий замок. Эти места очень богаты дичью. Все леса и поля, через которые мы проезжаем, принадлежали ему. Аноним со своими высокими гостями устраивал тут псовую охоту.

Я понимаю, что вступаю в чуждый мне мир и придется быть еще осмотрительнее, чем обычно.

Мы въезжаем в ворота замка, охраняемые двумя гвардейцами. Аллея, ведущая к дому, кажется бесконечной, а поместье – огромным. Фасад соответствует, гармонично сочетаясь с двумя угловыми эркерами[5] на квадратной башне у входа. Замок в трауре, о чем свидетельствуют два спущенных из эркеров черных полотна, украшенных гербом хозяина здешних мест.

Экипаж останавливается у подножия монументальной лестницы, ведущей ко входу. У дверей ожидает дворецкий, несгибаемый, как правосудие. Вся прислуга выстроилась вдоль ступеней в окружении десятка жандармов.

Лакей открывает дверцу экипажа, и мы с радостью его покидаем: внутри удушающе жарко. Капитан жандармерии, мой добрый друг, приветствует меня коротким кивком – это разительно отличается от свойственного ему сердечного приветствия и настораживает, если не сказать – вызывает беспокойство. То, как он держится со мной, говорит о его внутренней напряженности. Среди палящей июльской жары меня обдает холодом от этого ледяного приема…

В огромном вестибюле четыре гигантские свечи, сейчас не зажженные, возвышаются по углам покрытого черным атласом подноса. Мы поднимаемся наверх по величественной винтовой лестнице из камня и через потайной ход выходим на узкую лестницу, ведущую на чердак. У двери – двое часовых, еще двое жандармов ожидают возле носилок.

– Доктор, я рассчитываю на вас. Капитан уже опознал анонима. Я не буду вам рассказывать об обстоятельствах обнаружения тела или о том, что здесь происходило последние три дня. Незнание – ваша лучшая защита.

– Разумеется. Я в вашем распоряжении, что мне нужно сделать?

– Мне будет достаточно знать, наступила ли смерть от естественных причин, или в ней есть что-то подозрительное. Проведите здесь первичный осмотр, затем мы спустим тело в одну из гостиных – там у вас будет достаточно места, чтобы провести вскрытие, если я решу, что оно все же понадобится. Мы уже все подготовили.

Проходя по вестибюлю, я действительно видел анфиладу очень светлых комнат, весьма приятных, но не слишком подходящих для моей работы: деревянные панели, красивый камин и пушистый ковер – этот дом требователен к чистоте.

Я собираюсь войти один. Открыв дверь, делаю шаг назад: запах омерзителен. Осматривать место обнаружения трупа мне придется задерживая дыхание – только так можно вынести это зловоние.

Комната, большая и перегретая, погружена в сумрак. В центре комнаты я вижу тело мужчины в коленно-грудном[6] положении, выставившего на обозрение свой таз. Нижняя часть тела обнажена, только на ногах по-прежнему надеты лакированные ботинки. Сверху на нем черный сюртук, элегантный вышитый жилет, на шее – галстук, который, как мне кажется, затянут туже, чем следует. Связанные запястья присоединены к кольцу, закрепленному в полу. Рядом хлыст.

Я осторожно приподнимаю одежду: спина испещрена темно-красными отметинами, контрастирующими с зеленоватым цветом кожи[7] – оттенок свидетельствует о прогрессирующем разложении, объясняющем запах. Глаза выпучены, в уголках – личинки, еще маленькие. Под светлой кожей заметно выступают черные вены. Губы распухли, увеличившись вдвое. Пол рядом со ртом испачкан в жидкости, напоминающей кровь.

На месте ануса образовалась выпуклость размером с яблоко[8]. Тестикулы[9] под ним стали огромными и скрывают крошечный пенис.

Вставляя зонд в анальное отверстие, я почувствовал сопротивление: у анонима в прямой кишке что-то есть. Как бы я ни пытался обогнуть этот предмет зондом, границ предмета найти не смог. Я уже представляю себе аутопсию и кажется, догадываюсь, что там внутри.

Вытащив блокнот, я быстро зарисовываю окружающую обстановку. Это очень удобно – так я могу зафиксировать самое главное, не теряясь в деталях.

Не забываю отметить и множество принадлежностей, висящих на стене: плети, цепи, железные груши, ботинки с шипами на внутренней стороне… Эта весьма информативная атрибутика свидетельствует о склонности местного властелина к фантазиям о подчинении. Какой контраст с его показной мощью! Впрочем, с таким парадоксом я уже сталкивался.

Сделав глубокий вдох через рот и задержав дыхание, я перерезал веревку и освободил запястья трупа.

За пределами комнаты можно снова нормально дышать. Держа правой рукой на уровне плеча испачканный зонд, а левой – чемоданчик, я иду к прокурору. Отвратительный запах, который я принес с собой, заставляет его пятиться, пока он не упирается спиной в стену. Его лицо бледнеет.

Мне хочется маленького реванша в этой игре во власть: я пододвигаюсь ближе к прокурору и вкрадчиво, еле слышно, как будто стараясь сохранить секрет, описываю ему во всех подробностях состояние разлагающегося тела, размахивая зондом в считаных сантиметрах от его лица. Он следит за движением инструмента, словно загипнотизированный. Мне известна сила этих миазмов и образов, которые подстегнут его воображение. Я встречаюсь взглядом с капитаном – на его лице блуждает легкая улыбка. Он все понял и предусмотрительно отходит в сторону.

Все еще прислоняясь к стене, прокурор оседает. В его глазах – отблеск паники, как будто он видит смерть. Лицо его зеленеет. Он резко складывается пополам и извергает из себя обед на собственные лакированные туфли. Я еле успеваю отскочить, объявляя обычным голосом: «Хорошо бы сейчас отнести тело вниз». Прокурор молча кивает.

Через час тело, расправленное и лежащее на спине, прибывает в гостиную, окончив свое опасное путешествие. Из окна пышет жаром. Я уже представляю себе обратный путь, в который, без сомнения, отправлюсь с моим другом-капитаном. Прокурор наверняка не захочет,

чтобы я ехал с ним: от меня слишком дурно пахнет, к тому же я уже больше ничем не смогу быть ему полезен.

– Нужно положить его на стол, чтобы всем было хорошо видно.

Голос прокурора потерял оттенок превосходства, но по-прежнему звучит уверенно.

– Разумеется. Что нам нужно делать? Раздеть его?

– Мы должны заставить тело говорить. Оно должно быть обнажено. Так что, да, пожалуйста, разденьте его. Капитан, позовите всех слуг и запускайте их по очереди.

Магистрат подчиняется. Он мягко помахивает под носом вышитым носовым платком, добавляя к окружающему зловонию сильный запах парфюма.

Немного погодя слуги по очереди обходят тело, держась на расстоянии, и выходят из комнаты, один бледнее другого. Прокурор сосредоточен и не сводит глаз с тела.

Церемония это небыстрая, а запах тем временем становится все нестерпимее. Я понимаю, что тело лежит под прямыми солнечными лучами и продолжает постепенно разбухать. Живот вздувается. Я опасаюсь худшего.

Последним подходит дворецкий. Когда он останавливается перед телом по приказу капитана, в животе трупа, кажется, начинается движение. Все происходит быстро. Вязкая, кровянистая, почти черная жидкость сначала просто сочится из носа и рта, а затем начинает течь все быстрее и быстрее, обильно заливая стол, а потом и пол, до сих пор остававшийся безупречно чистым. Трупная сукровичная жидкость. Я наблюдаю, как живот медленно сдувается. Наконец поток останавливается, и мы слышим какой-то хриплый стон[10].

Дворецкий застыл, побелев как полотно, в то время как прокурор, напротив, обрел прежний цвет лица и восстановил бодрость духа.

– Вот видите, доктор, тело заговорило. Оно указало на своего убийцу. Капитан, задержите дворецкого. Доктор, тело ваше, можете вскрывать. Мне любопытно, что же там внутри.

Я уже было приступил к вскрытию, как откуда-то издалека ко мне обращается голос.

«Мишель Сапанэ, мы собрались здесь, чтобы обсудить методы исследования, которые можно было бы применить в дознании и поисках доказательств еще до появления результатов судебно-медицинской экспертизы. Каково ваше мнение относительно взглядов на трупное кровотечение в свете научных знаний того времени, то есть девятнадцатого века?»

Образ тела на столе передо мной внезапно исчезает. Я прилагаю отчаянные усилия, чтобы вернуться в реальный мир.

Вообще-то я нахожусь в Пуатье, в здании отеля Фюмэ, в помещении исторической кафедры гуманитарного факультета. Рядом со мной сидят историки, юристы и другие высококвалифицированные ученые, корифеи в своих сферах. Фредерик Шово, научный руководитель исследования, пригласил меня оценить диссертацию Сандры Менento[11] по современной истории. Пока я с энтузиазмом слушал их обсуждение, мои мысли переместились на несколько веков назад.

> В давние времена трупные явления, теперь хорошо изученные, трактовались неправильно и могли привести к осуждению невиновных.

«Господин прокурор, прошу прощения, господин председатель [смех среди членов диссертационного совета и публики], трупное кровотечение рассматривалось как акт божественного вмешательства, разоблачавший виновного. Во время проведения опыта с кровотечением ожидали проявления определенных признаков. Подозреваемый должен был оказаться рядом с телом жертвы, осмотреть труп, назвать его по имени, один или несколько раз обойти вокруг, при этом не прикасаясь к нему. Если тело жертвы начинало источать кровь через раны, нос или другое отверстие, это означало, что жертва обвиняет подозреваемого. Судьям потребовалось время, чтобы осознать истинную природу этого чудесного доказательства и оспорить практику „суда Божьего“, верша правосудие от его имени. А для этого, прежде всего, требовалось, чтобы наука развивалась, требовалось накопление фактов в судебной медицине…»

Все в порядке, мой мозг воссоединился с реальностью, и я вернулся в XXI век.

Времена меняются

Я судмедэксперт.

Свой путь в профессии я начинал в те времена, когда аутопсия занимала центральное место в судебной медицине. Это было уединенное занятие. Образ профессии, вероятно, этому способствовал – долгое время я слышал: «Как вы можете заниматься таким?»; а в глазах собеседников, казалось, читал: «Он, наверное, странный, раз выбрал такое дело».

> Насколько преступление вызывало любопытство, настолько же вскрытие – отвращение.

Тем более что обычные люди не считали оправданным осмотр внутренностей с погружением рук внутрь: в случае насильственной смерти причина чаще всего бывает очевидна – зачем множить насилие над телом?

Потом все изменилось.

Внезапно у дверей службы судебной медицины стали толпиться люди, чувствующие призвание к профессии, и я совсем не понимал, откуда они взялись: со студентами-медиками все понятно («Я с самого детства мечтал стать судмедэкспертом»), но были и юные лицеисты, которые непременно хотели пройти свою наблюдательную стажировку[12] в отделе судебной медицины. За неимением лучшего объяснения я счел это влиянием сериала «Эксперты», в котором элегантные спецы из криминалистики решают самые сложные головоломки менее чем за час.

Произошла ошибка, как в подборе актера на роль, – путаница между ролью криминалиста и судебно-медицинского эксперта. Но это не имело значения, имидж профессии начал меняться. Эффект двойного отстранения: под оком камеры вымысел и реальность сливаются, а видео на тему медицины, часто не соответствующее действительности, устраняет материальность тела.

Если следовать кратчайшим путем, остается лишь шаг до того, как вскрытие станет виртуальным. Триумф технологий возвещен, а

конец вскрытия трупов ножом поставлен в план-график. Я уже представляю себе комментарии: «Отличная работа! Такое подробное исследование тела, и это притом, что вы его даже не касаетесь…»

В то же время видео-конференц-связь проникает в залы судебных заседаний и сильнее отдаляет выступающего судмедэксперта и его аудиторию.

> Дальнейшее предсказуемо: когда-нибудь подсказки, которые дает нам тело, будет описывать мой голографический аватар, усиленный искусственным интеллектом.

Он же будет сводить воедино кусочки головоломки, эти маленькие фрагменты истины, чтобы рассказать о последних мгновениях человеческой жизни, пролить свет на причины смерти, особенно на ее обстоятельства.

Судмедэкспертам больше не нужно будет взывать к воображению присяжных, которые будут сразу погружаться в самый центр места преступления, реконструированного в трех измерениях, тоже голографического.

Еще я представляю себе возвращение мертвых к живым – на краткий миг, в самый момент смерти. Я представляю себе потрясение семьи, телепортированной в этот непередаваемый ужас, в последовательность событий, которые превращаются в бесконечно повторяющуюся петлю…

В этом будущем, и – возможно, уже завтра – разве судмедэксперт не рискует однажды лишиться души? Оставаться человеком, несмотря ни на что, – вот вызов времени, стоящий перед экспертом.

Прикончите их!

Понедельник. Понедельник – день тяжелый. Звучит избито, но действительность в институте судебной экспертизы именно такова. Просыпаясь в понедельник, я уже знаю, что сегодня нам придется работать вдвое больше, чем в другой день, чтобы справиться с наплывом работы, поступившей за выходные. Что, несмотря на старание команды, вечером мы все равно не закончим. И что вторник будет еще тяжелее, потому что в дополнение к работе, оставшейся с выходных, на очереди уже будут и те трупы, которые поступили в понедельник.

И если у меня и оставались какие-то сомнения относительно ожидающего меня сценария, звонок из секретариата их развеивает. «Доброе утро, шеф, извините, что так рано. Сегодня по графику с утра Мари, но она не сможет прийти – у нее заболел ребенок. Вы проведете дополнительное вскрытие?»

Ну, нечего тянуть. В доме, все еще загроможденном брошенными рюкзаками и чемоданами, слышится тревожный шум. Мы вернулись с катания на лыжах вчера вечером, и все еще усталые мальчики теперь никак не могут подняться.

Я готовлю всем хлопья на завтрак, глотаю кофе и сажусь на сиденье с подогревом своего «Рено-Эспас» – за это небольшое излишество я заплатил на случай стужи. И сейчас чувствую, что не зря потратился: на улице стоит собачий холод. Ничего удивительного, все-таки февраль. Климат во Вьенне довольно мягкий, но я все еще с горечью вспоминаю семнадцатиградусный мороз в январе 1985 года, нанесший непоправимый урон моему саду.

> Думать о предстоящих вскрытиях, сидя в заледеневшем автомобиле, немного легче, если спина и ягодицы в тепле.

Конечно же, поскольку понедельник – день тяжелый, выясняется, что моя секретарша меня обхитрила, чтобы я точно согласился на дополнительное вскрытие: на самом деле меня ждет не один, а два трупа.

По словам старшего следователя, супруги стали жертвами вспышки гнева. Вопреки привычке, полицейский почти ничего не говорит мне о деле и угрюмо молчит в своем углу. Очевидно, он все еще под впечатлением от места преступления, где побывал накануне. «Доктор, только представьте себе. Мы входим в комнату, а на полу – толстенный слой крови, не меньше двух сантиметров толщиной. Меня чуть не стошнило. Наверное, я больше никогда не смогу есть кровяную колбасу. Впрочем, я привез фотографии».

Он передает мне мышь от своего компьютера. Я листаю фотографии, внутренне возмущаясь: они что, не считают нужным вызывать нас на явно уголовное происшествие?

> Ведь когда судмедэксперт и следователь знакомятся с точкой зрения друг друга на месте преступления, это взаимно обогащает выводы и часто облегчает дачу показаний в суде.

От одной фотографии к другой я перемещаюсь по дому. Строгий интерьер, обставленный со вкусом и простотой. Все опрятно, нет следов борьбы, никаких улик, о чем свидетельствует отсутствие маленьких желтых пронумерованных табличек, хорошо знакомых любителям детективных сериалов.

Из коридора я «захожу» в спальню: кровать, два тела. Мужчина в пижаме, женщина в ночной рубашке. Их тела переплетены, плечи на краю матраса. Головы, свисающие с кровати, наклонены, как будто они пытались поцеловать друг друга в последний раз, на прощание.

Щелкаю мышкой еще раз и неожиданно испытываю шок. Снимок, сделанный с уровня пола, похож на картину в технике гризайль – монохромный, в оттенках теплых цветов, он достоин быть кадром из фильма Питера Гринуэя «Отсчет утопленников». Это снимок настоящего художника. У подножия кровати в большой луже недавно свернувшейся крови отражается окно, перед которым видно силуэт человека, стоящего против света. Багрово-красная лужа немного сливается с красным постельным бельем, контрастируя с пастельным оранжевым цветом стен на заднем плане. Картина настолько четкая, что я внезапно чувствую сладковатый теплый аромат, какой бывает при массивном кровотечении. Мой завтрак начинает быстро подниматься,

но останавливается на уровне зубных дуг. Я видел картины и похуже, но сейчас такого совсем не ожидал, поэтому мое воображение вышло из-под контроля и воссоздало в сознании этот запах с такой же силой, как если бы я сам стоял сейчас в луже крови. Невыносимый запах.

Приложив усилие, я глотаю содержимое желудка, которое оставляет очень неприятный кислый привкус в задней части горла, и будто бы вновь вижу несколько коротких кадров из фильма, в котором коронер, такой англосаксонский судмедэксперт, покрывает убийства трех мужчин, чтобы спать с их женами, прежде чем самому стать жертвой этих женщин. На ум мне приходит фраза его сына: «Понедельники – это дни красной краски…» Или вторники? И кто это сказал – сын коронера или девушка, считавшая звезды, прыгая через скакалку? Уже не помню. В любом случае не люблю понедельники.

Фраза «Меня тоже это беспокоит…» выводит меня из раздумий.

Это изображение я рассматривал дольше, чем все остальные, и следователь не упустил это из виду. Наконец мой взгляд отрывается от экрана. Я задаю вопрос о личности жертв и получаю лаконичный ответ. Видимо, увидев этот толстый слой крови, мой следователь вновь погрузился в мучения. Но имена жертв не напоминают мне ни о каком деле: ни старом, ни новом.

> Обычно живым уделяют намного больше внимания, и, обследовав, иногда несколько раз, пациентов на предмет насилия в отделении судебной медицины, я, случается, обнаруживаю их закономерно окончившими свой путь на секционном столе под моим скальпелем.

С этой парой дело обстоит не так. Ничто не предвещало такого исхода. В любом случае, принимая во внимание сцену происшествия, я сразу же исключаю насилие между супругами.

Наружный осмотр тел можно было бы проводить все утро, чтобы оценить весь масштаб кровавой резни. Но я использую свой любимый метод, его принципы – прагматичность и заострение внимания на тех деталях, которые приведут к самой сути. Вместо того чтобы делать длинные описания каждой раны, я делаю общие снимки, затем крупные планы, представляющие интерес. Этот метод позволяет

зафиксировать всю необходимую информацию в нескольких кадрах, чтобы дальше использовать их в качестве схем в отчете и на судебных заседаниях.

Обе жертвы получили многочисленные колото-резаные[13] ранения, очевидно нанесенные одним и тем же орудием при помощи одного и того же повторяющегося движения: колющего удара лезвием не более восьми миллиметров шириной. Некоторые раны окружены прямоугольным ореолом размером двадцать на шесть миллиметров. Эти следы соответствуют отпечаткам рукоятки – видимо, лезвие проникало внутрь до самой гарды[14].

Человеческий мозг – удивительная вещь. Когда не нужно воображение, работает память. Всплывает очень старый образ: рана с точно такими же характеристиками, результат одиночного удара в грудь лезвием открывалки для бутылок с лимонадом. К несчастью, тогда конец пятисантиметрового лезвия проре́зал в сердце маленькую дырочку, ровно такую, чтобы могла наступить смерть. Глупая гибель: жертва попалась банде, жаждущей насилия, в промежутках между попытками ограбления и групповыми изнасилованиями.

Это было в районе Тура. Тогда судебная экспертиза была организована не так, как сейчас, и мне пришлось экстренно подменить местного судмедэксперта, который находился в отпуске. Это было по уважительной причине и, конечно же, в обмен на ответную услугу. Что касается виновного, бармена по профессии, то он просто использовал свой привычный рабочий инструмент.

Но вернемся к нашей паре. Женщина, около шестидесяти лет, получила примерно шестьдесят ударов, в основном в живот. У мужчины, возраст которого, кажется, приближается к семидесяти годам, имеются следы самообороны на руках и предплечьях и семьдесят ран, разбросанных по всему телу.

> Оба получили столько ножевых ранений, сколько им лет. Стечение обстоятельств? Или импровизированный праздник в стиле «С днем рождения, предки»?

Эти маленькие раны – ничто по сравнению с самыми впечатляющими: горло у обеих жертв перерезано от уха до уха. Две

зияющие раны, ярко выраженные, без малейших признаков остановки лезвия, которые могли бы свидетельствовать о колебаниях убийцы.

Я навожу уже свой объектив в поисках лучшего ракурса. Не для того, чтобы соревноваться с художником с места преступления, а чтобы иметь в одном снимке бо́льшую часть информации о нанесенных ударах: ориентация удара в начале и в конце, перерезанные сосуды, насечки от ножа на позвонках…

Я не могу представить себе, как небольшим лезвием открывалки для бутылок можно нанести такие раны.

– Вы нашли орудие?

– Орудие? М-м-м, да, сейчас принесу вещдок, – отвечает мне полицейский.

Когда я заканчиваю, следователь возвращается с вещдоком. Сквозь пластик я сразу узнаю первоклассный японский нож с деревянной ручкой – вероятно, из красного дерева – и клинком из дамасской стали. Согласно этой технологии, очень твердый (и хрупкий) стальной сердечник покрывается несколькими слоями более мягкой стали. В результате получается нож исключительной твердости, остроты, гибкости и прочности, а также уникальной красоты. Это универсальный кухонный нож с лезвием длиной 21,5 сантиметра. Идеально подходит для нарезки мяса, рыбы и овощей или… разрезания шеи. Но я сразу же понимаю, что им нельзя нанести множественные маленькие раны, изрешетившие тела, потому что его клинок слишком широк. Прежде чем я успеваю смягчить свои слова, как стараюсь поступать обычно, у меня вырывается:

– А открывалка?

– Открывалка? Какая еще открывалка?

– Из тех, что для лимонада, знаете, у официантов они часто висят на цепочке, чтобы не потерять…

– У него в руках был нож, весь в крови. На кой ему сдалась открывалка?

– У него? У кого?

– У Бена, их сына. Его нашли в саду, лежал там в прострации. А что, нож не подходит?

– Да нет, подходит, но к ранам на горле. А к остальным – нет, лезвие слишком широкое.

– А, теперь понятно.

Но не мне. Наш следователь ведет себя по меньшей мере странно.

Звонит его смартфон, прерывая наш диалог. Следователь выходит из секционного зала, но я услышал достаточно, чтобы понять, что на линии прокурор. Пока они разговаривают, я успеваю достать инструменты из ящика и мысленно подготовиться к первому вскрытию. Галантность обязывает меня начать с дамы. Но едва я выровнял инструменты на столе и поместил даму на секционный стол, как старший следователь возвращается.

– Не нужно, доктор. У нас уже есть все необходимое. На этом можно закончить.

– Вскрытия не будет?

– Приказ прокурора. Не будет ни уголовного преследования, ни суда, преступник найден, дело закрыто.

– Найден? Дело закрыто? Это же двойное убийство! А как же два орудия? И потом, я же еще ничего не сделал!

– Вы ошибаетесь: вы уже дали то, чего нам не хватало – открывалку для бутылок.

– Может быть, пора рассказать мне подробнее, вам так не кажется?

– Простите, я что-то сегодня не форме. Видите ли, вся эта кровь, этот шизофреник… Я как будто почувствовал себя на месте жертв.

– Вот это да! Не хотите обратиться к одному из наших судебных психиатров? Или хотя бы к психологу? Хороший разбор полетов пойдет вам на пользу.

– Нет-нет, я в порядке.

Он делает паузу, глубоко вздыхает и начинает рассказывать:

– Я объясню. Мы с женой долго думали, что у нашего сына шизофрения. Мы таскали его от психиатра к психиатру, пока не поняли, что его припадки случались от того, что он курил каннабис. По моей просьбе ваш токсиколог неофициально измерил содержание ТГК[15] в его траве – результаты поразительные. Он раздобыл этот недерхаш в Нидерландах, а в нем ТГК до 67 %. Безумие. Он становился жестоким, угрожал. Я тогда боялся за нас, спал со служебным оружием под подушкой, хотя понимал, что никогда не смогу застрелить сына. В итоге он прошел детоксикацию, на это ушло больше десяти лет, очень тяжелых. А в сегодняшнем деле сын – действительно шизофреник…

– Понимаю. Но, не считая того, что его обнаружили лежащим с ножом, почему вы думаете, что убил он?

– У нас есть его признание.

– Он признался? После приступа психоза? И этого вам достаточно? Как-то несерьезно.

Следователь наконец улыбается.

– Нет, он позвонил в скорую помощь.

– В каком смысле? Он убил их, а потом вызвал скорую?

– Нет. Насколько мы понимаем, они были еще живы, когда он позвонил. На записи разговора парень говорит очень путано, врач пытается разобраться в происходящем, задает ему вопросы. У меня есть запись на компьютере. Вот, послушайте.

Полицейский запускает аудиофайл. После долгих минут, потраченных на получение адреса звонящего, дежурный передает звонок доктору.

– Мои родители истекают кровью.

– Месье, что с ними происходит?

– Не знаю. У них идет кровь. Быстрее приезжайте.

– Не волнуйтесь. Кровотечение сильное?

– Да, приезжайте скорее.

– Вы можете зажать раны?

– Нет.

– Они еще дышат?

– Не знаю.

– Не могли бы вы пойти посмотреть?

Трубку положили. Я слышу звук шагов и долгую тишину после. Врач беспокоится.

– Алло, месье? Вы там?

– Да, вот и все. На этот раз уж точно.

– Что точно?

– Они не дышат.

Он отложил трубку, вернулся в спальню, перерезал горло своим умирающим родителям, а затем вернулся ответить скорой.

Признав невменяемым, его поместили в специализированное психиатрическое учреждение. Судебный медик с трудом во всем разобрался, ему пришлось объяснять суду, что множественные маленькие раны сами по себе были смертельными и что было уже слишком поздно спасать любую из жертв. Что касается открывалки для бутылок, помытой и поставленной на место, генетический анализ показал, что на ней остались микроскопические следы крови обоих родителей.

В тот же вечер мы со следователем провели собственный психологический разбор полетов в Пале– де-ля-бьер за разливным пивом. И никаких открывалок.

Я решительно не люблю понедельники.

Драма в бункере

Я не из тех, кто сочувствует всем на свете. Такая уж у меня профессия. Когда выезжаешь на место преступления или заходишь в секционный зал, лучше на время работы оставлять сочувствие в раздевалке. Только так можно разграничить личную и эмоциональную жизнь. Но из каждого правила есть исключения. Как, например, этот приступ сплина, накативший на меня однажды вечером весной 2013 года после дня, проведенного в суде ассизов в городе Сент.

Я веду автомобиль по автостраде, убаюканный потоком новостей, льющимся с «Франс-инфо». Наслаждаюсь лучами солнца, которые освещают поля подсолнухов, зная, что это продлится недолго: вдалеке вырисовывается огромная полоса чернильно-черного облака, предвещающая грандиозную грозу. Обдумываю слушание. Одно из многих, ничего особенного. Я дал показания, ответил на вопросы. Рутина.

И все же не совсем.

По дороге домой меня охватило странное чувство. Что-то вроде волны горечи, связанной с образом жертвы, о которой шла речь во время слушания. Медсестра, решившая посвятить свою жизнь другим, а после погрузившаяся в алкоголизм и бродяжничество.

Заседание всколыхнуло воспоминания, вызвав в памяти картину места, где было обнаружено тело. Я как будто бы пережил этот момент заново.

Когда я прибыл в Ла-Рошель в мае 2011 года, была уже глухая ночь. Вызвавший меня полицейский сказал, что нужно искать стоянку возле железнодорожного вокзала, в двух шагах от отеля «Меркюр». Точных GPS-координат у меня нет, поэтому нахожу ее не сразу. Наконец мое внимание привлекает интенсивный ореол света, который выводит меня к машине спасателей.

> Я паркую автомобиль, внутренне улыбаясь: даже мертвым не обойтись без спасателей!

Сегодня они предоставляют нам оборудование. Их генератор мурлычет в углу, подавая электричество на осветительный шар,

закрепленный на шесте. Место преступления отмечено классической желтой лентой. Резкий свет освещает двух криминалистов в белых комбинезонах. Они сгорбились над рюкзаком. Никакого тела на горизонте. Рядом с криминалистами, на старом строительном поддоне, я замечаю совсем неуместный здесь горшок с остеоспермумом восхитительной красоты, с интенсивно-зеленой листвой и цветами, оранжевыми с примесью фуксии.

Нахожу старшего следователя.

– Добрый вечер, туда пока нельзя, там работает команда криминалистов из Орлеана.

– Из Орлеана? Не далековато ли от Ла-Рошели?

– Да, но прокурор не хочет, чтобы говорили, будто мы жалеем средства на расследование смерти бомжей. Хотя наши ребята ничуть не хуже…

– Я знаком с ними и нисколько в них не сомневаюсь. Но где же работают криминалисты?

Я не вижу ничего, кроме горшка и рюкзака.

– В старом бункере времен последней войны, там, в зарослях рядом со стоянкой. Этот бункер превратился в своего рода пристанище для местных бездомных. Между прочим, о теле нам сообщил бомж.

– А где он?

– Спасатели отвезли его в больницу. Он был совершенно потрясен. Когда мы прибыли, он показал нам труп женщины в бункере, а потом рухнул как подкошенный. Шок. Как мы понимаем, это была его подружка. Его самого положили в психиатрию, подлечить. Кстати, он там оказывается не впервые.

– Понятно, спасибо. Я подожду.

К счастью, у меня с собой термос с кофе.

> Горячий кофе – незаменимая вещь во время ночных бдений возле трупа.

Вот уже добрых два часа я регулярно потягиваю свою дозу кофеина, уютно устроившись в машине. Когда прибывает прокурор Ла-Рошели, криминалисты с осветительными шариками за спиной уже давно исчезли в бетонном бункере. Прокурор еще раз вкратце рассказывает мне о бомже, указавшем на тело, и о своих первых

наблюдениях. Бедняга искал свою подружку, от которой к тому моменту не было ни слуху ни духу уже неделю. Он обыскал все излюбленные места бездомных и только потом нашел ее в бункере, где они время от времени встречались. Ее зовут Сильви К., 46 лет, бывшая медсестра, полностью маргинализованная.

Наконец криминалисты выходят из бункера. «Дело за вами, док, мы закончили. И держитесь там…» Я быстро понимаю, на что намекает парень. Уж точно не на способность бесстрашно лицезреть смерть. Мы с ними знакомы, так что они в курсе, что опытному судебному эксперту нечего тут доказывать. Нет, в этом случае мужество нужно, чтобы противостоять горам всевозможного мусора, затрудняющим движение. Облаченный с головы до ног в защитную экипировку, я осторожно продвигаюсь и вхожу в помещение. Это бывшее убежище для личного состава на случай бомбардировки, что-то вроде длинного очень узкого бетонного арочного коридора с выходами на каждом конце.

Я сразу спотыкаюсь о пружины матраса, едва удерживаясь на ногах, ударяюсь о куски поддона и наконец падаю на его разлагающиеся останки. К счастью для моего эго, свидетелей нет. Упорствуя в своей неловкости, я настойчиво погружаюсь в залежи чего-то неопределенного – иногда твердого, иногда мягкого, – что заставляет меня задуматься, не ступаю ли я по нашему трупу.

Пройдя несколько метров, я замечаю часть человеческого лица, едва выступающего из отвратительной груды хлама. Остальное тело не видно, на нем лежат по меньшей мере пружинная сетка, гнилой стул, под завязку набитые мусором мешки, старое одеяло, какой-то пластиковый тент… Мой инвентарный список далеко не исчерпывающий, но я предпочитаю на этом остановиться. Делаю цифровое фото крупным планом. Приблизив изображение на экране, я различаю в углу левого глаза жертвы великолепных личинок – это признак поздней стадии разложения. Фото также позволяет мне оценить точное положение тела, чтобы не раздавить его, если придется подойти ближе. Нет, стоя вполоборота к выходу, я тут много не разгляжу.

Выбравшись на поверхность, я показываю фото прокурору и объясняю, что придется все расчистить, чтобы вытащить тело. Все

возражают, поочередно встают за моей спиной, чтобы посмотреть на снимок, прежде чем признать, что так действительно ничего не видно. Показ окончен, всем все понятно, и наши взгляды обращаются на спасателей.

> Им всегда достается грязная работа. Когда не спускаются в ямы сорок метров глубиной для извлечения тошнотворных останков с душком протухшей рыбы, они погружаются в холодные мутные воды, чтобы добраться до попавшего в аварию автомобиля.

Итак, в перчатках и защитной обуви спасатели приступают к делу и вытаскивают по ходу продвижения килограммы мусора. Полицейский внимательно осматривает каждую порцию на случай, если в ней есть что-нибудь полезное для расследования. Напрасно.

Завершив первый этап, спасатели начинают осторожно высвобождать труп. По количеству наваленных на него предметов можно сделать вывод, что тело явно пытались скрыть. Я думаю про себя, что парню невероятно повезло, раз он нашел ее под всем этим. Если только спрятал ее не он сам. Логичное предположение…

Когда тело жертвы наконец появляется из океана мусора, мы видим, что оно полуобнажено, на нижней части тела остались только носки.

Спасатели отошли в сторону, чтобы дать мне пространство для работы. В бункере они поставили маленький осветительный шар. Освещение у них фантастическое: я вижу лучше, чем при свете дня. Хм, миазмы тошнотворные.

Сделав несколько снимков, чтобы зафиксировать сцену, я тут же раздеваю тело жертвы, разрезая все слои одежды лезвием бритвы. В порядке появления: черная куртка типа анорака, красно-оранжевый свитер, красная футболка и бюстгальтер. Кроме подозрительных следов зеленоватого цвета на голове, обильно покрытой опарышами, ничего особенного я не замечаю. Поэтому перед тем как тело будет передано службе перевозки, действую по стандартной схеме: заворачиваю голову и руки в пакеты из крафтовой бумаги, чтобы сохранить улики.

Сейчас четыре утра, я допиваю остатки кофе из термоса, все еще теплого, заставляя себя вернуться в бункер.

Теперь, когда тело извлекли, я хочу посмотреть, не было ли под ним чего-нибудь интересного. Было, да еще какое!

> Огромные личинки, таких больших я еще не видел. Оп, ну-ка полезайте во флакон. Отличный улов – надеюсь, энтомолог оценит.

По ним можно будет более точно датировать смерть.

Вот и все. Выбравшись наружу, я отправляюсь домой и ложусь спать, гадая, что станет с покинутым всеми цветком в горшке.

На следующий день после обеда я вновь вижу тело этой женщины, завернутое в пластиковый чехол. У меня было время взглянуть на КТ-снимки, на которых видны перелом нижней челюсти и два перелома гортани. Бедняжку сильно ударили и крепко схватили.

Я открываю чехол: запах сносный. Погибшая была худощавого телосложения, 45 кг на 1,52 метра. Кровоподтеки на правом предплечье и обеих кистях. Поскольку сильное гниение может замаскировать другие следы, я сначала делаю разрез на спине, от шеи до крестца. Выявляю две глубокие гематомы на уровне лопаток.

Переворачиваю тело на спину и делаю большой разрез от лобка до подбородка. Печень патологического цвета. Имеются признаки жировой дистрофии – скорее всего, алкогольного происхождения. Тонкие послойные разрезы мягких тканей в области гортани и челюсти показывают, что все переломы, выявленные на компьютерной томографии, окружены массивными кровоизлияниями. Это значит, что их нанесли при жизни жертвы. Я беру обычные пробы: кровь или то, что от нее осталось, различные жидкости, образцы тканей органов, гинекологические пробы… Не забываю коротко срезать ее ногти на случай, если в последней попытке защититься жертва поцарапала нападавшего и под ногтями осталась его ДНК.

Картина довольна простая, как и мое заключение. Насильственная смерть, вызванная удушением руками в результате насилия. Степень гнилостных изменений позволяет отнести смерть к периоду от шести до пятнадцати дней до обнаружения тела. Вскоре мы получаем

результаты токсикологии: уровень алкоголя в крови 2,65 г/л, ни лекарств, ни наркотиков нет. Результаты исследования ДНК нужно ждать.

В последующие недели расследование осложняется. Приятеля Сильви допросили во время пребывания в больнице, но его психическое состояние оставляло желать лучшего. Он не видел Сильви со времени ссоры, то есть с ночи с третьего на четвертое мая, и несколько дней искал ее. Он очень досадовал на себя за ту ссору. Находят некую Мари-Клод, собутыльницу пары той самой ночью, и она подтверждает факт распития алкоголя и ссору, но говорит, что под конец вечера оставила пару наедине.

В конце месяца приятель Сильви, выписавшись из больницы, заявляется в отделение полиции в Ла-Рошели с анонимным письмом, где сообщается о смерти Сильви К. У следователей возникает вопрос: не сам ли он это письмо написал? Показания одного из его друзей укрепляют это мнение. Еще до обнаружения тела приятель Сильви по секрету рассказал другу, что он якобы «слегка» придушил свою подружку.

Находясь под стражей в полиции, 40-летний Брюно П. признается, что схватил Сильви за горло во время ссоры из-за детей. Он хотел детей, она – нет. В убийстве он продолжает обвинять Мари-Клод, их собутыльницу. Успокоившись, он якобы вышел из бункера, чтобы выкурить сигарету, а две женщины продолжили спорить. Мари-Клод ударила Сильви, а потом задушила ее. Помещенная в камеру предварительного заключения, Мари-Клод объясняет, что не имеет никакого отношения к смерти Сильви. Она рассказывает о ежедневном меню пары.

> Три литра розового вина на человека в день и постоянное насилие со стороны Брюно, известного драчуна, имеющего двенадцать судимостей, четыре из них – за насилие над сожительницей.

После четырех с половиной месяцев содержания под стражей Мари-Клод оправдана за отсутствием улик. Наконец получен анализ

ДНК кожи, обнаруженной под ногтями жертвы. Сопротивляясь, бедная женщина оцарапала нападавшего. Это действительно оказался Брюно.

Во время суда ассизов обвиняемый не сдается. «Я надеюсь, что правда будет раскрыта и настоящие виновные заплатят за свое преступление. Я так любил Сильви. Я ее не душил». Анонимное письмо? Его, конечно, писал не он, хотя идентичные орфографические ошибки встречаются и в других его опусах. ДНК под ногтями жертвы? Сильви поцарапала ему спину в крепком любовном объятии. Алкоголь? Он не пил с тех пор, как вышел из тюрьмы в ноябре 2010 года! Пила Сильви, но не он. А что же его уголовное прошлое и двенадцать обвинительных приговоров, большинство из которых за насилие? Он все отрицает, никакого насилия не было. Столкнувшись с этой аргументацией, его адвокат высказывает журналистам такую мысль: «Адвокат не обязан во всем соглашаться со своим подзащитным… В этом деле действительно много вопросов. Но если не считать признания, что уже немало для суда ассизов, у обвинения ничего нет».

Суд тоже не согласится с Брюно, приговорив его к шестнадцати годам тюремного заключения.

На меня самое сильное впечатление произвел рассказ сестры жертвы, вызванной в качестве свидетеля. Полная драматизма история о медленном дрейфе женщины, допившейся до полной утраты социальных связей, оставившей сына на обочине дороги и оказавшейся на свалке, чтобы потом гнить там под нечистотами.

Все это снова нахлынуло на меня теперь, когда я еду в Пуатье, а вдали темнеет пейзаж. Кем на самом деле была эта молодая медсестра и какая злая сила могла утащить ее на самое дно? И вот на этот раз я поддаюсь приливу сострадания. К Сильви.

Заморозка

Уставший после тяжелой экспертизы, я только собрался уходить, как зазвонил телефон. Одна дама обвинила своего дантиста в том, что он испортил ей зубы. Накануне я изучил двести страниц этого дела. Действительно, было в чем обвинить.

Стоматолог принял решение коронировать бóльшую часть зубов пациентки; некоторые из них в такой процедуре явно не нуждались. В ходе операции он постарался умертвить зубы, то есть удалить нервы и сосуды, для чего зубной канал сначала вскрывают, а затем закрывают специальной пастой. Врач поставил коронки, к радости своей клиентки, которая вышла из его кабинета с великолепными зубами, белыми и ровными, как у кинозвезд.

Через некоторое время после окончания лечения у пациентки ужасно заболели зубы. В связи с экстренностью ситуации ее проконсультировал другой дантист и обнаружил абсцессы в верхней части каждого зуба, которые лечил его коллега.

Полная реставрация потребовала больших усилий от нового дантиста и хирурга-стоматолога, которым пришлось оперировать образовавшиеся кисты. Всего впустую было потрачено девять месяцев жизни пациентки, не говоря уже о сорока пяти тысячах евро, которые она заплатила. После попытки переговоров со страховщиком стоматолога дело было передано в суд, который назначил на дело меня. Я должен был выяснить, соответствовала ли оказанная стоматологическая помощь установленным стандартам.

Поэтому в тот сентябрьский четверг я вызвал всех к двум часам дня: заявительницу с ее адвокатом, дантиста-халтурщика, его адвоката и медицинского специалиста страховой компании. Встреча проходила в нашей переговорной, организованной так, чтобы каждый мог разложить документы на столе и с удобством вести запись. Поскольку оспариваемые медицинские услуги были переделаны вторым стоматологом, простой осмотр пациентки не показал бы, какие ошибки были допущены при лечении.

И мне пришлось прочитать все двести страниц дела, чтобы зуб за зубом изучить оказанные услуги.

Принимая во внимание, что зубы мудрости у заявительницы были удалены в подростковом возрасте, оставалось изучить двадцать восемь зубов, но я предполагал, что встреча все равно затянется…

Я отметил состояние каждого зуба до лечения, изучил рентгеновские снимки до и после. Затем попросил врача описать его действия. Понятное дело, каждый раз, когда я обнаруживал техническую ошибку, медицинский специалист страховой компании находил возражения. Наконец, около семи часов вечера я смог устно изложить предварительные выводы: дантист-халтурщик действительно несет ответственность за эту катастрофу. На этих сильных словах мы расстались.

И вот я, оставшись один на один с грудой документов, с трудом решаюсь отложить написание заключения до следующего дня. Потому что все-таки легче составлять его по горячим следам, даже если во время встречи и велись заметки. Именно этот момент выбирает телефон, чтобы зазвонить. Вызывают с коммутатора больницы.

– Доктор Сапанэ, вам звонок из жандармерии Сожона.

– Спасибо, я приму.

Мне по меньшей мере любопытно. Жандармы впервые звонят мне через коммутатор. Обычно – секретарю или напрямую на мой мобильный.

– Здравствуйте, доктор, это территориальная бригада Сожона. Мы говорили с опергруппой, они сказали позвонить вам. Нам нужно отправить вам тело на наружный осмотр и еще на вскрытие, наверное, и, если можно, до выходных.

– Здравствуйте. Скажем так, это несколько неординарный способ вести дела. Вы должны направить заявку моему секретарю, а уж он позаботится обо всем остальном.

– Дело в том, что и ситуация неординарная.

– Да? В каком смысле?

– Погибшая – женщина шестидесяти пяти лет, находившаяся в состоянии депрессии на фоне семейного спора из-за наследства

недавно скончавшегося мужа. У нас есть сомнения относительно причин ее смерти.

– Почему?

– Мы как раз и хотим передать вам тело, чтобы разобраться. Но не знаем как.

– Оно в виде мелких кусочков?

– Нет-нет, целое. В морозильной камере…

Судмедэксперты привычны к неожиданностям, однако в этот раз я почти потерял дар речи. Но ненадолго:

– И вы сейчас не про морозилку с выдвижными ящиками говорите, да?

Я слышу что-то вроде глухого смеха на другом конце линии. Согласен, острота неважная, но меня оправдывает усталость. Жандарм делает вид, что ничего не произошло, и начинает рассказ о находке. Нотариус, занимавшийся наследством мужа, забеспокоился, не получая от дамы никаких известий. Он уведомил бригаду жандармов, которая обнаружила, что дом пуст, а в почтовом ящике лежит почта за две недели. Патрульные тщательно обыскали дом и даже заглянули во все шкафы, но ничего не нашли. Они вернулись на следующей неделе, снова все обыскали и, проявив добросовестность, открыли небольшую морозильную камеру, стоявшую в подсобном помещении. Действительно, после недавних происшествий с замороженными младенцами бдительность такого рода не повредит. Бинго, дама была в морозилке. Я задаю вопрос собеседнику:

– Вы думаете, это дети сделали?

– Мы не знаем. Прокуратура еще сомневается, сканировать ли тело или вскрывать.

– Ладно, хорошо. Нужно доставить его нам.

– Что от нас требуется?

– Просто привезите морозилку.

– Но она не поместится в штатный транспорт.

– Тогда найдите другой способ.

И они его нашли. Я так и не осмелился спросить, знал ли нанятый перевозчик о содержимом морозилки.

На следующее утро морозильная камера важно возвышается в морге, ее компрессор довольно урчит – служащий морга снова включил ее. От неуместного присутствия бытовой техники в этом месте, предназначенном для отрешенности и семейной скорби, меня бросает в холод. Если можно так выразиться.

Вся служба судмедэкспертизы пришла понаблюдать за вскрытием ящика. Я ломаю красные восковые печати, наклеенные жандармами, и поднимаю крышку. Появляются седые волосы, затем вытянутая вперед голова на скрюченном теле. Оно совершенно замороженное и твердое, как дерево. У каждого свое мнение насчет того, что делать дальше.

– Шеф, надо вытащить ее и оставить в комнате.

– Нет, достанем ее и разморозим в холодильнике.

– Давайте просто отключим морозильную камеру.

Последнее предложение вызывает единодушие: отключенное устройство и его содержимое на выходные помещают в секционный зал с закрытой крышкой. До встречи в понедельник, бабушка.

Есть в моей жизни место и для семейных мероприятий, а иногда и для воскресного обеда с родителями жены. Сегодня суббота, но мне нужно озаботиться обедом заранее, потому что у родителей жены есть один маленький недостаток: моя свекровь часто опаздывает. Из-за этого мне тяжело планировать подачу блюд. На этот раз я выбираю подходящий метод: приготовлю кабаний окорок при низкой температуре.

На следующий день я вынимаю кусок мяса из морозилки и помещаю его в маринад для размораживания. Учитывая вес, он разморозится уже к концу дня, перед началом приготовления.

Пока я предаюсь размышлению о кулинарии, взвешивая отменный кусок мяса прямиком с охотничьих угодий, у меня возникают сомнения. Если исходить из времени, которое требуется для приведения замороженного окорока с соответствующим весом к комнатной температуре, наша бабуля будет оттаивать намного дольше, чем мы думали…

> Суббота, поздний вечер: окорок только оттаял, и я все больше беспокоюсь о том, что станет с нашей замороженной бабушкой.

Хорошенько смазав кусок мяса маслом, я ставлю его в разогретую до 240 °C духовку. Как только он подрумянивается снаружи, я достаю его и жду, пока температура не упадет до 80 °C. Одновременно грею маринад. Затем золотистый окорок возвращается в маринад, и я ставлю его в духовку уже до следующего дня. Низкая температура и долгое время приготовления превращают волокнистые ткани и сухожилия в желе, приятное на укус, и мясо просто тает во рту. Еще одно достоинство метода: мясо можно оставить в духовке ровно на столько, на сколько нужно, чтобы дождаться гостей. Его вкус не испортится, и оно точно не обуглится.

Воскресенье. Все утро мясо стояло в духовке при температуре 70 °C. Мне осталось только подать блюдо к столу с обжаренными в сливочном масле белыми грибами, тремя домашними пюре – из груши, яблока и айвы – и соусом из черники с черничным джемом. Вино? Бутылка «Алокс-Кортон», выбранная из множества других заманчивых предложений от продавца моей любимой винной лавки в двух шагах от дома. Однако все, даже лучшее, имеет конец: блюдо из-под окорока возвращается на кухню пустым, а выходные заканчиваются.

Утро понедельника. После общего приветствия и первой чашки кофе я спрашиваю, как там бабушка в обесточенной морозилке. Невероятно, но она все еще несгибаема, как правосудие. Устройство, которое служит ей последним пристанищем, поистине высокого качества. Более того, в инструкциях производителя, найденных в интернете, указано, что оно «приспособлено к условиям тропиков» и способно сохранять холод дольше 48 часов в случае отключения электроэнергии. На этот раз мы решаем оставить крышку широко открытой.

После трех дней в таком режиме результаты по-прежнему неоднозначны. Верхняя часть тела оттаивает, чего не скажешь о нижней. На этот раз вывод ясен. Бабушку нужно вытаскивать. Маневрировать надо осторожно, потому что пространство, в котором размещено тело, тесновато. К счастью, служащие морга берут дело в свои руки. Они просовывают ремни под ее колени и руки: раз-два-три, и вот она появляется, скрестив руки на сине-зеленом халате, скрывающем под собой ночную рубашку. На ней до сих пор надеты серьги и обручальное кольцо. Глаза ее закрыты, а лицо безмятежно.

Помещенная на тележку и надлежащим образом пристегнутая, чтобы не упасть, дама проводит неделю, сидя в секционном зале при регулируемой температуре около 16 °C. Это позволяет наконец в пятницу вечером разогнуть ее, вытянуть и положить в один из холодильников. Фух, самая сложная часть позади.

Что касается следователей, они теряют терпение. Жандарм из Сожона снова звонит мне.

– Добрый вечер, доктор. Итак, на каком этапе вскрытие?

– Ну, пришлось повозиться с разморозкой. В следующий раз привозите тело расчлененным, в морозилке с ящиками. По кускам быстрее размораживается.

– Ах да, как у того парня с острова Ре, помните?

– Да уж, не могу сказать, что забыл.

Было воскресенье, я был в резерве, дежурил из дома. Бригада вызвала меня из-за «человеческих останков, найденных в сгоревшем доме» на острове Ре. Разгневанный муж поджег павильон, никто не мог найти его жену, все разволновались. В развалинах жандармы нашли остов морозильной камеры с выдвижными ящиками, заполненными подозрительными кусками. Последовал быстрый вывод: не разрезал ли ревнивец свою жену на куски? Пуатье находится не то чтобы в пригороде Ла-Рошели, поэтому, когда жандармы перезвонили, я все еще собирался в дорогу. Ложная тревога. Один из их коллег-охотников опознал останки. Это были куски туш косули, оленя и кабана.

Не сказать что недовольный этой новостью, я собирался снова погрузиться в выходную сонливость, когда на связь вышла жандармерия Ньора. Никакой возможности побездельничать, честное слово. Снова кости, обнаружены во время работ в погребе частного лица. Воскресные самоделкины, что за чума! Я опять собрался, на этот раз в Ньор, но, охваченный внезапным озарением, передумал, перезвонил жандармам и попросил их прислать мне несколько фотографий по электронной почте, чтобы получить общее представление.

Я настоял на том, чтобы сфотографировали также концы костей и их суставные поверхности: по ним можно точно

отличить кости человека от костей животного.

И хорошо, что я об этом позаботился: сразу стало понятно, что кости конские. Захоронения лошадей, в том числе и в подвалах частных домов, не входили в зону моей ответственности, поэтому я отклонил приглашение.

На третьем звонке я подумал, что меня разыгрывают. Снова бригада Сожона с еще одной костью, обнаруженной частным лицом на пустыре. Я благоразумно попросил фотографию объекта, но не смог распознать его по анатомическому фрагменту. Ни концы, ни тело этой длинной кости не были похожи ни на что, известное мне. Посчитав, что дело несрочное, я предложил жандарму прислать нам объект, что он и сделал. Глядя на идеально симметричные суставы и углубления, проходящие вдоль кости с обеих сторон, я засомневался. Распилил объект посередине. Хотя я и ожидал, что корковый (внешний) слой кости будет толстым, он, напротив, был очень тонок – как слой кожи. Внутри ничего не напоминало костный мозг. Это оказалась старая жевательная кость для собак, сделанная из шкур животных методом литья под давлением. Вот такой «кот в мешке».

После этого краткого погружения в общие воспоминания мне ничего не остается, кроме как успокоить собеседника:

– Не волнуйтесь, я займусь телом в понедельник. Ладно, хороших выходных.

Обещание выполнено. На следующей неделе вскрытие благополучно завершилось. Никаких особых следов или повреждений. Только одно отклонение от нормы: анализ крови выявил наличие большой, но не смертельной дозы снотворного. Это лекарство в разумных дозах прописал погибшей лечащий врач. Следователям это не особенно помогло, а наследники теряли терпение.

– Так, а что нам теперь делать с морозильной камерой? – спрашивает меня один из служащих морга.

Хороший вопрос. Предлагаю вернуть ее семье, но она отклоняет предложение. «Каждый раз, открывая эту камеру, мы будем думать о бабушке. Оставьте морозилку себе. Пусть она вам еще послужит».

Морозилки в виде ларя не очень нам подходят, поскольку удобнее пользоваться камерами с выдвижными ящиками, в которых хорошо

хранить и консервировать анатомические доказательства, взятые во время вскрытия и запечатанные. Но я соглашаюсь оставить агрегат. Дети покойной подтверждают дарение по почте. Нам осталось только почистить его и найти новое применение.

Сотрудник морга, отвечающий за эту задачу, сначала вынимает простыню, лежащую на дне ларя. Удивленный, он обнаруживает там пластиковый файл с рукописным письмом внутри. «Дети мои, простите меня за неприятный сюрприз. С тех пор как ушел муж, моя жизнь поменялась. Я больше не хочу жить. Я легла в морозилку сама. Отдаю свое тело науке. Заберите украшения».

О находке сразу сообщили жандармам, которые сравнили почерк письма с остальными документами покойной. Записку написала она сама. Следовательно, это было самоубийство замораживанием. Загадка разгадана. Однако последнее желание дамы оказалось невыполненным из-за непреодолимого препятствия: вскрытое тело нельзя передать науке. Прокурор приказал вернуть тело семье и разрешил кремацию. Вот что называется «бросать из холода в жар»…

А морозильная камера с тех пор так и служит нам, тихо урча в углу.

Удобный случай

Только что завершилось вскрытие трупа 55-летней Моник. Пока помощник зашивает разрезы, я делюсь своими первоначальными выводами со следователями. Обычно выводы включают в себя первичные данные о причинах и обстоятельствах смерти, независимо от того, насильственная она или нет.

В случае с Моник таких вопросов не возникает. Список видимых следов насилия на теле говорит сам за себя. Перелом левой скуловой кости и гематома на шее сзади позволяют предположить сильный удар по лицу с последующим падением назад. Тринадцать колотых ран, нанесенных одним и тем же клинком, сосредоточены в двух областях: у основания шеи и в области печени. Многочисленные порезы в верхней части груди и шеи, один из которых нанесен в результате попытки перерезать горло. Повреждения на уровне кистей, полученные в ходе самообороны.

Несмотря на медицинскую помощь, оказанную парамедиками, и операцию, экстренно проведенную в университетской больнице Пуатье, жизнь жертвы не удалось спасти из-за нескольких кровотечений, главное из которых было вызвано разрезом крупной печеночной вены.

> Моник была еще жива, когда дочь нашла ее лежащей в луже крови на кухне, с курткой, накинутой на лицо.

Но Моник уже потеряла много крови и очень ослабла. В любом случае в ней оставалось достаточно жизни, чтобы указать на убийцу. Бывают дни, когда работу следователей делает жертва… И безо всякой двусмысленности: это вам не «Омар меня убить»[16].

То есть никакого саспенса[17] нет.

В последующие дни я пишу объемный заключительный отчет, в котором подробно описываю все свои наблюдения: каждую рану – ее точный размер, ориентацию по отношению к поверхности тела, высоту от подошвенных поверхностей стоп пострадавшей. Эти цифры очень полезны при реконструкции картины преступления и в следственном

эксперименте, когда дело дойдет до проверки версии обвиняемого. В этом случае я могу сказать, что жертва стояла, когда ей нанесли удар ножом, и большинство ударов наносилось непрерывно, будто одним движением, как если бы нападающий перемещался вокруг нее, нанося все новые, и новые, и новые удары.

Два года спустя предполагаемый убийца предстает перед судом ассизов в департаменте Де-Севр. Это бывший молодой человек Сандрин, дочери Моник, – 22-летний конголезец, красивый и стильно одетый парень. Его арестовали через несколько часов после происшествия. Заключенный под стражу, он быстро сознался в преступлении. Он пришел занять денег у своей бывшей девушки. И не просто так: ранее он украл из ее сумочки незаполненный банковский чек, чтобы купить себе симпатичную «Ауди». Оплата по чеку не прошла из-за недостатка средств на счету, продавец автомобиля потребовал от молодого человека две с половиной тысячи евро наличными, чтобы зарезервировать за ним автомобиль. А если нет – прощай, «Ауди». Нечестный, лишенный всякого воображения молодой человек отправился к Сандрин, чтобы попросить у нее денег, которые ему не удалось украсть.

Только вот самой девушки не было дома, и дверь открыла ее мать. Ей никогда не нравился этот претенциозный красавчик, о чем она, не колеблясь, неоднократно ему говорила. Пока ее не стали называть расисткой.

Денег давать она не захотела. Такого отказа он выдержать не смог и набросился на нее.

> «Одной рукой я держал ее, а другой открыл ящик. Мне подвернулся мясницкий нож. Как только я схватил его, сразу ударил ее в живот, два или три раза. Она истекала кровью, но все равно продолжала говорить. Вот почему я проткнул ей шею. Я хотел, чтобы она замолчала».

Председатель суда ассизов вызывает меня на скамью свидетелей, и я исправляю показания обвиняемого. Он забыл упомянуть остальные удары. Эта неточность понятна, да и как упомнить, сколько ударов ты

нанес в запале. Если бы убийцы вели счет всему, профессия судмедэксперта была бы менее востребована.

Суд тоже ведет свой счет. И после двух часов совещаний – а это очень мало – убийцу приговаривают к двадцати годам лишения свободы.

Женщина в чемодане

Сильвет говорила слишком громко. Корин ужасно на нее разозлилась.

А теперь Сильвет лежит на столе из нержавеющей стали под скальпелем Мари, ожидая вскрытия по всей форме. Наружный осмотр, вскрытие грудной и брюшной полостей, распиливание черепной коробки, извлечение и взвешивание органов. Рутина.

Мари работает со мной уже много лет. В службу судебной медицины она пришла молодым интерном, а сейчас она – практикующий врач в больнице и опытный судмедэксперт. Операция, которую она проводит сегодня утром в октябре 2013 года, не представляет для нее никаких трудностей. Проходя различные этапы вскрытия, она вслух комментирует свои действия: как для присутствующего сотрудника уголовного розыска, так и для интерна, который под ее контролем будет писать протокол вскрытия. Мари регулярно останавливается, чтобы сделать фото.

– Жертва – женщина лет пятидесяти, миниатюрного телосложения, коротко подстриженные седые волосы, вес 41 килограмм, рост 163 сантиметра. Тело чистое, легкий запах жавелевой воды[18]… Множественные повреждения головы, свидетельствующие о сильных ударах, перелом правой скуловой дуги в верхней части скуловой кости… В ране на коже головы обнаружен маленький осколок стекла… На верхней губе и ноздрях имеются черноватые полосы, а также следы красного вещества и отметины, оставшиеся после протирания. Язык и задняя часть глотки имеют сероватый цвет, похоже на ожоги, вызванные едкой жидкостью вроде щелочи или кислоты… На правой руке три поверхностные раны, типичные для самообороны при защите от холодного оружия…

> На животе заметно зеленое пятно – признак того, что смерть произошла накануне или за день до обнаружения…

Трупное окоченение в зоне верхних конечностей было нарушено, вероятно, когда тело помещали в чемодан.

Мари переходит к внутреннему осмотру.

– Четыре раны в легких, справа и слева, одна из которых достигла сердца, вызвав массивное кровотечение и быструю смерть… Две раны в печени… Следов ожога в пищеводе нет, следовательно, жертва не глотала едкий продукт.

Последняя фотография соответствует результатам осмотра, сделанным накануне на месте преступления Алексией, коллегой Мари, дежурившей прошлой ночью.

Алексии позвонили из полицейского участка Ла-Рошели уже после восьми вечера. Она прибыла на место обнаружения трупа посреди ночи. Пока она ехала и искала адрес, криминалисты уже завершили осмотр, освободив место в небольшой студии, оккупированной следователями.

Большой диван был выдвинут на середину комнаты. Между ним и стеной стоял большой открытый чемодан на колесиках. Внутри находилось тело пожилой женщины, почти полностью обнаженной, на ней были только белые кружевные стринги. В воздухе повис стойкий зудящий запах жавелевой воды.

Старший следователь коротко ввел Алексию в курс дела.

В полицию поступил звонок от дочери подозреваемой – мать только что сказала ей по телефону: «Я сделала глупость, такую глупость», но большего дочь добиться от нее не смогла. Патрульные, направленные на место, долго стучали в дверь и звонили, прежде чем им открыли. Маленькая женщина с хмурым лицом, растрепанными волосами до плеч, явно не в лучшей форме, спросила патрульных, чего они хотят.

– Мы просто хотим посмотреть, все ли в порядке, мадам. Ваша дочь беспокоится за вас. У вас все хорошо?

– Да-да, все нормально. Только этот шум, все время этот шум.

– Мадам, о чем вы, какой шум? Я ничего не слышу.

– Да, шум. В цветочном магазине снизу что-то ремонтируют. Стучат весь день.

Прибыв на место, полицейский действительно заметил какие-то строительные работы на первом этаже, прямо под студией, которую занимала женщина.

– И не только это. Еще слышно сирены. И вертолет!

Растерянная квартиросъемщица проживала совсем рядом с больницей, и из ее дома, конечно, были слышны и сирены машин неотложки, и звук вертолета скорой помощи.

Продолжая говорить, дама попыталась закрыть дверь. Полицейский, заметивший маневр, поставил ногу в проем, продолжая беседу.

– У вас из квартиры так сильно пахнет. Что это? Жавелевая вода? У вас что-то случилось?

– Нет-нет. Я пользуюсь ею, чтобы было чисто, вот и все.

– Мадам, мы зайдем на минутку, чтобы убедиться, что все в порядке? Чтобы успокоить вашу дочь.

– Да нет же, все хорошо, говорю вам.

Но командир экипажа, опытный бригадир, почуял неладное. В квартиру нужно было войти обязательно. Поэтому он вел переговоры, пока дама все же не уступила и не впустила полицейских внутрь. Затем она с отсутствующим видом пошла к дивану и села на него. Полицейские отметили безупречную чистоту в квартире и сильный запах хлора. А еще – большой чемодан, наполовину скрытый диваном.

> Заинтригованный, один из полицейских обошел диван и тут увидел, что из неплотно закрытого чемодана виднеется человеческая ступня.

Он указал на это своим коллегам, бригадир отреагировал немедленно:

– Стоп, всем остановиться, ничего не трогать, вызываем команду криминалистов и судмедэксперта.

Дальше началась обычная суматоха, череда приходов и уходов, мигалок и специалистов, включая Алексию с большим мешком для тела.

Наутро после бессонной ночи Алексия передала эстафету Мари – мудрая мера, предусмотренная организацией службы судмедэкспертизы.

И вот, после почти четырех часов работы, Мари передает тело сотрудникам морга, чья задача – вернуть ему достойный вид. Затем

она идет к себе в кабинет писать предварительное заключение.

Этот важный документ немедленно отправляется по факсу прокурору Ла-Рошели, а копия передается следователям. Мы стали использовать такой метод передачи информации после одного оригинального случая: рассеянный сотрудник уголовного розыска записал информацию во время вскрытия и, не сверив с экспертом, передал ее непосредственно прокурору, который интерпретировал ее по-своему. Спустя несколько дней прокурор был крайне удивлен, прочитав письменный отчет, в котором утверждалось прямо противоположное тому, что он представлял.

Горячая пора для Мари и Алексии окончена. Остальное теперь в руках следственного судьи и следователей, которым предстоит разобраться, что же произошло той ночью в студии Корин в Ла-Рошели.

На это у них уходит почти два года. Тем временем Корин несколько раз давала показания, разъяснения, меняла свою версию. Чтобы выяснить детали происшествия, судья распорядился о проведении следственного эксперимента с присутствием всех заинтересованных лиц, соответственно, и судмедэксперта тоже. Но Мари в декрете. Ничего страшного, я подменю ее. Это называется «командная работа».

Прежде всего я погружаюсь в дело, переданное магистратом. Это история двух женщин, Корин и Сильвет, которые жили в Ла-Рошели. Первая – пенсионерка в хронической депрессии. Вторая – безработная под опекой как ограниченная в дееспособности. Два одиночества встретились за три недели до происшествия, начали приятельствовать и в одно воскресенье решили прогуляться до барахолки, организованной в порту, прежде чем вернуться к Корин, съесть торт и выпить по чашке кофе.

В этот момент действие резко меняет направление. По словам Корин, Сильвет начала говорить громко. Вдобавок она стала стучать лезвием ножа по кофейному столику, отрывисто и без остановки. Корин попросила ее перестать.

Сильвет не восприняла слова всерьез, стала смеяться. Тоже громко. Корин не выдержала. Она набросилась на подругу, разбила бутылку вина ей о голову.

Сильвет сопротивлялась, они подрались. Затем все улеглось на какое-то время. Корин разрезала торт. Но тут Сильвет снова начала стучать ножом. После непродолжительной борьбы за нож Корин нанесла удар. Несколько раз. Она уже не помнит сколько. Три раза точно. У Сильвет пошла кровь. Она упала и ударилась головой о кофейный столик. Мертва.

Что было после? Ошеломленная, Корин сначала села на диван. Повсюду была кровь. Корин принялась мыть все, как одержимая. Нужно было все оттереть. Поэтому она стала мыть с жавелевой водой. Она все терла и вытирала. Корин вымыла все: стены, ковер, диван, журнальный столик и сам труп тоже. Она раздела Сильвет и вымыла ее несколько раз, надела на нее одни из своих трусиков, потому что было неприятно видеть ее обнаженной. В конце концов она, как сумела, засунула труп в чемодан. Но трупное окоченение не дало ей довершить дело, пришлось оставить одну ступню снаружи…

На следующее утро Корин сходила в парикмахерскую, сняла в банкомате деньги и купила билет на поезд, чтобы поехать к дочери в Бретань. После обеда она передумала, решив убить себя. Пошла в супермаркет, чтобы купить бензин, кислоту и алкоголь. Сначала она хотела все это проглотить, а потом подумывала устроить пожар. Наконец она позвонила дочери.

Все это повествование опирается исключительно на показания Корин. Они частично подтверждаются выводами полиции, но остались вопросы относительно хода нападения. Отсюда и необходимость в следственном эксперименте, ради которого я явился в назначенный день точно в срок. И вот я перед охраняемой многоэтажкой, у меня нет ни кода домофона, ни номеров телефонов других участников эксперимента. Я стою с глупым видом и жду, когда же меня пустят внутрь те, кто меня там ждет.

В отчаянии смотрю на парковку у дома. Немного в стороне припаркована полицейская машина. Я подхожу к ней. К счастью, внутри есть водитель, который терпеливо ждет, проводя время за чтением местных новостей. Вот он, мой спаситель. Благодаря ему я

наконец попадаю на место преступления, внося туда еще больше суматохи.

На этих двадцати квадратных метрах ковролина еще никогда не толпилось столько людей. Вместе со следственным судьей, секретарем суда, тремя полицейскими, двумя сотрудниками следственного изолятора и подследственной, адвокатами и заместителем прокурора нас уже дюжина, то есть на каждого приходится меньше двух квадратных метров. Я не могу найти себе место. Быстро ставлю рюкзак в угол комнаты, где никто о него не споткнется. Извлекаю свои рабочие инструменты: цифровой «Никон» D300 и бесподобный широкоугольный объектив 10–24. Этого достаточно, чтобы сделать неплохие фото происходящего, несмотря на недостаток места.

Когда начинается следственный эксперимент, я внимательно наблюдаю за Корин, стоящей между двумя накачанными сопровождающими. Обычная, ничем не примечательная маленькая женщина в джинсах и розовом свитере. Она держится, слегка наклонившись вперед, очень напряженно сжимает руки. Она послушно перемещается по каждой просьбе судьи, моделируя различные ситуации.

> Каждый раз полиция фиксирует сцену, делая снимки, заставляя всех присутствующих отодвигаться, чтобы не попадать в кадр. И каждый раз я встаю рядом с фотографами, чтобы сделать собственные снимки.

Так у меня будет все, что нужно, чтобы быстро написать отчет.

Мы подошли к моменту нападения. Корин показывает, как она действовала. В конце концов, если ее утверждения и разнятся от одной версии к другой, это может быть связано с тем, что она чего-то не помнит. Ее показания не особенно противоречат результатам судебно-медицинской экспертизы и в целом соответствуют обнаруженным следам и повреждениям.

Я не совсем уверен в порядке событий, но в итоге уясняю для себя следующую последовательность: Корин и Сильвет вступают в схватку и обмениваются ударами. Затем Корин несколько раз наносит Сильвет удар бутылкой по голове. Бутылка разбивается. После короткого

перерыва Корин хватает нож, которым до этого стучала Сильвет, и наносит ей двенадцать ударов. Девять из них попадают в грудь и живот, три – в левую верхнюю конечность, которой Сильвет пыталась защититься.

Сильвет теряет сознание от кровопотери, и ее тело падает на пол. Падая, Сильвет ударяется лицом об угол стеклянного стола, ломая скуловую дугу. Смерть наступает из-за быстрой остановки насосной функции сердца.

Далее Корин производит с телом некоторые манипуляции: четырежды перемещает его, несколько раз моет, надевает на него стринги. К вопросу о чистоплотности и стыдливости.

Но остается довольно загадочный момент. Токсикологические анализы показали в крови жертвы золпидем – сильнодействующий барбитурат, используемый при лечении бессонницы. На вопрос судьи Корин отвечает, что не знает, откуда он там взялся. «Сильвет, наверное, приняла его раньше», – говорит она.

Через два года после следственного эксперимента в Сентском суде ассизов проходят слушания по этому делу, и я наконец могу получить полное представление о произошедшем. Одна из наших интернов присутствует на слушаниях с самого начала. Это часть ее обучения. Нет ничего более полезного для будущего судмедэксперта, чем посещение суда ассизов, начиная от выбора участников до вынесения приговора через несколько дней.

> Слушания в суде – это концентрат нескольких лет расследования, театральная сцена, грандиозное представление, где ответ на простой вопрос может изменить ход всего дела.

Порядок дачи показаний свидетелями и экспертами выбирает председатель. Судмедэксперт обычно присутствует во время судебного разбирательства до дачи показаний и может оставаться в зале после.

По своему обыкновению, я приезжаю задолго до назначенного времени. Большинство свидетелей уже заслушаны. Как и во время следственного эксперимента, Корин на скамье подсудимых выглядит

немного потерянной, ее фигура кажется такой хрупкой между двумя бодибилдерами из охраны следственного изолятора. Сцепленные руки Корин нервно двигаются, она вся в черном. Первый день слушаний суд посвятил анализу ее жизни. Этакое вторжение в частную жизнь правонарушителя, в ходе которого поднимаются все подробности, даже самые грязные. Интерн кратко меня информирует.

Когда председатель дал слово Корин, она упомянула о своей давней депрессии и мыслях о самоубийстве. Вкратце рассказала о своей молодости, отце-насильнике и матери, его сообщнице, которые всегда разговаривали громко и угрожали Корин ножом, чтобы она молчала. Десять детей пары в течение многих лет якобы подвергались сексуальному насилию и избиениям. Когда Корин было 14 лет, она сбежала с одной из сестер. Выйдя замуж, а затем разведясь, Корин окончательно потеряла доверие к мужчинам до такой степени, что представляется вымышленным именем, когда пробует завести новые отношения в Ла-Рошели.

Благодаря раннему приезду мне посчастливилось услышать показания опытных психиатров. Это всегда важный момент. Я ставлю себя на место присяжных: поймут ли они подчас совершенно непонятную лексику, которую, возможно, вывалят на них специалисты?

Дело в том, что мои коллеги-психиатры делятся на две категории: тех, кто выражается как можно более простым языком или хотя бы объясняет сложные термины, – их я понимаю, и мне нравится с ними работать, – и тех, кто не выходит за рамки своего специализированного словарного запаса, и даже с моей медицинской культурой (самой базовой в сфере психиатрии) я не понимаю значения некоторых слов. Сегодня нам повезло: выступают врачи из первой категории.

Экспертов-психиатров несколько: один обследовал подсудимую во время содержания под стражей в полиции, второй – во время госпитализации в психиатрии, вскоре после происшествия, третий – во время содержания в следственном изоляторе. Загвоздка в том, что эти врачи не были единодушны в отношении психического состояния Корин на момент преступления. Поэтому следователь назначил комиссию из трех других экспертов, которые получили доступ к отчетам коллег, больничным картам и могли побеседовать с Корин.

Во время осмотра в полиции она находилась в «состоянии сильной тревоги, граничащей с помрачением сознания», в состоянии шока. Что ж, когда тебя поймали с поличным и содержат под стражей, это неудивительно. В то время Корин не могла объяснить свои действия иначе как стрессом от шума вокруг. У нее не было бреда, галлюцинаций, но тем не менее ее способность мыслить была нарушена. Заключение врача – своего рода психиатрический компромисс: не совсем безумна, но и не здорова.

Шесть месяцев спустя, после второй экспертизы, проведенной, когда Корин была госпитализирована в психиатрию, эксперт зафиксировал сообщения о галлюцинациях во время совершения преступления: «слишком громкий голос жертвы напомнил мне голос матери», «мне как будто бы явилась мать». Однако эта галлюцинация не сопровождалась повелением или приказом («Убей ее!»). Переход к нападению был описан как приступ патологической ярости. В итоге эксперт поставил диагноз: «Психическое функционирование в регистре психозов, которое до тех пор было под контролем и внезапно декомпенсировалось в день преступления». Я понимаю, о чем говорит эксперт, но он не разъясняет присяжным термин «психоз». Жаль.

> Все довольно просто: психоз – серьезное психическое расстройство, сопровождающееся потерей контакта с реальностью, бредом, иррациональными представлениями.

Иногда больной не знает, что реально, а что нет. Он может страдать от зрительных или слуховых галлюцинаций, не осознавать своего состояния. Вполне логичный вывод этой второй экспертизы – полная потеря способности к здравым суждениям. Это уже тяжелое психиатрическое состояние. Раньше оно означало пожизненную госпитализацию. Ставки высоки, потому что тот, кто заявляет о полной утрате человеком способности к здравым суждениям, говорит о его уголовной невменяемости, необходимости его психиатрической госпитализации и невозможности суда.

Третий эксперт согласен с первым.

Однако последнее слово остается за коллегией психиатров. Внимательно изучив дело Корин и ее жизнь, они обнаружили в документах дела и показаниях обвиняемой несогласующиеся факты. Их внимание привлекли «элементы расчета, даже откровенного сокрытия улик пациенткой» в том смысле, что она, возможно, ловит рыбку в мутной воде. Ничего удивительного, ведь все это происходит в Ла-Рошели, крупнейшем центре рыбной ловли на европейском Атлантическом побережье…

Я избавлю вас от необходимости запоминать что-то, кроме вывода. Итак, я понимаю, что три психиатра коллегии испытывают трудности с объяснением действий подсудимой в психиатрической парадигме, что Корин, вероятно, говорит не всю правду и ее можно судить, даже если она не мыслила ясно во время инцидента. Однако все согласны с тем, что тут речь должна идти скорее о психиатрической помощи, нежели о тюремном заключении… Психиатрия – это сложно.

В нашем коллективе судмедэкспертов много психиатров. Судебных психиатров. Я отношусь к ним с теплом, но иногда, чтобы подразнить их, напоминаю о своем в некотором роде примитивном видении психиатрии: для меня есть большие сумасшедшие (иногда представляющие опасность и находящиеся в специальных учреждениях), которые не могут приспособиться к жизни в обществе; умеренные сумасшедшие – им удается неплохо справляться при помощи лекарств и часто вести социальную жизнь, пусть даже немного беспорядочную; пограничные случаи между безумием и нормальностью; социопаты, не любящие общество; психопаты, умеющие скрываться среди нормальных (по крайней мере, до поры до времени, и потом попадающие в категорию больших сумасшедших); и, наконец, нормальные.

Большинство из нас – нормальные, но мы можем позволить себе быть немного параноиками, немного обсессивными[19], немного невротичными или немного истеричными… (Но это уже не большая психиатрия, а просто психология, поскольку то, что вы из нормальных, не означает, что вы не страдаете.)

> И я даже могу вам сказать, это не секрет, что некоторые психиатры мечтают внести всех нас (и нормальных тоже) в свой реестр психических расстройств (DSM).

В DSM был даже гомосексуализм, и исключили его оттуда только в 1973 году.

Когда в шутливом тоне я изрекаю подобные простые истины, моя команда в ужасе закатывает глаза, все протестуют, напоминая мне, что о сумасшедших так давно уже не говорят.

В то же время все признают, что где-то в глубине здесь есть доля истины. Но только в самой глубине…

После показаний психиатров наступает время следователей. Обожаю эту часть. Именно тогда у меня складывается картина дела. И здесь личность Корин предстает передо мной в совершенно новом свете.

Следствие проделало кропотливую работу, благодаря которой вырисовывается совсем иное описание подсудимой. Она говорит, что «больше не хотела видеть мужчин в своей жизни», но следствие выяснило, что она регулярно созванивалась по меньшей мере с тремя мужчинами в течение полугода до происшествия. Корин была мошенницей: она использовала вымышленные имена и чужие чековые книжки, получала социальное пособие на другого человека, у нее были деньги из непонятных источников и она лгала о средствах, которые получала. Ее действия после убийства вовсе не хаотичны: кажется, она делала все для того, чтобы скрыть тело и вывезти его из города.

Вот и я наконец на скамье свидетелей[20]. Представившись (я забыл указать свой возраст, как потом отметит интерн) и принеся стандартную присягу (честно и добросовестно внести свой вклад в отправление правосудия), я возвращаюсь к последовательности событий, сообщенной обвиняемой, попутно сравнивая ее с результатами вскрытия. Хотя история кажется связной, я не могу не заметить: все могло бы сложиться иначе, не находись жертва под воздействием золпидема.

Это замечание приходится кстати – на скамье свидетелей меня сменяют токсикологи. И здесь следственный судья использовал тяжелую артиллерию: двух очень внимательных к деталям экспертов, которые, помимо поиска и измерения всех токсичных веществ в жидкостях, взятых во время вскрытия, также состригли волосы жертвы и провели их анализ.

> Потому что в волосах записана история всех медикаментов, которые мы принимаем, будь то постоянно или один раз.

Первый эксперт подробно объясняет, как в луковице волоса (и его стержне) преобразуются поглощенные продукты, оставляя свой след. Золпидем можно отследить в волосах всех, кто регулярно его принимает. Волосы отрастают в среднем на один сантиметр в месяц; длина образцов волос, взятых у потерпевшей, – четыре сантиметра. Таким образом, эксперт имел данные за последние четыре месяца. Результаты анализов однозначны: за месяц, предшествовавший смерти, Сильвет ни разу не принимала золпидем…

Теперь очередь второго эксперта. Он подтверждает показания первого и добавляет весомый аргумент: доза золпидема в крови жертвы соответствует приему двух или трех таблеток за несколько мгновений до смерти. Продукт, метаболизирующийся в луковице, не мог быть обнаружен в волосах, поскольку они не успели отрасти с момента употребления медикамента до наступления смерти. Дозировка не смертельна, но достаточна, чтобы вырубить (образно говоря) человека, который не употребляет препарат регулярно.

Обобщенные показания токсикологов ясны: это не регулярное лечение золпидемом, а его однократный прием, гарантирующий сонливость или по крайней мере снижение способности сопротивляться. Между тем у Корин есть рецепт на это лекарство. У Корин, но не у Сильвет!

А Корин до сих пор отрицала, что давала Сильвет хотя бы малейшую дозу лекарства.

Женщина-обвинитель понимает, что здесь кроется несоответствие, ужасный изъян в защите Корин. Она вскакивает с места, за несколько минут доводит обвиняемую до предела и

сталкивает ее со всеми противоречиями. Она заканчивает громовым: «Мадам, время сказать правду». Наступила минута молчания, затем Корин тонким голосом признается:

– Да, я дала ей лекарство.

– Но почему до сегодняшнего дня вы всегда говорили, что ничего не знаете о золпидеме? Даже в присутствии следственного судьи?

– Сегодня все по-другому. Это суд ассизов.

После этой театральной сцены и короткого перерыва слушание продолжается вяло.

Токсиколог садится рядом со мной. Я пользуюсь возможностью тихонько поболтать с ним, но чья-то рука стучит меня по плечу. Я оборачиваюсь. Вот это да!

На меня смотрит точная копия обвиняемой, только моложе. Вся в черном, как и мать, то же лицо, та же мимика, та же стрижка. После всего услышанного мне показалось, что это галлюцинация. Меня начинает беспокоить мое психическое состояние, но я сразу же успокаиваюсь: обвиняемая все еще на скамье подсудимых.

Молодая женщина смотрит мне в глаза и говорит:

– Месье, не хочу показаться неуважительной, но это все же суд над моей матерью!

> Затем она отводит взгляд от моего лица и обращает его к матери. Ее лицо сияет, она в полном мистическом экстазе, очарованная своим кумиром, убийцей Сильвет.

Защищаясь, Корин снова рассказывает о своем разрушенном детстве, изнасиловании отцом, о матери, угрожавшей ей ножом, чтобы та молчала, а также о метаморфозе Сильвет с ножом в роковую минуту.

– Я видела маму, – шепчет она.

Чего не сделаешь, чтобы заставить присяжных сомневаться. Однако ничто не подтверждает эту версию, которая, по сведениям, полученным от сотрудников следственного изолятора, подсказана подсудимой ее дочерью в комнате для свиданий.

Когда я выхожу из зала суда, молодая женщина все еще пребывает в экстазе. Я беспокоюсь о ее будущем…

Следующий день – день судебных прений, окончание процесса. В соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса (статья 346), «после завершения судебного следствия заслушиваются истец или его адвокат. Обвинитель приводит свои доводы. Обвиняемый и его адвокат представляют защиту. Истцу и прокурору разрешается дать ответную реплику, однако последнее слово всегда остается за обвиняемым или его адвокатом».

Слово имеет адвокат истца (семьи Сильвет). Закон ограничивает его роль требованием компенсации для семьи, он не может настаивать на конкретном приговоре, однако зал быстро понимает, что он собирается поддержать предстоящее обвинение прокурора. Он описывает действия Корин, дачу золпидема Сильвет без ее ведома, приступ насилия и его ничтожный мотив – «только потому, что она говорила слишком громко», наконец, «преступную подготовку» тела, вымытого и помещенного в чемодан.

Затем прокурор, который представляет народ, возобновляет наступление. «В этом деле нет ничего типичного», – начинает она. В своей длинной обвинительной речи она признает, что «у некоторых может возникнуть соблазн квалифицировать это убийство как безумное деяние. Но, по показаниям следователей, подсудимая не могла быть так уж неуравновешенна, как кажется».

> Идеально вымытое место преступления – это «неслыханно».

Принятие мер, позволяющих быстро уехать, без сомнения, с телом в чемодане, способность лгать, манипулировать людьми – все это свидетельствует об организационных способностях, которые плохо согласуются с серьезной психиатрической патологией.

Последние слова остаются за защитой. Несмотря на удары обвинения, адвокат Корин придерживается первоначальной линии: измененное психическое состояние подсудимой. Конечно, она не невменяема, но тем не менее все же скорее нуждается в психиатрическом лечении, чем в содержании под стражей. Ее травмирующее прошлое, очень серьезная депрессия, отсутствие мотива, этот сумасшедший поступок, галлюцинации – все оправдывает

сокращение срока наказания. Выступая последней, Корин, ранее несудимая, выражает сожаление и просит прощения.

После более чем трех часов раздумий Корин приговаривают к пятнадцати годам тюремного заключения, что значительно превышает требования прокурора, который требовал десять лет, объяснив это тем, что она представляет опасность. А председатель напоминает присутствующим, что «раны, нанесенные подсудимой, свидетельствовали о намерении убить».

Корин не будет подавать апелляцию.

Двойной удар

Во Вьенне стоит солнечный понедельник, что бы там ни говорил Клод Франсуа[21]. Примерно в двадцати километрах от Пуатье я сворачиваю на сельскую дорогу. Я никак не могу найти место, указанное по телефону жандармом часом ранее. С другой стороны, у меня есть время полюбоваться старинными фермами, стоящими посреди лугов. Я представляю себе суматоху, царившую здесь полвека назад: во время сбора урожая туда-сюда снуют телеги, запряженные лошадьми и волами, со стогов сена перекликаются батраки, слышно треск и стрекот первых тракторов.

Теперь в тщательно выметенных дворах царит тишина. За закрытыми ставнями многие фермы, тщательно отреставрированные, ожидают конца недели, чтобы проснуться. Они ждут выходных, когда их городские хозяева ненадолго здесь остановятся.

Вид синих машин жандармерии за поворотом возвращает меня к моей миссии. Автомобили припаркованы перед огромным металлическим ангаром, у входа расположена небольшая ремесленная зона. Вывеска на воротах гласит: «Ремонт сельхозтехники». Паркуя автомобиль, я поравнялся с каретой скорой помощи. Водитель притормаживает, пассажир опускает окно.

– А, это ты? Клиента мы оставляем тебе. Он уже вне нашей компетенции. Удачи.

> Действительно, для интенсивной терапии у клиента истек срок годности. Он висит на высоте более десяти метров над землей, на самой высокой части металлического каркаса, вокруг шеи – веревка.

Если бы не следователь, пришедший встретить меня, я ни за что не увидел бы его.

– Смотрите, вон туда, наверх. Там темно, но можно различить очертания на последней балке. Это владелец. То есть был…

Капитан кратко излагает суть дела. Один из двух работников предприятия, как обычно, пришел в семь утра. Он открыл мастерскую и удивился, не обнаружив там своего шефа, обычно приходившего на рассвете. Он пошел посмотреть, есть ли кто в кабинете, потому что там горел свет. Но в кабинете никого не было. Работник выключил свет и направился к своему рабочему месту.

Ему нужно было закончить сварку рамы. Это кропотливая работа, с которой он хотел справиться до обеда. Проходя через большой зал, работник обругал того, кто оставил в центре стремянку; обычно стоявшую в углу. Он сложил лестницу и поставил ее на место.

И тут он почувствовал что-то липкое на левой руке. Кровь! Он подумал, что поранился, сам того не заметив, и подошел к умывальнику, чтобы смыть кровь. Он осмотрел руку: никакой раны. Озадаченный работник отправился осмотреть лестницу. Тогда-то он и наткнулся на карабин. Оружие лежало на земле, но в темноте он его не заметил. Стало понятно, что этот понедельник отличался от всех остальных. Работник взял карабин и положил его в кабинете. Хозяин знал бы, что делать. Потом он пошел туда, где нашел лестницу. Только на этот раз смотрел внимательнее. Вот оно, это место, куда он наступил. Работник нашел, что искал. На бетонном полу виднелись кровавые следы. Но откуда взялась кровь? Он поднял голову. И увидел наверху своего шефа.

Работник вызвал скорую помощь и жандармов. Затем он рухнул как подкошенный, и его пришлось отвезти к врачу и оставить там. Шок был слишком сильным. Чтобы избежать повторения, следователи попросили его коллегу не приезжать в ангар. Затем они приступили к осмотру.

– Дело несколько запутанное, – говорит жандарм. Есть повешенный, есть следы крови, есть лестница и оружие, которые были перемещены до нашего прибытия. Все это придется распутать, но сначала надо снять тело.

Лестницу ставят на то место, где ее нашел работник. Добровольно вызвавшийся полицейский (потому что спортсмен) взбирается по несущей конструкции для осмотра.

Преодолев последние перекладины, он нам сообщает: «Видно плохо, но, кажется, он повешен». Какая проницательность!

Он продолжает восхождение, перелезая с одной балки на другую и ворча. «Черт возьми! Здесь полно пауков. Не нравится мне тут». Я улыбаюсь, думая о своем старшем сыне и о панике, охватившей его, когда однажды, собирая чернику, он наткнулся на колонию маленьких зеленых паучков. Но ему тогда было восемь лет.

Полагаясь только на собственное мужество и внимая голосу долга, жандарм залезает еще выше. Никакого страха! «Тут сверху балки какие-то следы в пыли. Я сфотографирую».

Следуя по возможным следам повешенного, жандарм наконец достигает самого верха, максимально приближаясь к телу. Вспышка его камеры сверкает, пока он фиксирует каждую деталь сцены.

«Жертва висит на веревке длиной около восьмидесяти сантиметров. Тело перевернулось на бок, наполовину лежит на балке. Вытащить его отсюда будет сложно. Ладно, я спускаюсь».

Чудо цифровой фотографии: я сразу вижу кадры жандарма-альпиниста на экране камеры.

> На первый взгляд, все похоже на повешение по сложному сценарию. Но я до сих пор не могу понять, откуда взялась кровь.

Приехавшие тем временем на помощь спасатели подготовили оборудование и материалы; пришла их очередь. Бригадир резко отчитывает старшего следователя: «Могли бы и подождать немного. Что, если бы ваш скалолаз упал?»

На тело повешенного надевают обвязку, защищающую его от падения с помощью системы шкивов и карабинов. Затем шнур, удерживающий тело на балке, обрезают. Можно начинать спуск. Тело, мягко покачивающееся над нами и вращающееся само по себе, выглядит странно.

Прежде чем оно коснется земли, я расстилаю большую белую простынь – благодаря ловкости спасателей труп мягко приземляется на нее животом вниз.

Начинается моя игра. Первое замечание: факт повешения не вызывает сомнений. Переворачиваю тело на спину, чтобы продолжить осмотр. Я крайне удивлен – по безупречно белой простыне, там, где покоилась голова, растекается роскошное пятно крови. Я наклоняюсь.

Правый висок липкий от крови, в нем отверстие с почерневшими краями. Я быстро сравниваю его размер с калибром оружия, найденного в ангаре, – это карабин под девятимиллиметровый патрон Флобера для охоты на мелкую дичь: все сходится, размер совпадает.

На этом я заканчиваю предварительный осмотр. Все остальное выяснится в секционном зале. Поскольку труп отправляется в институт судебной медицины, старший следователь дает мне последние данные, собранные его людьми. Бизнес погибшего был на грани краха. Он набрал долгов на крупные суммы, но так и не смог их погасить. Потом от него ушла жена.

> Бедолага, наверное, решил, что с него хватит. Остается только понять, как ему удалось и повеситься, и выстрелить себе в голову.

Сканирование подтверждает наличие металлической массы в черепной коробке, раздавленной о костную стенку напротив входного отверстия. Вскрытие черепа позволяет проникнуть в мозговую оболочку, очень твердую, защищающую мозг. Первый же удар бистури[22] сбрасывает давление внутри черепа, заставляя кровь хлынуть потоком.

Ориентируясь по изображениям со сканера, я разрезаю мозг, следуя траектории свинцового заряда. Группа крошечных дробинок проложила прямой тоннель через серое вещество и вызвала массивное кровоизлияние в мозг.

Что касается шеи, на ней хорошо заметна странгуляционная[23] борозда, идеально чистая и поднимающаяся к затылку, что характерно для повешения. Гортань, хрупкий орган, который часто повреждается в результате насильственного удушения, не поврежден. Небольшая инфильтрация крови в мышцах (наличие кровоизлияний) подтверждает, что мужчина был еще жив, когда затягивалась петля.

По самому вероятному сценарию, отчаявшийся владелец предприятия все подготовил, установил лестницу, а затем взобрался на нее с веревкой и карабином. Он устроился на самой высокой точке, привязал веревку, затянул узел. Стоя слегка неустойчиво, он приставил ствол к голове и выстрелил. Оружие упало. Из-за немедленного массивного кровоизлияния в мозг мужчина потерял сознание, его тело

завалилось на бок, затянув фатальный узел на шее. Так он и умер, повешенный и смертельно раненный в голову. Интересно, он так перестраховался из-за перфекционизма или тревожности? В любом случае шансов остаться в живых не было.

Радикальная операция

Гуляющие по лесу, бывает, тоже попадают в список охотничьих трофеев. Нужно признать, что иногда они сами не очень-то заботятся о собственной безопасности, например, игнорируя все предупреждения о запрете прогулок по частным дорогам во время охотничьего сезона.

Однако с этим славным малым дело обстояло иначе. Жандармерия Монморийона попросила меня осмотреть его, пока он лежал в урологическом отделении университетского больничного центра.

Поскольку урология имеет к охоте такое же отношение, как цистит к цитрусам, мне весьма любопытно послушать пациента и понять, что с ним случилось. Так что на следующее утро я наношу визит в палату, которую он занимает один, и нахожу в ней 65-летнего мужчину явно в отличной форме.

– Здравствуйте, вы месье В.?

– Да, это я.

– Я доктор Сапанэ, судмедэксперт. Пришел вас осмотреть по просьбе жандармерии.

– Доктор, а это не преждевременно? Как видите, я еще жив.

> По крайней мере, чувство юмора пациенту не ампутировали. Насчет остального посмотрим.

Уверив его в безвредности моего осмотра, я прошу рассказать, что случилось. Собеседник торопится удовлетворить мое чисто профессиональное любопытство.

– Так вот. Я ничего не успел сообразить. Мы с женой шли по сельской дороге. Все было спокойно. Внезапно я почувствовал что-то вроде удара, сильного удара в бедро. Я упал на землю и не смог встать. Жена позвала на помощь. Приехали спасатели, отвезли меня в отделение неотложной хирургии. И там, доктор, мне сказали, что в меня попала пуля. Ее хорошо видно на рентгеновском снимке.

Действительно, отличный скан таза и бедер. Эта анатомическая область очень деликатная. Нашему любителю прогулок повезло, что он относительно легко отделался.

Имея перед собой снимки, я мысленно повторяю сценарий: месье В. получил удар по паховой складке с правой стороны. Пуля повредила ему таз, и раненый не смог подняться. При контакте с костью пуля фрагментировалась, рассыпав осколки повсюду, оторвала половину простаты (своего рода радикальная простатэктомия[24]) и в итоге раздробила противоположную часть таза.

– О том, чтобы вытащить пулю, и речи нет, – продолжает пациент. – Хирург объяснил мне, что после этого я могу стать совсем беспомощным. Так что руки прочь.

Быстрый осмотр подтверждает наличие входного отверстия от снаряда[25] и отсутствие каких-либо признаков выхода. Итак, у него теперь есть лишняя дырка ниже пояса. Он признается, что уже слышал эту шутку от друзей.

С другой стороны, невозможно точно оценить калибр оружия так, как я это делаю обычно, по диаметру входной раны: беспокоясь о сосудах в этой области, хирурги исследовали рану и нарушили ее первоначальный вид. Однако на снимках сканера, помимо разрозненных фрагментов головки снаряда, видна целая дробина диаметром около семи миллиметров. К сожалению, точность моей оценки недостаточна. В оружейных магазинах есть боеприпасы нескольких калибров, которые могут соответствовать подобному размеру.

Эти недостаточные, на мой взгляд, выводы я и передаю жандармам. В ходе расследования они выясняют, что в день инцидента группа людей охотилась в 650 метрах от места происшествия.

Один из них выстрелил в животное на хребте – выстрел был крайне рискованный, нарушающий правила безопасности. Следует производить только выстрелы, направленные в сторону земли, чтобы пули, не попавшие в цель или перелетевшие ее, застревали в ней в конце своего пути, а не терялись в округе.

> Основываясь на положении каждого стрелка и возможной траектории полета пули, следователи выявили того легкомысленного охотника, которого привлекут к ответственности за нанесение непреднамеренных травм.

Спустя несколько лет я снова осматриваю пострадавшего. На этот раз любитель прогулок борется с раком простаты, который дал метастазы и поразил органы и ткани малого таза. Цель моего осмотра необычна: выяснить, могла ли пуля сыграть роль в таком распространении рака. Ввиду начальных поражений, из-за которых части простаты разлетелись по всем тканям малого таза, я отвечаю на этот вопрос утвердительно.

Что ни говори, охота – опасное дело, иногда она может даже усугубить течение рака!

Стретчинг

Мой собеседник на том конце провода настаивает на своем:

– Вы нас не пропустите, док: 46° 09’ 18” северной широты, 1° 10’ 6” западной долготы.

– Это координаты места, где мы встречаемся?

– Да, и координаты тела. К тому же вас должна заинтересовать история аквалангиста в наручниках.

– Это, конечно, всегда пожалуйста, но на сегодняшнее утро у меня уже есть программа. Посмотрю, кого можно вам выслать. Перезвоню, как только приеду в университетскую больницу. Думаю, вам понадобится все: томограф, вскрытие, токсикология… И не забудьте привезти все материалы, особенно баллон, чтобы взять пробу газа.

Откровенный смех следователя меня озадачивает.

– Это лишнее, вот увидите, тут особый случай.

Мое любопытство задето за живое, но полицейский отказывается рассказать больше.

Я смотрю на стену, где большие красные цифры показывают время: 6:35 утра. К завершению разговора я окончательно проснулся.

Странное совпадение: на прошлой неделе нам поручили разобраться в происшествии с водолазом. Морскую бригаду Ла-Рошели вызвали на несчастный случай на производстве: водолаз, выполнявший погружение, перестал отвечать коллеге на поверхности. Последний экстренно спустился на глубину 30 метров, чтобы достать потерявшего сознание.

> Когда он добрался до дна, тот водолаз, что находился внизу, был вялым, не дышал и смотрел в пустоту «широко открытыми черными глазами, хотя вообще-то глаза у него голубые».

В полной панике, встряхнув коллегу несколько раз, спасатель стал поднимать его наверх, не соблюдая традиционные декомпрессионные остановки, которые требуются в этих обстоятельствах, по крайней мере живым. А тот, кого он вытаскивал со дна, уже был, по моему мнению, мертв.

С тех пор спасатель жил как в аду. Каждую ночь, вздрагивая, он просыпался от одного и того же кошмара: друг смотрит на него большими черными глазами и с трубкой во рту умоляет его во время подъема: «Помедленнее, помедленнее! Ты меня убьешь».

Его мучила навязчивая идея, что это он убил своего друга, слишком быстро поднимая его, не соблюдая остановок.

Морская бригада с помощью своих экспертов провела расследование и сразу же исключила из причин несчастного случая неполадки в оборудовании и качество газа, используемого водолазом. В лучшем случае погибшего можно было обвинить в том, что он работал дольше, чем полагалось, в нарушение трудового законодательства, но здесь он сам был и начальником, и жертвой…

Сканирование, проведенное перед вскрытием, дало необычный результат. В норме характерные изображения газа на снимках обнаруживаются только в дыхательных путях, легких, желудке и часто в толстой кишке. Здесь же наш водолаз напоминал старый труп, разбухший от гнилостных газов, хотя тело его при этом прекрасно сохранилось. Множество пузырьков газа проникло во все ткани. Все крупные сосуды – аорта, легочные артерии, крупные вены – содержали газ. Даже в случаях самой тяжелой декомпрессионной болезни я никогда не видел столько пузырьков.

Я быстро пришел к выводу, что такое ненормальное присутствие газа в теле было простым следствием десатурации[26] трупа во время подъема и в последующие часы.

Процесс десатурации у ныряльщиков сродни появлению пузырьков в бокале шампанского. Пока пробка в бутылке, пузыри не видны. Как только пробка выскакивает, сразу появляются мелкие пузырьки, и этот процесс продолжается на воздухе. Переход от глубин к поверхности немного похож на открывание бутылки. Только медленный подъем позволяет телу при помощи дыхания постепенно высвобождать газ, растворенный в крови и тканях тела.

Но наш водолаз уже не мог дышать, и растворенный газ, который не имел возможности покинуть тело, распространился по нему, заполнив пузырями.

Вскрытие установило причину смерти: банальный разрыв аневризмы головного мозга, совершенно не прогнозируемый у здоровых молодых людей.

Церебральная аневризма возникает в результате порока развития артерии в головном мозге, просвет которой расширен, то есть представляет собой мешочек, небольшой карман – его стенка становится тонкой, теряет эластичность и подвержена разрыву. Стенка артерии может разорваться в любой момент, в том числе из-за высокого артериального давления: кровь из поврежденного сосуда устремляется наружу, образуя гематому в головном мозге, которая сдавливает ткань самого мозга. Это может привести к потере сознания. Такие разрывы часто вызывают серьезные последствия, даже если врачебная помощь оказана вовремя. Самые тяжелые формы нередко приводят к летальному исходу.

В порядке исключения и учитывая психологическое состояние спасателя, я согласился с ним встретиться, чтобы ответить на его вопросы, в надежде, что он в итоге забудет этот черный пустой взгляд, преследующий его каждую ночь.

> У водолаза были большие черные глаза, потому что его зрачки были расширены (это называется мидриаз), что было следствием необратимого повреждения мозга.

По этой же причине он уже не дышал. Что касается пузырей по всему телу, спасатель ничего не мог поделать, он все равно доставал из-под воды мертвеца.

Но вернемся к сегодняшней миссии. Приехав в университетскую больницу, я сразу же смотрю, кто на смене: Алексия свободна, она сможет поехать в Ла-Рошель. Что до меня, я погружаюсь (уместно будет так выразиться) в свое последнее дело, историю жертвы, напоровшейся на нож в руках преступника. По крайней мере, такова версия последнего после визита его адвоката. Жертва больше не говорит: она мертва.

Алексия приехала на место в Ла-Рошели и докладывает мне о ситуации. Она большая любительница писать сообщения, считает, что это удобнее, чем говорить по телефону. «Шеф, вот уж действительно странный аквалангист. Маска есть, а баллона я что-то не вижу».

Я же сообщения терпеть не могу. Я все еще сопротивляюсь смартфонам, с одной стороны, потому, что предпочитаю телефонные звонки, но в основном из-за непродолжительного времени их автономной работы, которое считаю смехотворным. Меня раздражает необходимость заряжать аккумулятор каждые 24 часа. Моя старая раскладушка Doro, две недели работающая без подзарядки, непобедима. С другой стороны, писать сообщения на ней – это кошмар: нужно нажать на клавишу несколько раз, чтобы выбрать букву, и каждое сообщение занимает у меня огромное количество времени. Кажется, это называется tap mode[27]. Поэтому я, как обычно, отвечаю лаконичным OK.

«Не двигала его, жду вашего мнения. Он лежит на животе, руки сцеплены за спиной. В руках – конец трубки маски. Еще у него рука между ног».

Мне трудно представить себе эту сцену. А поскольку у Алексии с дайвингом туговато, у меня есть сомнения и относительно ее технического словаря. Мне трубка маски больше напоминает гофрированный шланг, который идет к регулятору, когда дайвер использует ребризер[28], что объяснило бы отсутствие классического баллона.

Я отправляю сердитый «?». (Заметьте, только я знаю, что это сердитый вопросительный знак.)

Алексия печатает быстро – через несколько секунд мне приходит кое-что еще: «Ключ от наручников найден, висит на цепочке на столбе примерно в двух метрах от тела».

Ситуация становится все более запутанной.

Озаренный внезапной догадкой, я ввожу GPS-координаты в «Google Планета Земля». После нескольких попыток ввода, ошибок и опечаток я вижу, что Алексии в Ла-Рошели совсем неплохо: еще бы, в двух шагах от здания, напоминающего казино, на берегу моря. Но если аквалангист находится рядом с ней, то он не в воде и не на пляже, а на высоте девяти метров над уровнем моря и… в городском саду. Найдите ошибку!

В этот момент я не выдерживаю, хватаю верный «Доро» и звоню.

Голос, ответивший мне, полон иронии:

– Да, шеф?

– Вы можете мне это объяснить?

– Шеф, надо было вам ехать. Я в дайвинге не разбираюсь, но все это оборудование кажется мне странноватым.

Алексия объясняет.

Парень найден в сквере, но в гидрокостюме. Следователи рвут на себе волосы, улики разбросаны повсюду. Тело она пока еще не переворачивала.

– Я могу вам только сказать, что на нем гидрокостюм. А еще маска, которая надета на голову и закрывает все лицо. Из маски выходит большой гофрированный шланг, спускающийся по спине. На конце шланга, который он держит в руках, что-то закреплено серой лентой.

Наступает долгое молчание.

– Что за рука между ног? Ему отрубили руку? Но как же тогда держались наручники?

– Нет, шеф, рука пластиковая… А, и еще, я забыла сказать, ягодицы у него обнажены… На ногах обувь для дайвинга, но надета на футбольные гетры…

– Вы меня разыгрываете или это серьезно?

– Разыгрывать вас, аквалангиста? Никогда! Вы же знаете меня, шеф!

– Вот именно…

– Я отправлю вам фото по MMS.

– Ах, нет, не надо, мой телефон не открывает MMS, это так сложно, мне придется зайти в свою учетную запись «Оранж», потом… Короче, очень неудобно.

– Вы крайне современны, босс!

– Ха-ха… легко вам смеяться надо мной! Отправьте фото на почту университетской больницы.

– Хорошо, считайте, что уже отправила!

Через несколько минут приходят фотографии.

Действительно, ягодицы совсем открыты. Гидрокостюм наспех изрезан ножницами. Красная пластиковая рука выделяется на фоне

ярко-желтых гетр и темно-синего гидрокостюма. Что касается маски, она не похожа на современную маску аквалангиста.

Беглый поиск в интернете показывает, что это российский противогаз, широко распространенный в странах Востока. Есть и модель с ребризером. В 1973 году русские даже разработали модель для подводных спасательных работ, ИП-3.

Я снова беру телефон:

– Что говорят следователи?

– Я вам еще не все рассказала, шеф!

– Да нет, без шуток. Я немного сомневался…

– По ночам этот сквер – излюбленное место встреч у любителей несколько своеобразных сексуальных практик… В радиусе десяти метров от тела на квадратный метр приходится почти пять презервативов. Разной степени использованности. И рука тоже в презервативе. Следователи размышляют, все ли забирать с собой. А мне что теперь делать?

– Вы, как всегда, оборачиваете руки трупа крафтовой бумагой, потом переворачиваете тело на полотно чехла для трупов.

– И потом снова звоню вам?

– А вы как думаете?

Спустя полчаса оказывается, что спереди тело даже интереснее, чем сзади. Еще несколько сюрпризов. На этот раз Алексия сразу присылает фотографии. Они весьма информативны.

Вырез на ягодицах продолжается между ног и поднимается до выбритого лобка. Еще спереди установлено высококлассное электрооборудование: один электрод вставлен между крайней плотью и головкой полового члена, другой – закреплен на яичках. Кажется, я вижу на мошонке металлическое кольцо. Из двух круглых отверстий, прорезанных в гидрокостюме, выступают соски. На них также закреплены электроды.

Что до противогаза – на нем нет лямок. Это действительно покрывающий всю голову водонепроницаемый резиновый противогаз; чтобы надеть такой на голову, его придется натягивать. Правое стекло, находившееся ближе к земле до того, как тело подняли, окрашено в ярко-красный цвет киновари, что выглядит очень эффектно на контрасте с белой пеной, заполнившей левое стекло.

– Шеф, нам продолжать здесь или все везти в институт?

– Красиво все упаковываете и возвращаетесь домой. Только проверьте, что точно забрали все: если есть электроды, где-то должен быть и пульт управления…

Через несколько часов в университетской больнице Пуатье мы помещаем тело в томограф. Сканирование производится прямо в чехле, со всем оборудованием на теле. Металлические предметы искажают сигнал и, следовательно, изображение, но мы все равно можем четко различить небольшой металлический контейнер, помещенный в конец шланга противогаза.

> Единственная аномалия, отмеченная при сканировании, – легкие заполнены жидкостью, но никаких следов газа в мягких тканях: кессонной болезни у нашего «аквалангиста» точно не было.

На следующий день Мари и Алексия работают в секционном зале в четыре руки. В зал поочередно заглядывают все сотрудники судмедэкспертизы и даже секретари – слишком велико их любопытство, вызванное этим совершенно беспрецедентным случаем. Информация быстро распространяется за пределы службы, несмотря на мое указание соблюдать конфиденциальность. А все из-за того, что мы не сразу разобрались, как снять металлический предмет с мошонки трупа.

Как и во всех сложных случаях, наружный осмотр накануне также проводился в секционном зале. К счастью, Алексия сообразила захватить ключ от наручников, висевший на цепочке, что само по себе превратилось в приключение, потому что, чтобы снять цепочку со столба, ей пришлось искать кусачки в комиссариате Ла-Рошели.

Для обнаружения следов ДНК стерильными тампонами берут образцы с наручников, ключа, цепочки и серой ленты, обмотанной вокруг конца трубки. Затем наручники снимают. Со всеми электродами обращаются одинаково осторожно, как и с пультом управления, найденным в нескольких метрах от тела.

Наконец снят и противогаз. Из носа и рта выходит кровянистая жидкость. Конец трубки, через который обычно попадает воздух, полностью заблокирован флаконом с попперсами[29], закрепленным несколькими слоями серой ленты. Судя по виду конструкции, был предусмотрен только выпускной клапан для воздуха, но не впускной. Удушение гарантировано.

Веки опухли, лицо отечное, синюшное. Оно не того серого цвета, какой часто встречается при отравлении попперсами.

– Шеф, а что с кольцом? Как будем снимать?

Кольцо массивное, наверняка весит граммов 300–400. Оно надето на мошонку чуть выше яичек, пенис полностью свободен. На это приспособление даже смотреть больно: я сочувствую нашей жертве. Представляю себе, как эта штука растягивает кожу, напирает на яички, с каждым шагом, с каждым движением давит на эти маленькие чувствительные органы: ой-ой-ой…

Кольцо состоит из двух частей, шарниром скрепленных друг с другом; регулировочный винт позволяет соединить части кольца, когда оно уже надето. Тут возникает техническая проблема: как открыть кольцо без шестигранного ключа, если такого инструмента в нашем распоряжении нет? Конечно, и речи нет о том, чтобы оставить приспособление на месте и позволить жертве продолжить свое путешествие в вечность с ним.

Выход только один: звонок в техническую службу университетской больницы. Но чтобы получить ключ, приходится объяснить, зачем он нам.

Наконец, после долгих переговоров, двое сотрудников техслужбы, движимые понятным любопытством, появляются в дверях секционного зала со спасительным ключом.

Прежде чем приступить к вскрытию, нужно решить еще одну проблему. Поскольку противогаз не давал жертве дышать – скорее всего, перед нами смерть от удушья. Но, возможно, попперсы тоже сыграли свою роль. Как обнаружить отравление амилнитритом или каким-то другим компонентом попперсов? Желтый флакончик, кажется, так и дразнит нас. Да и дозировать эти вещества непросто, потому что они чрезвычайно летучи и быстро испаряются.

Мы учитываем потребности токсикологической службы и берем образец крови во флакон, закрывающийся специальным устройством, предотвращающим проникновение воздуха и испарение веществ.

В остальном – классическое вскрытие. Берем другие образцы, особенно из легких, очень тяжелых и заполненных кровянистым экссудатом[30].

Несколько дней спустя, когда я иду забирать свою корреспонденцию у начальника почтовой службы больницы, каждый норовит подойти ко мне и засыпать вопросами и комментариями:

– Про ваше последнее вскрытие – это все правда?

– Вы напишете про это в следующей книге?

– Помните тот случай с аквалангистом, которого привязали к шесту? Его тогда нашел торговец рыбой во время отлива. Вы говорите, что в шоке, а торговца тогда, кажется, пришлось отправить в психушку!

– Да, был привязан к шесту для мидий бушо[31], на острове Ре или на Олероне, где там мидий выращивают.

– Говорят, одну руку ему отрезали и вставили в прямую кишку, а другая была прицеплена к столбу наручниками… А ключ прибит к столбу, чтобы не потерялся.

– И что у него был желтый баллон для дайвинга.

– И что там в нем было полно всяких штук, вызывающих эрекцию, ну, не «Виагры», а маленьких флакончиков, от которых сразу кончаешь. Попперсы, вот как они называются.

– И что к этому флакону он прицепил свой акваланг. Вот уж действительно сумасшедший!

– Это был секс или убийство? Кому знать, как не вам!

– Моя дочь, которая учится в одном классе с вашим сыном, спросила его про этот случай, но он ничего не стал ей рассказывать. Он что, не в курсе?

– Не заливайте, док, у вас явно есть какая-то идея, даже если девушки из вашей команды не хотят нам больше ничего рассказывать…

– Ха! То есть это все они вам рассказали?

– Ну да, они недолго сопротивлялись. Робер, который работает в техобслуживании и помогал вам, уже рассказывал нам кое-что раньше,

но только про кольцо вокруг шаров. Похоже, вы заставили его поклясться молчать. Что это было за кольцо?

– Это правда было кольцо Мебиуса?

Конечно, некоторые приукрасили историю… Но я не могу устоять перед удовольствием подтвердить все разом.

– Итак, док, это садомазохистское преступление? Жертва связана и скована наручниками, что же еще это может быть, верно?

Это очень здравое замечание. Мог ли наш «аквалангист» собрать эту конструкцию в одиночку? Во всяком случае, на нем нет никаких повреждений: ни гематом, ни ссадин – словом, никаких следов насилия.

Я элегантно выхожу из ситуации:

– Мы еще не закончили исследования, нужно посмотреть кое-что в интернете.

– Думаете, вы найдете там его фото?

– Нет, хочу посмотреть все эти штуки. Вы подали мне идею.

Фраза вылетела сама собой, без раздумий, но я сразу загорелся мыслью представить этот особенный и редкий случай французскому обществу судебной медицины. Но для этого мне нужна дополнительная информация. Я предлагаю Алексии и Мари начать поиски с простых слов: «попперсы», «кольцо», «мошонка», «удовольствие», «наручники».

Мы получаем незамедлительный результат: помимо нескольких очень серьезных статей от общества урологов, в том числе рассказа о том, как гениталии механика застряли в автомобильном шарикоподшипнике, остальные результаты поиска подверглись цензуре – они отфильтрованы системой университетской больницы.

Дело становится трудноразрешимым. Но нам нужно иметь какое-то представление о сексуальных практиках, в которых мы совсем не разбираемся. О тех, которые я скромно называю альтернативными.

Наконец я связываюсь с сотрудником, ответственным за IT-обеспечение больницы, подробно разъясняю ему проблему.

Для работы мне действительно нужно обращаться к сайтам, описывающим определенные сексуальные практики.

Пользуясь случаем, я объясняю, что еще мне было бы полезно иметь доступ к сайтам, посвященным насилию, оружию, взрывчатым веществам и преступлениям, которые также отфильтровываются университетской системой.

После моей просьбы наступает долгое молчание. Собеседник выглядит озадаченным.

– Доктор, обычно я отвечаю отказом на такие просьбы. Когда вы заходите на подобные сайты, на вас обрушиваются нежелательные сообщения… И особенно вирусы, один опаснее другого.

– А что же ваш антивирус?

– Он эффективен. Обычно. Если обновлять базы при каждом посещении сайтов.

– То есть это «да»?

Вновь молчание, тяжелее предыдущего.

– А из дома вы все это смотреть не можете? У вас есть интернет?

– Да, но он модемный, и я не представляю, как буду организовывать служебные встречи дома только для того, чтобы просмотреть эти изображения… Мне ведь и команду нужно обучать. Представляю себе лицо моей жены…

– Пф-ф-ф… Это создаст неприятный прецедент. Я уже отказал гинекологическому отделению. Они хотели изучать результаты по запросам «детские изнасилования» и «педофилия».

– Да, я понимаю, но они же не ищут изображения колец для мошонки! И подумайте о других моих просьбах…

– Ах да, оружие и взрывчатка… Вы что, планируете теракт?

Мой собеседник расслабляется. Это хороший знак.

– Ладно, но на ваш страх и риск! В любом случае нужно ограничиться одним компьютером. Подумайте, прежде чем выбрать!

Выбор сделан быстро в пользу одного из общих компьютеров, стоящих в опенспейсе, на котором раньше не было никакой конфиденциальной информации.

Далее мы долго блуждаем по специализированным сайтам и делаем череду совершенно неожиданных открытий. Повышение квалификации судмедэксперта иногда приобретает удивительные формы…

Вот как мы узнаем об удовольствиях, испытываемых некоторыми, когда их подвешивают на чем-то вроде гигантских крюков, избивают плетьми, связывают всевозможными способами, об оргазме от сенсорной депривации, о желании боли от орудий пыток или членовредительства, об употреблении уже известных нам веществ…

Мы изучаем грани садомазохизма, где с удовольствием подчиняются, хотят быть избитыми, связанными, униженными… В том числе и с риском для жизни, если речь идет о гипоксии: кислородное голодание усиливает ощущение удовольствия.

Некоторые используют простой пластиковый пакет, другие имитируют повешение – с этой практикой мы уже знакомы.

> Нечаянный успех повешений в ходе сексуальных игр регулярно приводит их жертв ко мне на стол.

Не говоря уже о секс-игрушках, разнообразных устройствах, ударах электрическим током…

Что касается грубого обращения с гениталиями, здесь существует бесконечное количество комбинаций, и наше кольцо в конечном счете оказывается не самой агрессивной формой в сравнении с введением стержней в уретру (это проток полового члена, по которому моча выводится наружу), или, что еще хуже, с разрезанием уретры при помощи скальпеля вплоть до бисекции члена (разделения его надвое), причем не может не возникнуть вопрос: какая после этого от него будет польза…

Очень быстро мы находим наше знаменитое кольцо, и… Оказывается, что оно очень просто в использовании. Не нужно быть большим мастером: «Раскройте кольцо, наденьте его на мошонку, аккуратно натянув кожу, чтобы не защемить ее, закройте, поверните винтик шестигранным ключом, который поставляется с кольцом».

Тем временем эта драма вызывает бурную реакцию и волнует представителей местного гей-сообщества. Изнасилование, закончившееся смертью? Гомофобная агрессия? Стигматизация членов сообщества на фоне сексуальной игры, которая плохо закончилась? Благодаря прессе я могу следить за эхом этих страстей, ожидая, пока расследование продвинется дальше.

Через несколько дней нам приходят результаты дополнительных исследований образцов, взятых во время вскрытия.

Микроскопическое исследование легких подтверждает массивный отек и разрыв легочных альвеол, этих тонких перегородок, которые обеспечивают обмен между кровью и воздухом для насыщения организма кислородом. Эти поражения указывают на асфиксию из-за обструкции дыхательных путей.

> Под действием дыхательных усилий давление в легких увеличивается, что вызывает разрыв стенок альвеол.

С другой стороны, несмотря на все проверки, токсиколог не обнаружил ни алкоголя, ни психотропных препаратов или других токсичных веществ, ни следов стимуляторов, ни даже попперсов.

Наконец приходит время для обобщения данных со следователями. В полицию жертва раньше не попадала. Посещение дома погибшего подтверждает его аппетит к сексу: там нашли множество соответствующих аксессуаров и порнографических видео. Исследование его компьютера показало, что он изучал разные опасные темы, о чем мы уже догадались во время ускоренного курса по альтернативным сексуальным практикам.

Все указывает на несчастный случай, но остается вопрос: мог ли он сам, в одиночку, установить всю эту конструкцию? Очевидно, нет. У этой мизансцены совершенно точно были свидетели и даже участники, но их поиски по сей день не увенчались успехом.

Наше заключение: несчастный случай во время эротического удушения.

Пусть это происшествие послужит напоминанием о том, как важно соблюдать осторожность в таких опасных, а иногда смертельно опасных, практиках.

Бегунья

Около 7:30 утра, августовское солнце предвещает жаркий день. Как всегда по утрам, Клеманс бегает трусцой. Молодая женщина, только что отметившая 26-летие, в наушниках на автомате бежит по привычному маршруту в сельской местности Пуату. Пробежав несколько километров по узкой тропинке, она выбегает на фермерскую дорогу между двумя кукурузными полями. Сезон выдался хороший – высокие стебли кукурузы закрывают горизонт. Клеманс не слышит, как сзади накатом движется машина.

Внезапно перед ней оказывается мужчина, она подскакивает от неожиданности. Он заговаривает с ней. Она останавливается, вытаскивает наушник.

– Да?

– Не хочешь потрахаться, прямо сейчас?

– Вы что, с ума сошли?

Это все, что она успевает сказать. Парень набрасывается на нее – резко рвет майку, хватает за руку и швыряет на землю. Она борется, кричит. Он бьет ее, кулаком по лицу, ногой в живот. Потом сильно сжимает ей шею, давит все сильнее и сильнее. Клеманс умоляет его остановиться. Он сжимает еще крепче. Она больше не может дышать. Задерживает дыхание и чувствует, что теряет сознание. Клеманс вот-вот умрет.

> Внезапно воздух возвращается в легкие. Дезориентированная, ошеломленная, но живая, сквозь слезы она видит нападавшего, который убегает с криком: «Я больше не хочу, я не хочу!»

Несколько часов спустя, благодаря оказавшему помощь автомобилисту и жандармам Невиля-де-Пуату, Клеманс осматривают в отделении судебно-медицинской экспертизы, чтобы оценить тяжесть полученных травм. Обнаружены множественные ссадины, гематома под левым глазом и следы от ногтей на шее. Клеманс много плачет, у нее все болит. В заключение Мари настаивает на том, что позже будет

необходимо провести оценку психологического ущерба, нанесенного потерпевшей. После отделения неотложной помощи, где у Клеманс диагностировали легкое растяжение связок шейных позвонков и установили ей шейный ортез, она возвращается домой с рецептом на обезболивающее.

Тем временем преступник арестован. Жандармам не пришлось долго его искать. Мужчина живет в двух шагах от места нападения. Сорока девяти лет, холост, управляет семейной фермой, никогда не привлекал внимания. Он признает нападение перед следователями, затем перед следственным судьей, утверждая, что не понимает, что с ним произошло, и выражает глубокое сожаление. По обвинениям в покушении на изнасилование и убийство его заключают под стражу до суда.

Семь месяцев спустя, пока идет расследование, судья просит меня снова осмотреть потерпевшую, чтобы повторно оценить ее состояние. У молодой женщины, которую я осматриваю, все еще осталось несколько незначительных физических проблем. Есть жалобы на умеренные боли, в том числе головные.

А вот в психологическом плане картина ухудшилась, как отметил опытный психиатр, обследовавший Клеманс за три недели до меня. Я читаю в его отчете: «потеря интереса к жизни, беспокойство, сверхбдительность, нарушение сна». Клеманс сообщила ему, что больше не может ни ездить в общественном транспорте, ни заходить на подземную автостоянку. У нее налицо все клинические признаки посттравматического стрессового расстройства.

Судья также просит меня оценить степень опасности нападения. Я снова анализирую фотографии дела, сделанные при экстренном осмотре. Рассказ Клеманс, как и царапины и следы удушения у нее на шее, свидетельствует в пользу двух отдельных эпизодов сдавливания. Преступник сначала схватил жертву за шею, чтобы обездвижить ее, потому что она сопротивлялась. Именно на этом этапе он вонзил ногти в кожу, оставив глубокие царапины. Как только жертва оказалась в надежном захвате, он сжал ей горло обеими руками, вызывая

сдавливание дыхательных путей, отсюда и ощущение остановки дыхания, прекрасно описанное Клеманс.

Это чрезвычайно опасно: если бы нападавший продолжил сжимать шею дальше, он, несомненно, убил бы бегунью.

Я увидел эту девушку снова только два года спустя, во время судебного процесса над нападавшим в суде ассизов Вьенны в Пуатье.

Ей совсем не стало лучше. Судебный процесс только усугубил ее переживания, поскольку ей пришлось неоднократно рассказывать о нападении и, следовательно, переживать его заново. Сначала дважды перед жандармами, затем перед следственным судьей, экспертом-психиатром, экспертом-психологом, который сообщил о ее тревожно-депрессивном состоянии, затем перед судмедэкспертом, а потом снова перед судом ассизов.

В то же время она не наблюдалась у психолога, а успокоительные препараты и антидепрессанты, прописанные терапевтом, ей не помогли. Я убежден, что более тщательный подход к преодолению стресса и правильное психологическое сопровождение помогли бы не допустить некоторых из ее симптомов или облегчить их.

Другая сторона тоже не в лучшей форме – нападавший на скамье подсудимых пребывает в подавленном состоянии. Бедный парень, вся жизнь которого заключалась в работе на ферме, почти не имевший отношений с женщинами, «неспособный к отношениям» – скажет осматривавший его психиатр.

> На вопрос председателя суда подсудимый вновь говорит о своем стыде, о вине, которая его душит, и о том, что его все не покидает вопрос: «Почему я это сделал? Почему?»

Мои фактологические показания ограничиваются пересказом моего же экспертного заключения – описанием повреждений и их развития. Когда дело доходит до допроса, обвинитель довольно резко спрашивает меня: «По вашему мнению, господин эксперт, мог ли обвиняемый убить в тот день?» Я смотрю на присяжных, четырех женщин и двоих мужчин: все неподвижны. Они ждут моего ответа. «Да, господин обвинитель. Но он этого не сделал. Он ослабил

давление». Услышав мой ответ, обвинитель приобретает раздраженный вид.

На следующий день наступает время прений.

Адвокат Клеманс рассказывает о разрушенном будущем беззаботной молодой женщины, «которая была так счастлива», чья «жизнь была прекрасной, многообещающей, освещенной жизнерадостностью» до этой скверной встречи.

Клеманс оказалась «в состоянии посттравматического стресса, сверхбдительности», с чувством, что в любой момент с ней может случиться что угодно, что все может исчезнуть в одночасье, «одним махом».

Тем, что выжила, Клеманс обязана исключительно своему упорному сопротивлению и годам занятий боевыми искусствами.

Теперь поднимается обвинитель, чтобы произнести речь. Прибегая к громким словам и широким жестам, он превращает Клеманс в героиню смертельной схватки, отдавая дань ее сопротивлению при попытке изнасилования и убийства.

Чтобы подчеркнуть свои слова, он перечитывает одно из заявлений жертвы: «У меня есть отчетливое чувство, что он всем сердцем хотел убить меня».

Затем обвинитель проходится по длинному списку женщин, убитых на пробежке незнакомцами, и приходит к выводу: «Пытаться понять – не значит простить вину».

Он настаивает на заключении эксперта-психиатра.

> «У нападавшего, конечно, был импульс к действию, но он смог самостоятельно прервать нападение, следовательно, этот импульс не создавал непреодолимого принуждения, что могло бы уменьшить ответственность подсудимого».

У него, без сомнения, было намерение изнасиловать и убить. Требуется приговорить его к десяти годам лишения свободы с принудительным лечением.

После этой атаки обвинения адвокат защиты делает со своей стороны все возможное.

Он напоминает, что подсудимый ранее не был судим, описывает единственную жизнь, знакомую ему, – семейную ферму, которая передавалась из поколения в поколение от отца к сыну.

Обвиняемый возложил на себя моральный долг продолжать семейное дело. Без женщины в своей жизни, за одним кратким исключением, без друзей, без отпусков, он с подросткового возраста сам строил свой суровый быт, никогда не имел проблем с законом, не прибегал к насилию, замкнутый в своей семейной и профессиональной жизни.

Затем он уточняет для присяжных: «Вы не судьи, в чем пытается убедить вас господин обвинитель, вы здесь не только для определения наказания, но и для квалификации фактов».

Ставки высоки, поскольку, в зависимости от квалификации, срок наказания варьируется от обычного до двойного.

Что касается попытки изнасилования, напоминает адвокат, этот термин означает попытку сексуального проникновения. Однако при нападении не было даже прикосновений сексуального характера, подсудимый только порвал на потерпевшей майку.

Что до покушения на убийство, адвокат настаивает на том, что нападение прервал обвиняемый, что означает добровольный отказ от совершения преступления. Он уточняет, что «просит не оправдания, а приговора в соответствии с переквалификацией фактов».

Последнее слово остается за обвиняемым. Он неловко поднимается с места: «Я не понимаю. Я признаю свои ошибки, но не узнаю себя. Я не мог совершить такое. Виню себя… И не понимаю». Он заливается слезами.

Его приговаривают к восьми годам лишения свободы за покушение на убийство и сексуальное домогательство и пяти годам принудительного лечения. Обвинение в попытке изнасилования отклонено. В качестве компенсации ущерба, причиненного потерпевшей, он должен выплатить ей 8900 евро.

Я сохранил редкое фото из зала суда: на нем обвиняемый, полностью завороженный происходящим.

Парень не мог понять, что с ним произошло, и, на мой взгляд, в тюрьме он этого тоже не поймет.

Его мозг на мгновение уступил место чему-то, что он не мог выразить словами: импульсу, который он не мог контролировать или не знал как, внезапно пустившему под откос две до этого самые обычные жизни.

Подсудимый перешел от неизменного уклада повседневной жизни на ферме, зависящего от времен года, к застывшему тюремному пребыванию. Его жертва потеряла ориентиры и заблудилась в страшном мире, полном опасностей. В то августовское утро 2014 года часть Клеманс навсегда осталась на грунтовой дороге в кукурузных полях.

Мумм

Обычный мартовский вторник. Я пользуюсь перерывом в расписании, чтобы написать отчеты. Это очень важное время для судмедэкспертов. Но длится оно ровно до того момента, когда телефонный звонок дает сигнал к выезду: любитель прогулок на природе только что обнаружил тело на поляне где-то на востоке департамента.

Вот он, технологический прогресс: жандарм дает мне GPS-координаты участка. Больше нет необходимости в утомительных объяснениях или промежуточных пунктах встреч посреди поля у мигалок. Мне нужно только ввести долготу и широту в бортовой навигатор и позволить ему вести меня.

Я собираю на выезд ту часть команды, которая прямо сейчас не занята в каком-нибудь важном процессе: на суде ассизов, в следственном эксперименте или вскрытии. Ну что же, из всего можно извлечь какой-нибудь урок. Так что со мной в путь отправляются руководитель клинической практики[32] и интерн.

Как обычно после выезда на тело, в нашем материальном обеспечении пополнение – в этот раз два рюкзака.

> Долгие годы мы таскали чемоданчики по грязи, по крутым склонам или скальным откосам, и в итоге я согласился на покупку рюкзаков.

Только они оставляют руки свободными во время продвижения к телу, иногда очень непростого. Пора грузить вещи в машину, и вот мы уже в пути.

Сорок минут спустя мы пересекаем заграждение жандармерии, перекрывающее небольшую грунтовую дорогу, граничащую с несколькими павильонами 1960-х годов.

Чуть дальше, у леса, в не слишком густой рощице молодых дубков, стоят синие машины. У фургона криминалистов уже раскрыт тент и работают батареи. Двое техников на месте преступления в

белых комбинезонах обтягивают обширный периметр желтой лентой, на которой крупными буквами написано «Национальная жандармерия. Пересекать запрещено». Еще двое осторожно ходят по земле с металлоискателями в поисках улик. Их первые находки отмечены желтыми пластиковыми табличками. Всего работает около десяти человек.

По прибытии нас встречает старший следователь. Он кратко обрисовывает ситуацию.

– Человеку, гулявшему по лесу, показалось, что он увидел человеческий череп сквозь кучу опавших листьев, и он сообщил нам. Патруль, отправленный на место, подтвердил находку, ничего не трогая. Красивый чистый череп, вам для разнообразия…

– Спасибо за такое внимание, действительно, а то все что-то одно и то же.

Дело в том, что у меня только что закончилась такая полоса, когда мне попадались исключительно гнилые и пахучие трупы. Думаю, что за три недели я прошелся по всему спектру ароматов: запахи прогорклого масла, сыра маруаль, бургундского сыра… Последнее тело забирали под проливным дождем, ночью, на скользком спуске, под светом прожекторов бригады криминалистов. Стоял собачий холод, поэтому мы обрадовались ощущению ласкового тепла, излучаемого мертвецом, довольно сильно разложившимся. Его тело кишело личинками: именно они создавали это внезапное тепло.

По определению, тот факт, что скелет найден в природе, означает подозрительную смерть.

> Уже давно стало дурным тоном умирать где бы то ни было, кроме больницы.

За неимением лучшего сойдет и собственная постель, конечно. Старший следователь продолжает:

– Техники уже собрали первые улики, пока ждали вас. Пойдемте, доктор, мы вам все покажем.

Про себя я отказываюсь от домыслов относительно состояния тела. Когда я забираю труп с места происшествия, обычно мысленно

провожу вокруг него три круга. Первый – это общее окружение: тип района в городе, фешенебельный или простой; природная среда (лес, поле, пруд…); погода в предыдущие недели (жарко, холодно, влажно, сухо…). Все это влияет на процессы, протекающие в теле, – на его разложение или же, наоборот, сохранность.

Что ж, если тело уже в виде скелета, погоду можно не принимать во внимание: этот март был холодным, смерть наступила по меньшей мере несколько месяцев назад. Мой первый круг ограничивается этим лесом.

Время надевать экипировку. Сначала я объясняю руководителю клинической практики и своему интерну, что попасть на место преступления можно только при двух условиях: полное защитное облачение, чтобы не загрязнить место, и зеленый свет от старшего следователя.

Затем мы переходим к практике: каждый надевает комбинезон, ботинки, маску и перчатки поверх обычной одежды под веселым взором жандармов, уже экипированных с головы до ног.

Я пользуюсь этим моментом, чтобы дать несколько здравых дружеских советов, подсказок, проверенных многолетним опытом. Например, не одеваться слишком тепло под комбинезон, даже в прохладную погоду, если вы не хотите закончить день в портативной сауне а-ля парник. Или иметь под рукой, помимо необходимых для осмотра тела хирургических перчаток, еще и пару прочных хозяйственных, очень полезных для определенных манипуляций.

Для другого моего совета уже слишком поздно. На интерне обувь на каблуках, которые совершенно не подходят для этой ситуации…

Нам остается только вооружиться незаменимым устройством, то есть цифровым фотоаппаратом, и пройти по стопам следователей. О том, чтобы свободно прогуливаться внутри обозначенного периметра, не может быть и речи.

> Чтобы никто не наступил на улики, техники разметили коридор доступа и зону движения, за которую выходить нельзя.

Пересекая желтую ленту, мы входим во второй круг, на прилегающую территорию. Здесь у нас больше шансов найти следы или улики.

Один за другим мы продвигаемся за нашим проводником. По обе стороны от отмеченного коридора пронумерованные желтые таблички указывают на интересные объекты, обнаруженные командой криминалистов.

Справа женский ботинок со сломанным каблуком. Чуть левее – очки без одной линзы. Еще дальше – второй ботинок. Если эти предметы принадлежат жертве, мы можем предположить, что здесь шла борьба.

Металлоискатели жандармов с завидным постоянством издают резкий писк. Мы наблюдаем, как жандарм осторожно наклоняется, смахивает опавшие листья и чаще всего идет дальше, пожимая плечами. Еще одна пивная крышка.

По-прежнему идя по пятам за старшим следователем, мы приближаемся к объекту всеобщего внимания, мягко выступающему рельефу в толстом ковре из дубовой листвы.

Округлая форма светло-коричневого цвета, гладкая на вид, лишь частично проступает сквозь листву. Эта форма, без сомнения, напоминает человеческий череп.

И вот мы достигли еще одной границы, тоже отмеченной желтой лентой, образующей вокруг черепа круг диаметром два метра. Это мой третий круг – непосредственного окружения. Я останавливаю команду. Не только для того, чтобы показать им, кто здесь главный, но, прежде всего, чтобы объяснить, что делать дальше.

– Пока подождите меня здесь. Сначала я зайду в эту зону один, чтобы установить положение тела. Так мы не наступим трупу на пятки, не зная, где они у него.

> Я продвигаюсь вперед один, перед каждым шагом осторожно раздвигая опавшие листья, и, к моему большому удовольствию, натыкаюсь на кость.

Доказательство того, что судмедэксперт не зря ест свой хлеб. Более того, речь идет не об одной кости, а о двух: лучевой и локтевой – неразлучных друзьях в предплечье. А вот кисть отсутствует.

Я ставлю новую желтую табличку и продолжаю исследование, осматривая снизу вверх предплечье, а потом плечо. Затем появляется короткий рукав старомодного халата, сшитого из синтетической материи и потому еще целого. Женские ботинки, халат: вырисовывается гипотеза о том, что скелет принадлежит женщине.

Теперь я приступаю к надплечьям. Начинаю освобождать останки, помещая листья, покрывающие их, в большой контейнер. Все, что находится на теле, под ним и рядом, будет собрано и доставлено в институт судебной экспертизы для сортировки. По моему указанию руководитель клинической практики и интерн тоже начинают сгребать листву.

Теперь становится видно голову, наклоненную в сторону. Нижняя челюсть отсутствует – должно быть, оторвалась и упала на землю. Вряд ли она где-то далеко. Поищем позже.

Продолжаю стряхивать листву со скелета по направлению к ступням. Попутно замечаю под застегнутым спереди халатом что-то вроде хлопковой ночной рубашки, довольно плохо сохранившейся. Крупный цветной узор и пастельные тона напоминают мне одежду моей бабушки. Я поднимаю голову, чтобы обратиться – чего обычно не делаю – к жандарму.

– У вас не пропадал пожилой человек в этом районе? Например, женщина с болезнью Альцгеймера примерно два года назад?

– Почему именно два года назад, шеф?

Это интерн осмелилась задать рискованный вопрос.

– А вы сами как думаете?

– Ну не знаю, из-за состояния скелета?

– Но вы ведь его не видели…

– Ну да, но кости же торчат тут и там, и потом… Череп.

– Да, но это только открытая часть. Плоть исчезает с открытых участков через несколько недель или, самое большее, через несколько месяцев, но вы все равно не знаете, в каком состоянии находятся живот и грудь.

– И?

– Чтобы установить дату смерти, нужно не только тело…

…Большую роль играет еще и окружающая среда. Здесь я ориентируюсь по растениям…

– …Посмотрите на слой опавшей листвы на теле. Это дубовые листья. Вы заметите, что самый верхний слой состоит из листьев в относительно хорошем состоянии. Они сохранили свою форму. Сейчас март, значит, это те, что остались с прошлой осени. А ниже находится еще один слой листьев, они гораздо более поврежденные. Они с позапрошлого сезона. А рядом с телом, глубже, есть еще один, более разложившийся слой, который соответствует еще более раннему сезону. Этого последнего слоя на теле нет, из чего я делаю вывод о двух годах. Примерно. Во всяком случае, два листопада. Две осени-зимы, если хотите.

От моих объяснений интерн теряет дар речи. ну или почти теряет.

– Но это безумие!

– Что именно?

– У нас никогда не было занятий на эту тему.

– То есть «в учебнике такого не было»?

– …

– А как же ваши собственные знания? Вы не делаете компост? Не занимаетесь садом?

– Нет, я живу в квартире.

– Вот вам и ответ. Судмедэксперт должен жить в деревне и делать компост… К тому же это полезно для планеты.

Следователь прерывает наш культурный диалог:

– Не хотелось бы лишать вашего интерна практических занятий, но отвечу на ваш вопрос: нет, доктор, у нас нет таких заявлений о пропаже.

Я осматриваю низ халата ниже колен. На даме довольно толстые нейлоновые колготки в плохом состоянии. Однако в них, как в мешке, сохранились мелкие кости стоп и лодыжек, избежав попадания в перегной. Какая удача. Затем я перехожу к другой стороне тела и

снимаю листья с оставшейся части скелета. Теперь моя команда может занять свое место: мы уже знаем, куда можно ступать.

Я, конечно, делаю много снимков на всех этапах расчистки. Молодежи объясняю дальнейшие действия:

– Теперь мы должны найти нижнюю челюсть и все зубы, которые могли упасть в землю. Это важно для идентификации, если повезет найти ее дантиста. К счастью, одежда не позволила скелету рассыпаться. Но все равно нужно найти шейные позвонки, которые вышли погулять. Еще нужно поискать кисти – они должны быть где-то под листьями.

Сбор скелета начинается с черепа.

Верхняя челюсть с зубами полностью отделена от остальной части черепа. Также отсутствуют несколько зубов, выпавших после смерти, о чем свидетельствует идеальное состояние альвеол. И вот мы на коленях копаемся в почвенном слое в поисках потерявшихся зубов. И находим нижнюю челюсть.

Затем мы собираем несколько шейных позвонков, разбросанных в листве.

Теперь нужно забрать оставшуюся часть скелета, не растеряв кости по пути. Методика состоит в том, чтобы поднять тело вместе с той частью земли, на которой оно покоится. Таким образом, окончательная очистка и досортировка будут проходить в помещениях института, защищенных от непогоды и при оптимальном освещении. На мой взгляд, это наилучший способ не оставить случайно позади главный ключ к разгадке.

Для этого две моих помощницы встают по бокам от трупа, каждая вооружена крепкой лопатой для земляных работ. Начиная с зоны ступней, они просовывают полотно лопат под туловище на несколько сантиметров вглубь почвы и приподнимают. Тем временем я немедленно помещаю под приподнятый пласт земли конец длинной и твердой алюминиевой платформы, затем лопаты перемещают на новое место, и мы повторяем процедуру, пока все тело не оказывается на платформе. Теперь все оно упаковано в большой чехол и отправляется в институт судебной медицины.

Однако, хотя тело и освобождено, садовые работы еще не окончены.

– Ваша очередь!

– Наша?

– Ну да, немножко поэзии, а то мы заскучаем… Спойте нам что-нибудь, соответствующее случаю!

– Я не понимаю, шеф!

– Вот, возьмите лопату и ведро. И давайте споем вместе… Вам нравится Превер? Будем петь «Опавшие листья»[33], очень вдохновляющая песня. Опавшие листья собирают лопатой…

Мы снимаем новый слой перегноя с того места, где лежали кости, уделяя особое внимание областям, где были стопы, руки и голова. Ведра с землей и контейнеры с листьями доставят в институт вслед за телом.

Когда мы покидаем отмеченную область, раздается писк устройства, за которым вскоре следует победный крик. Один из жандармов с металлоискателем только что вытащил на свет божий красивый старинный кухонный нож.

Объект запечатывается как вещдок в ожидании продолжения расследования и полного осмотра нашей жертвы.

По возвращении в университетскую больницу моя команда сопровождает скелет, все еще в чехле, и череп с отдельными деталями в ведре в центральное радиологическое отделение больницы. Сканирование не выявило ничего аномального. Ни пуль, ни переломов, ни каких-либо других признаков нападения. Приходится констатировать, что после часов тяжелой работы мы не располагаем никакими версиями о том, что произошло с дамой. Может быть, вскрытие расскажет нам больше.

Конец первого дня.

На следующее утро вокруг служебной кофеварки собирается толпа. Следователи жандармерии и вся моя команда набивают себя венскими пирожными, очень довольные тем, что могут насладиться завтраком до начала вскрытия: ведь тело гарантированно не будет дурно пахнуть. Обычно, когда мои посетители узнают, что в соседней

комнате их ждет созревший гнилой труп, они становятся заметно менее прожорливыми.

Интерн пользуется случаем, чтобы испортить настроение.

– Честно говоря, не понимаю, что нам даст аутопсия скелета.

Кое-кто потерял возможность промолчать, и я собираюсь доказать ей, что она неправа.

> Открытие чехла – это момент, в ожидании которого ноздри окружающих всегда трепещут.

Если, конечно, содержимое находится в продвинутой стадии разложения и не заполняет весь зал сладкими ароматами подлеска и гумуса, как сегодня. В одно мгновение мы переносимся в атмосферу вчерашнего леса.

Сейчас самое сложное – переместить тело на секционный стол. Опасный момент: каждый раз мне вспоминается случай одной из университетских коллег, которая завалила манипуляцию по перемещению тела во время практической части конкурса на должность лектора. Тележка, на которой покоилось тело, имела колесики без запорных устройств и во время перемещения выскользнула. В результате покойник с громким стуком упал на кафельный пол.

У нас ничего подобного не произойдет. Опыт и наличие запорных механизмов на колесиках тележек позволяют нам аккуратно разместить останки неизвестной бабушки в удобном положении на столе. При перемещении я классифицирую ее как участницу в полулегком весе. Это ничего не говорит о ее «живом» весе. Если кости столкнутся друг с другом во время маневра, будет к лучшему, что плоти на них не осталось.

Осмотр продолжается при резком свете операционных светильников. Пока ничего аномального не обнаружено. Чтобы завершить первоначальный наружный осмотр, мы возвращаем на место одежду, все еще с костями внутри. Надев ее, мы сразу замечаем два отверстия на халате. Параллельные друг другу, чистые и расположенные по центру спины – они, несомненно, появились в результате двух ножевых ранений. Интерн совершенно ошеломлена.

Нож, найденный накануне в лесу, лежит рядом, его принесли жандармы. Размер лезвия точно соответствует самой широкой прорези. Вторая, меньшая, без сомнения, результат неполного погружения лезвия. Я обращаюсь к молодежи.

– Итак, что же мы ищем?

– Следы ножа на кости, – хором отвечают руководитель клинической практики и интерн.

– Браво. Итак, начнем с того, что освободим содержащее от содержимого. То есть нужно ее раздеть.

> Чтобы не повредить вещественные доказательства, я решаю не срезать одежду. На этом этапе она действительно служит важным доказательством совершенного насилия.

Я кладу жертву на спину и расстегиваю халат. Ночную рубашку снять немного сложнее, поскольку ребра застряли в остатках ткани. Но позвоночник сохранил целостность: позвонки все еще соединены друг с другом связками.

Что касается колготок, здесь нас тоже ждет сюрприз. Имеется большой разрыв в паху. Преступление сексуального характера?

Картина становится более четкой и одновременно более сложной.

Когда раздевание окончено, на моем секционном столе остается только фрагмент скелета без головы, рук и ног. Позвоночник и остальной скелет я поручаю руководителю клинической практики. Еще нужно рассортировать три больших контейнера: это работа для интерна, которая будет просеивать их содержимое.

– Это несправедливо, босс, почему я просеиваю? Это совсем неинтересно!

– Да, как и вскрытие. Совсем неинтересно. Вы ошибаетесь, это важный этап. Ваша задача – установить ее личность.

– И как? Как будто в этих ящиках лежат ее документы.

– Вроде того.

Интерн краснеет и молчит.

После долгих минут молчания, в течение которых я внимательно осматриваю под большими увеличительными стеклами поверхность

костей, руководитель клинической практики начинает немного волноваться.

– Шеф, кажется, я нашла кое-что. Посмотрите!

Действительно, один из позвонков, расположенный напротив отверстия на кофточке, имеет очень четкий горизонтальный след, характерный для прохождения лезвия ножа.

> Бабушка получила удар в спину на высоте седьмого спинного позвонка, эта зона очень чувствительна из-за наличия там нескольких крупных кровеносных сосудов.

Легко представить, что самый глубокий удар мог привести к быстрой смерти из-за массивного кровотечения.

В углу комнаты интерн приступила к просеиванию и сортировке всего, что было собрано на месте обнаружения скелета. Так она находит все мелкие кости кистей и отсутствовавшие зубы. Много зубов.

Старший следователь проявляет нетерпение.

– Итак, доктор, ваши выводы?

– Это явно насильственная смерть от ранения холодным оружием. Разорванные колготки наводят на мысль о сексуальном насилии. Пострадавшая – женщина преклонного возраста, со значительными признаками артроза на костях руки и позвонках. Однако на этом этапе расследования у нас нет данных для установления ее личности.

Возможно, изучение черепа могло бы пролить некоторый свет на личность погибшей – хотя в комнате и так достаточно светло… Я наблюдаю за тем, как руководитель клинической практики собирает череп.

Методом проб и ошибок она подбирает зубы к альвеолам. Метод действительно эффективный: невозможно вставить, например, правый центральный резец в лунку от такого же левого. Форма корней индивидуальна для каждого зуба, а следовательно, для каждой лунки – как ключ и замок. Но на такой подбор у нее уйдет немало времени.

Должен признать, что стоматологическое образование дает мне определенное преимущество. Поэтому я помогаю ей, подсказав

несколько критериев распознавания зубов, позволяющих отличить верхние от нижних, правые от левых.

> Специалист может определить каждый зуб в наборе (резец, клык, премоляр и моляр, верхний или нижний, правый или левый, первый или второй), просто взглянув на него.

Наконец каждый зуб, обнаруженный во время просеивания, находит свое пристанище и закрепляется каплей горячего воска. Разъединенная челюсть повторно склеивается воском, нижняя возвращается на место, все помещается в закрытый контейнер и отправляется на сканирование.

На этот раз речь идет уже не об исследовании беспорядочных элементов, как на первых снимках, а о получении трехмерных изображений головы жертвы. По снимкам такого типа действительно можно приблизительно восстановить вид лица, что помогает идентифицировать пропавшего человека. Но это уже другая история. Такая работа, довольно сложная и относительно дорогая, делается тогда, когда нет иного способа установить личность. Однако в нашем случае нужно идентифицировать пожилого человека, пропавшего около двух лет назад в этом регионе. Так что больших затруднений у жандармов возникнуть не должно.

Вот только жандармы не смогут рассчитывать на помощь стоматолога пострадавшей. Исследование зубов показывает, что она, по всей видимости, не посещала дантиста более двадцати лет. У нее нет ни протезов, ни коронок, что довольно часто встречается среди пожилых людей, живущих в деревне. Единственный след лечения – амальгама на премоляре. Я объясняю старшему следователю, что для установления личности стоматологическая карта не пригодится.

– Доктор, что же нам делать? Все равно нужно ее как-то идентифицировать.

– Пока, если не возражаете, будем называть ее Мумм. К жизни ее это не вернет, но я могу представить себе, что у симпатичной хрупкой маленькой бабушки, взирающей на мир с высоты своих восьмидесяти с лишним лет, было такое прозвище.

Я недостаточно жесток, чтобы рассказать, кто именно из моей команды предлагает исследование ДНК.

– Возьмем кость, отправим ее в лабораторию, и они скажут нам, кто это!

– Да уж, конечно… И как?

– Они отправят запрос в базу ДНК. Во ФНАЭГ, единый государственный реестр анализов ДНК. Там все автоматизировано.

– Отличная идея! Мы помещаем кость в аппарат, и он выплевывает маленькие кусочки кости, а также имя, фамилию, пол, дату рождения и род занятий. Так это работает?

– Не знаю, босс, я пропустила то занятие.

– Вы смотрите слишком много американских сериалов. Мы действительно упакуем кость как вещдок, отправим ее в лабораторию и получим ДНК. Но это не покажет нам, чья это ДНК. Если только ее не сравнят с другой, уже идентифицированной.

– Шеф, я и говорю – ФНАЭГ!

– Будьте здоровы.

– Прошу прощения? Я не чихала, шеф, я только сказала «ФНАЭГ».

– Извините, ошибся. Я имел в виду не «будьте здоровы», а «будьте здравы».

– Но почему? Разве это не эффективно?

– Да-да. Объясните ей, Кирику.

Настоящее имя Кирику[34] – Ален. Но мы зовем его Кирику, потому что, хоть он и рассказывает нам ужасающие истории о том, как служил в мобильной гвардии и сталкивался с агрессивными протестующими, мы находим его милым. К тому же он маленький. Поэтому мы прозвали его Кирику. Он маленький и добрый.

Кирику – высококвалифицированный специалист, и он много чего знает. Очень быстро он приобрел квалификацию, позволяющую ему занять должность ко-крима – координатора криминалистических операций. Эта должность появилась в национальной жандармерии совсем недавно. Именно Кирику консультирует магистрат по вопросам судебно-медицинской экспертизы.

– Ладно, я объясню просто, не будем терять время, – начинает Кирику. – ФНАЭГ – система новая. Ей всего несколько лет. А Мумм старая, ей много лет. Чтобы попасть в реестр, она должна была недавно совершить серьезное преступление. Вы представляете себе Мумм с остеоартрозом в роли грабителя банка? Конец истории.

Общий смех в зале.

Старший следователь одобряет запрос во ФНАЭГ, но с оговоркой.

– Шансов действительно мало. Но если обнаружится похожая ДНК, мы попытаемся сравнить их на основе биологических следов, взятых из дома пропавшего человека.

Мы подошли к концу осмотра. Маленькая группа, собравшаяся вокруг стола, молчит.

В тишине комнаты внезапно звучит голос Мишеля Симеса.

– Можем снять последний план еще раз?

На самом деле мы находимся в процессе съемок реконструкции уголовного дела для программы «Сантэ Магазэн», совместного проекта Мишеля Симеса и Марины Каррер д’Энкосс, которая ежедневно транслируется на канале «Франс-5». Целую неделю они сопровождали нас в университетской больнице, и Мишелю Симесу очень понравилось ощущать себя в шкуре судебно-медицинского эксперта.

По этому случаю мы вытащили из зала с мумиями наш лабораторный скелет, предназначенный для обучения. Мы одели его в одежду, любезно подаренную пожилой бабушкой, а потом положили его на место будущего преступления, на частный участок в сельской местности. Затем мы разбросали вещдоки, в том числе и знаменитый нож, который жандармы в этот раз еле нашли. Остальное вы уже знаете…

Несколько лет спустя, в 2018 году, Мишель перешел к практике, начав играть роль судмедэксперта в телефильме «Убийства на Олероне» на канале «Франс-3».

Дебютанты

У моих ассистентов все готово, инструменты ровно разложены рядом с безупречно чистым столом, на котором лежит тело.

– Итак?

– Шеф, эта рана, идущая от грудной клетки до нижней челюсти, просто огромная! В нее даже руку можно просунуть.

– Вы сделали рентген?

– Нет, шеф, аппарат сломан.

– Расскажите немного об обстоятельствах происшествия.

– Жертва найдена сегодня утром на небольшой, но оживленной сельской дороге.

– Видимо, это был наезд, шеф! Грудная клетка полностью сплющена!

– Повреждения очень странные, шеф, вам не кажется?

– Шеф, смотрите, шеф!

– Что там такое?

– В грудной клетке видно что-то… Странное, не знаю, как объяснить… Слишком уж это… Странно.

Сегодня утром ассистенты очень разговорчивы, но после этого замечания следует долгое молчание.

Едва я раздвигаю края огромной раны, как меня бомбардируют вопросами.

– Сердце… А где сердце? А легкие? Где же легкие? А что это такое? Похоже на… печень? Она там, где должно быть сердце?

– Да, а вот это что? Разве это не кишечник на месте легких?

– Ладно, хорошо. Мы все это исследуем. Скальпель.

Как обычно, я разрезаю живот, начиная от лобковой кости, затем отделяю кожу по обеим сторонам раны.

Вид грудной клетки ужасает. Все ребра отломаны у края позвонков.

Однако я не замечаю никаких гематом, как будто чрезвычайно жестокое раздавливание немедленно остановило кровообращение.

Диафрагма, которая обычно отделяет брюшную полость от грудной клетки, широко разорвана; именно поэтому печень буквально плавает в грудной клетке. Я без труда ее вынимаю и с удивлением обнаруживаю, что повреждений нет.

– Что вы об этом думаете?

Ответ меня не разочаровывает.

– Ну как сказать…

– Прошу прощения?

– Я хотел сказать…

– Да?

– Э-э-э, шеф, что это за большой комок посреди кишечника?

– Комок? Это не очень анатомический термин. Не придумали ничего лучше?

Действительно, среди кишечных петель я различаю твердую массу.

Матка? Есть только один способ проверить – надрезать.

Как только я надавливаю на нее лезвием, появляется крошечный плод. Идеально сложенное маленькое существо. Целый. Потом второй, наконец третий.

Многоплодная беременность, прерванная внезапной смертью матери. Остальная часть вскрытия ничего не дает.

Очевидно, жертва подверглась массивному раздавливанию всей грудной клетки и живота. Поскольку она была найдена на дороге, я пытаюсь представить себе гигантские шины, способные вызвать подобные травмы. Должно быть, сельскохозяйственная машина. Под давлением сердце и легкие были вытеснены из тела, а содержимое грудной клетки переместилось наверх. Чавк…

После удаления кишечника я быстро извлекаю внутренности, и органы один за другим оказываются на подносе. У меня остается только пустая туша.

– Шеф, ни капли крови…

– Да, это досадно.

– И правда, как же без крови? Это уже не вскрытие…

– Ты прав, вскрытие – это как когда готовят рагу, должна быть кровь! Или получается не взаправду!

– Как же мы поступим?

– Возьмем печень. Она целая, и в ней полно крови, нам подойдет.

– А если нет, будем запекать?

– Нет, тогда получится слишком сухо. Тушка слишком маленькая. А вот с печенью и грибами можно сделать рагу.

– Нет, без грибов, я не ем грибы!

– Отдашь их мне!

– Ладно, ребята, сделаем рагу. Маме понравится. Подержите-ка вот так.

– Ну что, дети, я правильно сделала, что принесла папе работу? Хорошо, что я купила кролика, да?

– Да, и мы втроем с папой провели вскрытие.

– Только это оказался не кролик, а крольчиха. И у нее три крольчонка в животе.

– Пап, мне надоело играть в судмедэксперта. Давайте есть мороженое!

– Ладно, а потом сделаем рагу. Идет?

И у судмедэкспертов есть семейная жизнь…

Королевский размер

Обычно прибытие фургона для перевозки тел к площадке перед входом в морг университетской больницы происходит без особой шумихи. По крайней мере, так задумано. Вход со двора, вдали от потока машин, ведет прямиком на второй подвальный этаж, где располагается институт судебной медицины. Однако напротив возвышается одиннадцатиэтажное здание больницы, царствующее над этим городским пейзажем. Из десятков палат открывается вид с высоты птичьего полета, немного ограниченный оконными блокираторами, на прибывающих к нам и покидающих… Навсегда.

И в этот февральский день 2019 года у окон толпятся пациенты, завороженные необычной сценой.

Сотрудники предупредили меня всего несколько минут назад. Я едва успеваю пробежать длинный коридор, пройти через охраняемые двери и выйти на площадку. Черный фургон для перевозки тел припаркован задом к дверям, его двери широко открыты. На земле – громоздкий черный мешок для трупов на груде скрученных металлических трубок. Два санитара, тощие как спички, объясняют: «Когда мы вытащили носилки, они погнулись».

> Парень слишком тяжелый. Взвешивание подтвердит: 214 кг. Мой личный рекорд.

Но сейчас нужно придумать, как его занести внутрь, пока верхние этажи не встревожились по-настоящему.

Мы усилили нашу команду сотрудниками службы охраны и привлекли все свободные руки; теперь нам удается поднять носилки, поддерживающие тело, и положить его на тележку, более прочную, чем у службы перевозки.

Когда мы закончили, один из сопровождающих, прибывших из Ньора, говорит мне: «Он был в квартире на втором этаже, лежал на полу. Поднять его было невозможно. Вместе со спасателями мы просунули под него носилки. Потом пришлось спускать его по лестнице. Мы несли его вдесятером, и, поверьте, едва справились».

Пока перевозчики убирают с носилок мусор, тележку вталкивают внутрь здания для дальнейших процедур, а именно для судебно-медицинской экспертизы по всей форме, в соответствии с запросом прокурора Ньора.

> Когда тело находят спасатели, всегда остаются сомнения относительно причин смерти.

Тревогу подняли соседи: 34-летний мужчина, несмотря на инвалидность из-за патологического ожирения, никогда не пропускал ежедневную утреннюю прогулку. Однако накануне он не выходил на улицу и не отвечал на звонки друзей, пришедших справиться о его здоровье.

Спасатели обнаружили тело лежащим на животе, лицо его было при этом залито «странной жидкостью». Поэтому врач скорой помощи, заполнявший бланк констатации смерти, поставил галочку в графе «необходимо судебно-медицинское исследование», поскольку причина смерти вызвала у него подозрения.

Стандартный первый шаг в посмертном исследовании – компьютерная томография «всего тела»[35]. В чехле. Еще бы, никто не хочет подвергать операторов КТ зрелищу и запаху трупов, иногда изрядно потрепанных. Поэтому для сканирования запечатанный чехол не открывают. Из уважения к живым сканирование трупов проводится в непиковые часы – ночью, рано утром или с полудня до двух.

Однако сегодня невозможно провести эту рутинную процедуру обычным образом: сканер, которым мы обычно пользуемся, предназначен для сканирования тел весом до 180 килограммов. Мужчина же при росте 162 см и весе 214 кг по форме напоминает бочонок. На такой продвинутой стадии ожирения индекс массы тела (ИМТ) равен 81 – он такой высокий, что автоматические калькуляторы в интернете выдают: «Ошибка! Вы уверены, что ввели рост в сантиметрах?»

К счастью, кардиологический центр университетской больницы только что оснастили совсем новым устройством, способным выдерживать нагрузку до 250 кг. Таким образом, в конце дня я уже получу идеальные снимки. Видимо, с учетом надвигающейся

эпидемии ожирения подобных проблем у нас будет все больше и больше.

На снимках КТ я не обнаружил никаких признаков переломов, гематом или других травм, которые могли возникнуть в результате нападения. Меня заинтриговали два массивных образования над плечами, обрамляющие голову и доходящие до макушки. Все мышцы конечностей отделены друг от друга толстым слоем жира.

Я не вижу ничего похожего на кровоизлияние в мозге, грудной клетке или брюшной полости, как бывает при разрыве аневризмы. Только одно привлекает мое внимание: легочная ткань выглядит аномально, она плотнее, чем обычно; трахея и бронхи кажутся заполненными жидкостью. Также жидкость присутствует и в гайморовых пазухах (двух костных полостях в верхней челюсти, воспаление которых приводит к синуситу). Он как будто утонул…

Когда здание службы пустеет и наступает ночь, я иду в холодильную комнату и открываю чехол, натянутый телом до треска.

И вот он, сюрприз. На этих плечах три головы: одна в центре, настоящая, с которой на меня смотрят два глаза, как бы упрекая за вторжение, и две по бокам, очень круглые. Я ощупываю их: это шары жира. Что касается шеи, мужчину было невозможно задушить. Шея слишком толстая, даже двойного подбородка нет, только идеальная непрерывность между нижней частью лица и верхней частью груди. Все выпукло, никаких впадин.

Вернувшись в свой кабинет, я из любопытства просматриваю фотографии самых толстых мужчин мира. И хотя мой «пациент» не самый тяжелый среди них, он кажется таковым из-за своего небольшого роста. Уже представляю себе трудности, которые меня ждут…

Обычная секция, когда разрез делается от подбородка к лобку или наоборот, возможна, но тогда нам придется работать «на дне колодца», на расстоянии вытянутой руки, при плохой видимости. С другой стороны, нет ни одного скальпеля с достаточно длинным лезвием, чтобы пройти сквозь 20 сантиметров жира. Не говоря уже о среде…

> Когда жира много, он довольно быстро подвергается гниению в течение 24–48 часов после смерти, превращаясь в слизь лимонного цвета, которая замасливает инструменты.

Работать скальпелем в таких условиях крайне проблематично и опасно для пальцев судмедэксперта.

Если я откажусь от прямого разреза, мне придется искать другой способ доступа к грудной клетке и животу.

Вспоминаю свои первые дни в профессии, когда я вскрыл тело, подняв кожу и жир с груди и живота, как автомобильный капот, петли которого находились над лобком. Обзор был отличный, но работать над восстановлением тела пришлось вдвое дольше. Тогда мне стоило отказаться от такого разреза. А в этом случае капот будет слишком тяжелым, к тому же это не решит проблему с шеей.

Наверняка другие врачи уже сталкивались с похожей ситуацией и, возможно, поделились своим опытом. Поэтому я захожу в «ПабМед» – поисковую систему, специализирующуюся на научных публикациях во всех областях медицины: биохимии, биологии, клинической медицине, экономике, этике, одонтологии, фармакологии, психиатрии, общественном здравоохранении, токсикологии, ветеринарии…

Какие бы ключевые слова, напоминающие наш случай, я ни вводил, ничего конкретного для вскрытия тучных (очень тучных) толстяков я так и не нашел.

> Я знаю, «тучный толстяк» – это плеоназм. Но в тот день для меня это словосочетание имело значение. Даже вызывало уважение в каком-то исключительном смысле…

Так что поиски на «ПабМеде» не увенчались успехом. Несмотря на опыт, я не смог найти научную статью, которая решила бы мою проблему. Ничего страшного, я открываю Google. Чего только он не выдает в результатах, но, обладая критическим умом, я смогу во всем этом разобраться.

Копаясь в результатах поиска, я натыкаюсь на публикацию[36] группы под руководством доктора Пиюша Капилы из Медицинского колледжа Ганди, которая отсылает… В «ПабМед»! S-образный разрез, который мог бы решить мою проблему, не задумывался для тел с

ожирением, потому-то статья и не нашлась по запросу «ожирение». Этот разрез предназначался для более легкого восстановления кожных покровов перед возвращением тела семье. Разрез начинается на уровне аппендикса, справа внизу живота, проходит над лобком влево, поднимается вертикально вверх сбоку к левой ключице, продолжается горизонтально по направлению к правому плечу, где разворачивается и продолжается наверх, по правому боку шеи до угла нижней челюсти, затем далее под подбородком и доходит до уха с левой стороны.

Я не уверен, что в результате такого вскрытия разрез будет менее заметен, чем наш классический прямой разрез, кроме, разве что, области шеи. Но в моем случае преимущество этого метода состоит в том, что после удаления жирового покрова тела с этой стороны, у меня появится доступ ко всем внутренним органам.

Осталось найти инструмент, способный разрезать по меньшей мере 20 сантиметров жира. Нож патологоанатома? Нет, думаю, он не подойдет: лезвие слишком узкое, оно предназначено для чистого отделения органов.

Наконец меня выручает увлечение охотой. Я вспоминаю, как разделывал удивительно жирного кабана. Я пробовал разные лезвия и в конце концов нашел волшебный нож. Благодаря изогнутому широкому лезвию и крупной рукоятке, необычайно удобной в руке, он помогает избежать напряжения и утомления во время работы. Из-за кривизны 15-сантиметровое лезвие имеет острый 18-сантиметровый край, и, заточенное моими трудами, режет как бритва. Оно не слишком длинное и не слишком короткое, шириной четыре сантиметра. Все это позволит раздвигать жир и держать дно разреза хорошо видимым. Благодаря этому, к восхищению всех моих коллег по свежеванию туш, во время разделки кабана я смог попасть прямо в мышцу.

На следующее утро я почти подпольно рассказываю о своей идее небольшой группе.

Дело в том, что несколько недель назад на служебном собрании мы обсуждали помощь пострадавшим во время терактов, как в Париже в 2015 году.

Я высказал предложение, что наши ящики с инструментами для аутопсии, стерилизованные и состоя– щие почти исключительно из стандартных хирургических инструментов, можно предоставлять

хирургам для спасения жизней. А нам, для того чтобы в это время продолжать работать, нужно будет найти другие повседневные инструменты. Я провел параллель с разделкой туш после охоты, поскольку охотничьи ножи казались мне наиболее подходящими для наших целей.

Моя идея сразу вызвала возмущение: сравнивать эти два вида деятельности было непрофессионально, неэтично, это неуважение к телу, шаг назад, который нельзя допускать.

> Охотничий нож для вскрытия трупов? Почему бы их потом сразу не свежевать?

Но в конце концов я решил применить свою идею в нынешней исключительной ситуации.

Поэтому о новой специальной технике для вскрытия тел с ожирением – молчок! В курсе будут только служащие морга, поскольку они восстанавливают вид тела после вскрытия.

На глазах у очень внимательных наблюдателей я начинаю вскрытие с помощью магического инструмента, обычно предназначенного для охотничьих дел. Обещания, которые я дал, выполняются при помощи S-образного разреза и эффективного изогнутого длинного и широкого лезвия, острого, как бритва. За три минуты – слежу за временем по наручным часам – я разрезаю дециметры жира согласно намеченному рисунку до мышечного слоя, без труда прохожу между мышцами и жиром. Затем отворачиваю огромный толстый капот с живота и грудной клетки вправо, а с шеи – влево. Служащие морга оценивают разрез и понимают, что смогут без труда закрыть тело после, всего лишь опустив капот вниз, и тяжесть жира при этом не будет раздвигать края, как бывает при обычных разрезах.

Результат поразителен.

> Как только жировой барьер устранен, тело кажется хрупким, слабым, трогательным в открытом коконе из собственного жира.

Я чувствую себя агентом Джеем из «Людей в черном», когда в морге он обнаруживает в теле гиганта крошечного инопланетянина.

Дальше я возвращаюсь к обычной процедуре. Извлекаю необычно большие органы. Сердце и селезенка огромны, печень желтая, как фуа-гра[37], и весит 4,45 кг (против примерно 1,8 кг у здорового человека такого же роста). Массы по обе стороны от головы действительно представляют собой два шара чистого жира.

История заканчивается обследованием дыхательной системы. Легкие, бронхи и глотка наполнены желудочной жидкостью. То есть мужчина захлебнулся рвотой!

Обильный заброс желудочной жидкости в бронхи – патология, которой способствует морбидное ожирение[38], хорошо известная причина смерти у тучных людей. Дело закрыто.

Но меня до сих пор волнует мысль об этом маленьком человечке, оказавшемся настолько хрупким под своей броней из жира и невольно позволившем мне утолить любопытство и развить свои навыки.

Кукушонок

Кевин решил для себя жилищный вопрос раз и навсегда. Он просто жил с другими. Исключительно с молодыми женщинами, соблазненными его баснями, которые он рассказывал направо и налево. Будучи королем вымысла, Кевин проскальзывал в их постель, как кукушонок в чужое гнездо, получая еду, кров и даже карманные деньги, пока его не разоблачали. Шесть раз он разыгрывал свою комедию, прежде чем жертвы выгоняли его из гнезда. Ему следовало бы опасаться числа семь.

Хотя в этом случае осторожность должна была проявить в первую очередь Шанталь, седьмая «владелица гнезда». Когда я с ней встречаюсь, она уже мертва… Так всегда бывает.

> Всякий раз, когда полиция приглашает нас на место преступления, персона, ради которой мы приехали, уже остывает. Теплые отношения сразу исключаются…

Со временем мы к этому привыкаем. Даже если иногда нам хочется немного поболтать с клиентом, послушать, как он рассказывает о своей жизни, радостях и горестях. Расследование шло бы быстрее, если бы потерпевший мог объяснить, что произошло в роковой момент. К сожалению, такого никогда не происходит, за редким исключением, когда умирающий находит время, чтобы нетвердой рукой оставить надпись, указывающую на потенциального виновника.

Шанталь, не совершившая такого похвального жеста, вынуждена довольствоваться жандармами Сиво, очаровательного городка в департаменте Вьенна, где находился ее дом. Это жандармы обнаружили тело, когда с ними связалась попечительница молодой женщины. Шанталь страдала умственной отсталостью и была помещена под опеку – это судебная мера, «предназначенная для защиты взрослого, который, не будучи недееспособным, тем не менее нуждается в советах или контроле во время осуществления определенных гражданских действий».

Все началось январским утром 2016 года, когда пешеход нашел на тротуаре сотовый телефон и исполнил свой гражданский долг, набрав последний номер в журнале звонков, в то время как другие оставили бы аппарат себе и заменили сим-карту. Ответила приятная дама: «Алло, привет, Шанталь, как дела?» Мужской голос на том конце ненадолго озадачил попечительницу, прежде чем она поняла, что что-то произошло. Потому что Шанталь раньше не теряла свой телефон.

Попечительница немедленно связалась с жандармами. Обнаружив, что дверь закрыта, а дверной замок не работает, они вызвали слесаря, открыли дверь и вошли в дом, но не обнаружили ни следа Шанталь.

После целого дня поисков в городе жандармы, засомневавшись, вернулись в дом после наступления темноты, чтобы искать дальше, и продолжали, пока не взломали дверь в туалет, находящийся в прачечной первом этаже.

В команде судмедэкспертов в этот вечер дежурит Тиффани, и она отправляется на место происшествия.

Когда она прибывает, сцена, зафиксированная следователями, по меньшей мере удивляет. Шанталь свернулась клубочком у подножия унитаза, зажатая между стенками туалета. На ее шею надет черный кожаный ремень, другим концом привязанный к ручке двери. На ней черно-розовый корсет и черные стринги. Черная полумаска скрывает взгляд убитой, а ее запястья скованы металлическими наручниками в черных перьях.

Все ингредиенты блюда на месте, все позволяет предположить, что одна из хорошо известных аутоэротических практик завершилась не так, как задумывалось…

> Аутоудушение обостряет эротические и церебральные ощущения, повышая уровень углекислого газа в крови и препятствуя венозному возврату в мозг.

Эти альтернативные сексуальные практики, о которых я уже говорил раньше, описывая случай с ненастоящим аквалангистом, могут выполняться в одиночку, в паре или с большим количеством

участников в случае общих интересов, нежно или с применением насилия.

Извлечь тело из этой тесной комнатки удалось не без труда. После нескольких маневров и акробатических поз Тиффани переходит к первым выводам и очень быстро обретает уверенность в том, что это постановка.

У Тиффани глаз наметан: отметина от ремня на шее жертвы не соответствует странгуляционной борозде, которая проходит чуть ниже. Если это действительно удушение, а именно об этом свидетельствует разрыв мелких сосудов в белках глаз и заметный цианоз лица, становится очевидно, что оно произошло не здесь. Подобие аутоэротической практики или убийство, замаскированное под несчастный случай? Вот что беспокоит следователей, которые видели подобное и раньше.

Завершают картину многочисленные следы ударов, синяков на руках, коленях и спине. В этой истории участвовал кто-то еще.

На следующий день в институте судебной медицины, сидя в своем кабинете, я провожу контроль вскрытия.

Мы ввели новый порядок, призванный облегчить работу и позволяющий проводить проверку наших выводов: по всем уголовным делам, а также по сомнительным и сложным мы работаем в паре. Не так, как во многих других центрах, где вскрытие проводится совместно. Я пробовал вводить такую практику, но результат меня не удовлетворил, потому что чаще всего один судебный медик извлекает органы, другой – делает разрез, и это мешает им воспринимать картину целиком.

> В Пуатье судмедэксперт самостоятельно проводит полное вскрытие трупа, а затем пишет отчет.

Он приглашает второго эксперта в секционный зал, если сталкивается с трудностями или хочет получить совет, но такое случается довольно редко. Как только отчет написан, второй судмедэксперт берет все досье, просматривает изображения вскрытия, результаты сканирования, читает отчет, высказывает свое мнение и,

возможно, предлагает изменения. Заключительный отчет, подписанный обоими судмедэкспертами, направляется прокурору.

Помимо сравнения двух точек зрения на зачастую сложные ситуации, преимущество метода состоит в том, что таким образом два сотрудника службы получают представление о деле. И на следственных экспериментах или на судебных заседаниях может присутствовать любой из двух судмедэкспертов, в зависимости от загрузки службы.

Итак, Тиффани тщательно фиксирует все следы насилия и их расположение. Следы от удерживания на запястьях, синяки на спине, руках и бедрах, потертости на коленях и голенях. Все это говорит о жестоком обращении, толчках, трении.

46-летняя Шанталь, рост 157 сантиметров, вес 68 килограммов, избита, а затем задушена во время особенно жесткого, если не насильственного полового акта, о чем свидетельствуют анальные ссадины и повреждения в области больших половых губ.

Спустя год после этого вскрытия и многих других мы, оба судмедэксперта, проводившие его, получаем от судьи приглашение на следственный эксперимент.

Читая протокол, я понимаю, что задержанный подозреваемый – молодой человек жертвы, некий Кевин. Он признал, что это был «несчастный случай», произошедший во время альтернативных сексуальных практик, которые покойная очень любила. По ее просьбе Кевин даже надел ей на шею ремень, а потом затянул.

Так что Шанталь главным образом сама виновата в своей смерти. Запаниковав, Кевин якобы постарался скрыть произошедшее, устроив постановку в туалете в прачечной, а потом сбежал.

Первое впечатление по прибытии на место в день следственного эксперимента: вонь.

Весь дом пахнет гнилью. Хотя я совершенно уверен, что тело похоронили. Оказывается, после смерти обитательницы дома двери опечатали, чтобы никто не мог зайти внутрь. Потом, поскольку счета никто не оплачивал, электроэнергетическая компания отключила электричество. Содержимое холодильника начало портиться, вскоре за

ним последовали и продукты, хранившиеся в морозильной камере. Вот и все.

Лично у меня есть большой опыт работы при таких адских ароматах и даже отчасти привычка к ним. Бывало и гораздо хуже. Но к некоторым участникам эксперимента это не относится, их лица вытягиваются так же быстро, как бледнеют.

Адвокат обвиняемого, только что покинувший свой роскошный «Мазерати», осторожно прикладывает салфетку к носу.

Наконец судья вызывает Кевина, которого охраняют трое сотрудников следственного изолятора. Можно начинать.

Направляясь к двум спальням на втором этаже, я замечаю фотографию ребенка в рамке на сосновом книжном шкафу в гостиной. Странно. Я не помню, чтобы в ближайшем окружении Шанталь был маленький мальчик.

Затем я протискиваюсь на лестницу вслед за всеми.

Первый пункт – комната справа. Именно здесь, по словам Кевина, началось сексуальное действо. Шанталь стоит на четвереньках на коврике из довольно грубых синтетических волокон. Это объясняет ссадины на коленях. Классика судебной медицины, явление, которое англосаксы называют carpet burning – ковровыми ожогами. Некоторыми (но далеко не всеми) этот термин воспринимается как циничная отсылка к carpet bombing, ковровым бомбардировкам во Вьетнаме.

Программа продолжается во второй спальне, на кровати. Кевин отказывается играть самого себя, и его играет жандарм в штатском, который по указанию подследственного ожесточенно хлещет манекен из соломы и парусины. На манекен надевают наручники, черную полумаску, переворачивают; жертва теперь лежит на животе, нападавший сидит верхом на ней.

> «Сейчас я массирую ей спину», – уточняет Кевин. Гм, я морщусь. Странный массаж, после которого остаются синяки на спине…

Затем он описывает сцену с ремнем, который он затягивает на шее Шанталь, «потому что она так попросила».

– А потом? – настаивает следственный судья.

– Она перестала шевелиться. Я пощупал ее пульс, его больше не было. Я понял, что она уже мертва.

Кевин решает спустить тело вниз по лестнице.

Все перемещаются, чтобы наблюдать за сценой. Жандарм с манекеном под мышкой начинает спуск. С каждым шагом пятки импровизированной жертвы ударяются о лестницу. Однако на теле, осмотренном мной, таких следов не было. Сомневаюсь, что ее перемещали именно так.

Затем он идет в туалет, открывает дверь, сажает труп на пол, обустраивает мизансцену. Прибирает в доме и наконец уходит. Такова его версия.

Но вопросы остаются. Следователи до сих пор не понимают, зачем Кевин собрал все вещи Шанталь в пятнадцать больших черных мешков для мусора и засунул их в кладовку. Все, что могло напомнить о присутствии главной обитательницы, было тщательно убрано.

Следственный эксперимент подходит к концу. Судья обращается к нам.

– У вас есть вопросы?

– Да, господин судья. Указанная последовательность действий не объясняет всего. Некоторые элементы отсутствуют. Вы можете спросить месье, как он объясняет наличие на теле жертвы многочисленных синяков?

– Месье, вы можете ответить на вопрос эксперта?

– Я не знаю, откуда они взялись. Было только то, о чем я рассказал. Наверное, они появились на лестнице, эти синяки. К тому же внизу мы вместе упали.

Кевин лжет. Его история не согласуется с травмами, свидетельствующими о нескольких актах насилия до того, как Шанталь была задушена. В частности, мы заметили две большие гематомы на уровне лопаток. По моему мнению, поскольку Шанталь сопротивлялась и чтобы ее было легче задушить, Кевин обездвижил

девушку, придавив ей коленями спину. Это совсем не похоже на игру с наручниками, которая плохо кончилась.

Мое участие в этом деле возобновляется 23 января 2019 года, когда начинается судебный процесс перед судом ассизов в Пуатье, в департаменте Вьенна. К моему удивлению, вызвали только меня, председатель не пригласила Тиффани.

> Обычно судмедэксперта вызывают в суд к конкретному времени, но не сегодня. Председатель позвала меня на заслушивание свидетелей.

Она внимательно изучает показания бывших любовниц подсудимого, безжалостно выясняя мельчайшие детали. В течение двух часов она маринует обвиняемого, сравнивая показания его и свидетелей, которых она без колебаний ставит в неудобное положение. Атмосфера напряженная, скамья жесткая, ягодицы болят. К тому же я не понимаю, к чему она клонит. Мне интересно, зачем же меня позвали.

У Кевина есть ответы на все вопросы, кроме тех, что слишком точны, настойчивы и могут вскрыть противоречия в его истории, его ложь. Тогда Кевин начинает юлить: «Я не буду отвечать на ваш вопрос». Или проще: «Уже не помню». Эта фраза встречается в его ответах чаще всего.

Постепенно мне становится ясно: председатель хочет знать, кто перед ней на скамье подсудимых. Мифоман, этакий патологический лжец, живущий в вымышленном мире, или обычный человек, сознательно лгущий из утилитарных побуждений?

Судя по свидетельствам бывших подруг, ложь Кевина идеально организована и выверена. Так легче лгать: когда рассказ отшлифован, люди реже противоречат сами себе. Он военный, был ранен в зарубежной операции, владеет роскошными автомобилями, его родители умерли, у него есть маленький сын… с небольшими вариациями. Но всего этого на самом деле нет. Тем не менее Кевин достигает своих целей: ему верят и приглашают к себе домой, где он

устраивается, как паразит, оплачивая что-то по мелочи в начале совместной жизни, прежде чем позволить любовницам полностью себя содержать.

Показания следователей в суде в итоге проливают свет на всю историю дня убийства и дают пищу для размышлений (чего стоит сама личность подсудимого, большого почитателя Третьего рейха, известного в социальных сетях под псевдонимом Ваффен Кевин).

Из хаотичного детства, покинутый матерью и отвергнутый отцом-самоубийцей, он входит в подростковый возраст и мечется между правонарушениями и наркозависимостью. Есть жизненные пути и более способствующие личностному «росту», однако не все люди с трудным детством становятся преступниками…

Повзрослев, Кевин перенимает стратегию кукушонка: он соблазняет женщин, устраивается под их крышей и живет за их счет. Это длится несколько недель, иногда несколько месяцев, неважно. Когда его выставляют за дверь, он ложится в психиатрическую больницу, симулируя тяжелое депрессивное состояние из-за разрыва отношений. В это время он начинает искать новую «дойную корову».

Врачи (а у них есть естественная склонность верить пациентам, за исключением доктора Хауса, постоянно твердящего, что все врут) глотают наживку и устраивают кукушонка в его новом психиатрическом гнезде. Затем Кевин снова покидает больницу, вылетая из гнезда кукушки… Так я назвал бы фильм о нем, если бы осмелился его снять.

> Следователи твердо убеждены в том, что Кевин действовал преднамеренно, и не считают смерть Шанталь несчастным случаем во время сексуальных игр.

Доказательство – запросы с ее компьютера в интернете незадолго до происшествия, сделанные в то время, пока Шанталь ходила по магазинам. Ключевые слова? Удушение, асфиксия.

Перерыв в заседании. Журналист узнает меня и подходит:

– Доктор, он мифоман?

Я отвечаю в том же духе:

– Нет, он лжец, обычный лжец. Но с целями…

Когда наконец наступает моя очередь, стоит уже довольно поздний вечер. Как всегда, когда в расследовании дела участвовали разные врачи (в этом случае: вывоз тела с места преступления, вскрытие, следственный эксперимент, ответы судебному следователю на вопросы о том, насколько показания обвиняемого соответствуют повреждениям на теле), я делаю резюме, систематически указывая на несоответствия в заявлениях обвиняемого.

Была ли жертва задушена ремнем? Да, но акт удушения повторялся два или три раза, пока не привел к асфиксии.

Гематомы? Они не могут быть следствием переноса тела в туалет после смерти, потому что для их формирования сердце должно биться. Вне всякого сомнения, это следы давления коленей на спину во время удушения, которое было насильственным.

Другие синяки, потертости на коленях? В показаниях Кевина чего-то не хватает. Но он стоит на своем: «Я не бил ее. Синяки на спине остались от массажа». Все ложь, кроме рассказа о ковровых ожогах. Кевин водит нас за нос.

До этого я, как обычно, подчинялся порядку, заведенному в суде, и весь обмен репликами происходил через председателя. Но я не могу удержаться и, в нарушение правил, поворачиваюсь к Кевину и его адвокату и провоцирую их:

– Ранее, отвечая на вопросы госпожи председателя, вы несколько раз упоминали, что уже не помните. Возможно ли, что и здесь ваши воспоминания неполные, что вы забыли что-нибудь?

Адвокат:

– Да, может быть, вы что-нибудь забыли? Это объяснило бы следы…

Председатель:

– Ответьте эксперту, месье. Возможно ли, что вы забыли что-то?

Кевин опускает голову, долго думает. В этой тишине можно было бы услышать пролетающую муху. Потом он выпрямляется и смотрит мне прямо в глаза: «Я не меняю своих заявлений».

Мы никогда не узнаем правды. Однако в итоге картина происшествия сложилась.

В устоявшейся схеме Кевина Шанталь немного выделялась. Он выбрал ее ради секса. В основном ради секса, потому что Шанталь жила на социальное пособие, поэтому Кевину нужно было как можно скорее вернуться в свое психиатрическое убежище и искать более выгодный вариант. С другой стороны, он возлагал большие надежды на новую пассию, Мод, с которой познакомился на сайте знакомств. Однако мадемуазель поставила условие, прежде чем пойти дальше в отношениях с ним: она хотела, чтобы Кевин пригласил ее к себе домой. И скоро. Но своего гнезда кукушонок не имел, а добыча не должна была уйти от него.

Тут и думать нечего.

> Он задушил хозяйку дома, убрал все ее вещи в аккуратные мешки для мусора в кладовку, поставил рамку с фотографией мальчика, вырезанной из журнала, – Мод он сказал, что это его ребенок.

В тот же вечер он позвал Мод и спал с ней в постели, где перед этим убил Шанталь. Думал ли он, что сможет всегда выдавать себя за владельца дома? Трудно сказать, но почему бы и нет. Одной ложью больше, одной меньше…

Кевина приговорили к 27 годам тюремного заключения, несмотря на все усилия адвоката на «Мазерати» и его помощников. Апелляцию он не подавал.

Я выхожу из здания суда одновременно со старшим следователем.

– Отличная у вас команда, доктор…

Я внутренне улыбаюсь, думая о сильных личностях, окружающих меня. Компетентных, но не всегда покладистых…

– Да, они замечательные.

– А Тиффани, вот уж у кого глаз-алмаз! Она сразу же поняла, что это постановка.

– Согласен, но все-таки это было довольно очевидно!

– Очевидно? Вам так кажется? Мы почти купились, так хорошо все было сделано!

– Да, но кое-что все же можно записать убийце в пассив.

– Ну да, пассив, еще говорят сабмиссив. Но это же обычное дело в мире садомазо… наручники, все дела!

– Нет, я не сказал «пассив», я сказал «записать в пассив». Это значит, что он дал маху, допустил промашку, так раньше говорили. В его случае промашка в том, что он неправильно затянул ремень на шее – след от него не совпадал со странгуляционной бороздой, это мы записываем ему в пассив.

– Понятно. Пассив – это ремень…

– Да говорю же вам, выражение звучит по-другому: «записать в пассив».

– Я все понял, пассив.

Я оставляю следователя наедине с его мыслями и, немного уставший, иду к своей машине.

Ветеринар

Кто это крадется в палату образцово-показательного дома престарелых в Приморской Шаранте в такой ранний час? Помощница медсестры, которая как раз вышла в коридор, заметила промелькнувшую фигуру с серой металлической коробкой и пакетом из аптеки в руках. Но ведь сейчас не проводят никаких медицинских процедур и не пускают посетителей! Заинтригованная, помощница идет к палате, открывает дверь и видит странное зрелище. Мужчина склонился у изголовья кровати, на которой лежит пациентка – женщина 92 лет, доживающая свои последние часы.

По решению семьи медики, к тому моменту уже год наблюдавшие за пациенткой, запустили процесс завершения ее жизни: начали глубокую и непрерывную седацию и прекратили гидратацию. Все остальные лекарства отменили десятью днями раньше, оставив только болеутоляющие.

При появлении помощницы медсестры мужчина резко выпрямляется. В руках у него пластиковый пакет, заполненный прозрачной жидкостью, который трубкой соединен с иглой, воткнутой в руку спящей женщины.

– Что же вы делаете? Так нельзя! Вы не имеете права…

– Это моя мать, мадам, и я не допущу, чтобы она умерла от жажды. Это недостойно. Бесчеловечно!

На зов сотрудницы прибегают медсестры, вокруг кровати начинается суматоха. Мужчина не дает никому приблизиться к себе.

– Я ветеринар и делаю все, чтобы животные встречали свой конец достойно. Неужели моя мать заслуживает меньшего? Безусловно, нет. Я просто поставил ей капельницу. И не дам ей умереть от жажды.

На помощь медсестрам приходят еще два сотрудника и после непродолжительной толкотни мужчину выводят наружу, а оборудование для внутривенного вливания извлекают и кладут на хранение в надежное место. Тем же утром, чуть позже, пациентка

умирает. Врачебное свидетельство о смерти подписывает врач дома престарелых.

Тем временем руководство заведения сообщает об инциденте в прокуратуру. Магистрат приказывает немедленно изъять материалы, о которых идет речь, и провести вскрытие тела умершей для «установления причин смерти».

Дорога в ад, как известно, вымощена благими намерениями. Приблизил ли ветеринар смерть своей матери под предлогом желания ее спасти? Именно на этот вопрос мне предстояло ответить по постановлению на вскрытие. К сожалению, прокурора мой ответ не удовлетворит. Причина смерти – массивный отек легких. Таким образом кончина может быть вызвана как отравлением, так и декомпенсацией сердечной патологии, которой страдала женщина. Поэтому нам нужно дождаться результатов токсикологического анализа образцов крови и жидкости, содержащейся в инфузионных пакетах, которые принес ее сын.

В ожидании результатов я перечитываю медицинскую карту умершей, переданную мне в соответствии с правилами. Это не то чтение, которое может навеять мысли о счастливой старости.

Клиническая картина пациентки, пребывавшей в больнице весь год, была очень тяжелой: нарушения сердечного ритма, тяжелая артериальная гипертензия, диабет, плохо поддающийся контролю, артериит[39] нижних конечностей. Врачи, стремясь сохранить ей жизнь при всех этих патологиях, каждую неделю обновляли и без того впечатляющий список лекарств.

При помощи медикаментов в конце концов удалось установить хрупкое равновесие, при котором тоже бывали тяжелые периоды: я отмечаю у нее чередование запоров и диареи, появление и исчезновение отеков, эпизоды бессонницы и, напротив, гиперсомнии, ухудшение настроения, граничащее с депрессией…

Пребывание пациентки в лежачем положении вызывало развитие пролежней – очень болезненных поражений, образующихся в точках постоянной опоры тела на матрац, обычно в нижней части спины, на крестце и пятках. Под давлением тела в этих областях нарушается кровообращение, ткани перестают насыщаться кислородом, начинается некроз.

Несмотря на меры профилактики и массаж, у пациентки развились значительные пролежни, в некоторые из них попала инфекция, и они никак не заживали.

> Перевязки были настолько болезненными, что приходилось вводить ей морфин, но и он полностью не избавил ее от страданий.

За несколько месяцев до смерти из-за сильной инфекции пролежней на крестце медикам пришлось вводить женщине антибиотики внутривенно и внутримышечно.

С каждым месяцем ее организм все хуже отзывался на лечение. Медперсонал не раз находил ее в неприятных ситуациях: то застрявшей в перилах кровати, то сидящей на подножках стула или вовсе на полу. Затем лечение пролежней стало совсем невыносимым, несмотря на уколы морфия.

Именно в это время медики обратились к семье. Пациентка отказалась от лечения и, что бывает реже, заранее написала предварительные медицинские указания. Такие указания может оформить каждый, чтобы медики знали пожелания человека относительно собственной смерти, если вдруг окажется, что он не в состоянии выразить свое мнение. Указания пациентки были очень четкими и включали пункт об обязательном облегчении страданий, даже если это сократит ее жизнь.

Итак, с тем, что бабушка скоро окончит свою жизнь по плану, была согласна вся семья. Кроме ее сына-ветеринара.

Наконец из лаборатории приходят результаты анализов. Кровь и моча умершей содержат следы морфина, мидазолама и фентанила в очень малых и нетоксичных дозах. Состав веществ до молекулы соответствует последним медицинским предписаниям, полученным медперсоналом. Однако аппарат, недавно приобретенный отделением токсикологии, также обнаружил следы более чем пятнадцати других лекарств, которых обычно в крови быть не должно.

Немного удивленный, главный токсиколог просит меня:

– Ты можешь сравнить наши результаты с назначениями твоей пациентки и сказать мне, когда и какие лекарства отменили?

Задача непростая, но и ставки высоки, и я с радостью погружаюсь в эту кропотливую работу.

Спустя два часа все проясняется.

> Аппарат токсиколога обнаружил молекулы всех веществ, вводившихся бедняжке в течение предыдущего месяца, прием которых остановили за десять дней до смерти.

Токсиколог в восторге:

– Фантастика! Вещества в следовых концентрациях, но аппарат все равно их уловил. Невероятная чувствительность. Отравители, трепещите!

В материалах ветеринара – в пакетах с плазмой, пробирках и шприцах – был хлорид натрия. Обычная соль. Это действительно была всего лишь жидкость для гидратации.

Согласно медицинскому протоколу о смерти, пожилая женщина скончалась от массивного отека легких, вызванного сердечной патологией и общим тяжелым состоянием. Вмешательство сына только бросило тень напрасного сомнения на ее смерть. К ответственности он привлечен не был.

Череп

Обычно я режу. Такая уж работа. Так я устанавливаю причины смерти – эту миссию возложило на меня правосудие. Так что я разрезаю, отсекаю, вытаскиваю. Извлекаю каждый орган, исследую его, взвешиваю. Разбираю на части красивый человеческий механизм согласно установленному порядку, чтобы узнать, что именно прервало его отлаженную работу.

Однако этим прекрасным осенним утром 2010 года я собираюсь заняться обратным. Мне предстоит собрать части в целое. Передо мной лежат около тридцати фрагментов костей, обнаруженных на месте преступления. Это все, что осталось от черепа жертвы. Моя задача – вернуть ему первоначальную форму.

> Правила этой трехмерной головоломки просты: некоторые фрагменты могут отсутствовать, детали склеивать нельзя.

Или нужно придумать, как их переклеивать, на случай ошибки. Образца нет, но раз уж мы знаем, что это человеческий череп – тут без сюрпризов, – я знаком с его анатомией: например, фрагмент правой височной кости совсем не похож на кусочек лобной. Перед тем как начать, я продумываю следующие шаги.

Сначала я быстро ознакомлюсь со всеми фрагментами. Затем воспользуюсь старым добрым методом научного тыка: буду соединять каждый кусочек с соседями, и, если два выбранных фрагмента не совпадают по форме, я ошибся с выбором.

Однако из-за трехмерности возникает дополнительная сложность. Объем, создаваемый тонкими частями, нужно воссоздать таким образом, чтобы весь ансамбль не разрушался под действием силы тяжести. Поэтому придется искать способ скреплять детали друг с другом так, чтобы любые ошибки были поправимы.

Я сразу исключаю методы, к которым мог бы прибегнуть челюстно-лицевой хирург: остеосинтез стальной или латунной проволокой. Найдя два смежных фрагмента, нужно было бы просверлить в них небольшие отверстия, пропустить сквозь них

стальную проволочку, а затем стянуть. Учитывая количество фрагментов и то, сколько отверстий нужно будет просверлить и сколько проволоки затянуть, за этим занятием можно провести весь день.

Я не поддаюсь и еще одному искушению, которое может показаться логичным: прибегнуть к широкому ассортименту мгновенных клеев. Они предназначены, чтобы обеспечивать наилучшее сцепление между склеенными деталями, а мне нужно прямо противоположное: слабый и мягкий клей, который позволит вносить небольшие корректировки или даже расклеивать фрагменты.

Тогда я вспоминаю о липких восках, которые используются в лабораториях по протезированию зубов. Ассортимент этих восков – разной степени мягкости и липкости – бесконечен, и я с легкостью найду то, что ищу, в специализированных каталогах. Но придется делать заказ! А в университетской клинике это настоящее приключение… Доставят в лучшем случае через несколько месяцев. Может быть, попросить образцы у Пьера Фронти, моего друга-дантиста, палеонтолога и специалиста по идентификации личности? Я уже берусь за телефон, чтобы позвонить ему, но мой взгляд останавливается на картонной упаковке из-под вещдока, в которой доставили фрагменты черепа: сургуч!

Вот оно, решение. Сургуч в палочках для сургучных пистолетов. Мы регулярно пользуемся таким, когда опечатываем вещественные доказательства после исследования, и у меня под рукой уже есть все необходимое, осталось только выбрать более гибкий вариант из нашего ассортимента.

Дело пошло! Когда кажется, что фрагмент находится в нужном месте, я закрепляю его при помощи небольшой бусины мягкого сургуча. После доброго часа такой карусели передо мной предстает почти целый череп, весь в пятнах красного сургуча, выступившего по краям фрагментов. Свод черепа практически цел, за исключением небольшой его части, но, увы, не хватает нескольких костей, образующих глазницы, и, главное, всего основания черепа. Это та часть, которая отделяет мозг от мышц шеи и от носа и лица.

Пришло время подвести итог имеющимся повреждениям.

В этот момент у меня возникает несколько мыслей, и я начисто лишен сочувствия к жандарму, который несколькими днями ранее забирал череп с места обнаружения в Приморской Шаранте, неподалеку от Марена, в лесу Бурсфран.

> Грибники – наши лучшие поставщики скелетов, потому что в поисках ингредиентов для своих любимых блюд они проявляют удивительную зоркость.

Грибник обнаружил останки тела, полностью разложившегося до состояния скелета, окруженного несколькими фрагментами одежды. Учитывая погоду, которая стояла прошлые недели, влажность леса и кислотность почвы, смерть наступила несколько недель назад.

Наша служба сразу же пришла в боевую готовность, мы предложили приехать за останками. Это предложение жандарм решительно отверг по телефону: «Не надо, у нас есть все, что нужно, мы вам сами его отправим». Подразумевается: «Мы не менее компетентны». Попытавшись сначала настоять на своем, но не желая участвовать далее в битве эго, мы наивно и доверчиво покорились.

Тело он действительно нам отправил. Но, что хуже, полагаю, он участвовал и в сборе фрагментов…

По первым изображениям со сканера, сделанным, когда труп в чехле только прибыл, но до того, как открыли чехол, можно было подумать, что внутри находится набор для гигантского микадо[40]. Полный беспорядок. Череп или то, что от него осталось, мы находим в сумке, помещенной в чехол на уровень таза. Довольно неанатомическое положение, которое, вероятно, означает, что сумку подобрали и кое-как засунули обратно внутрь чехла после инцидента на месте сбора.

Повреждения черепа, явно посмертные, похожи на работу неуклюжих большемерок размера так сорок пятого, что, конечно, полицейский до последнего отрицал со всей живостью и энергией. В свою защиту он позже добавил: «Вы сами не захотели приезжать. Так что я сделал все, что смог…» Такое вот лицемерие.

Я возвращаюсь к повреждениям черепа.

Нижняя челюсть сломана.

Невозможно установить, был ли удар нанесен при жизни или челюсть раздавлена подошвой невнимательного жандарма во время неграмотного сбора фрагментов.

Однако по типу перелом напоминает полученный в драке[41].

На своде черепа видно прямоугольное отверстие, похожее на окно в исчезнувший мозг… Отсутствующего фрагмента в моем распоряжении нет, но он мог потеряться во время сбора. Однако меня заинтриговала эта очень правильная форма: она могла возникнуть из-за сильного удара тупым предметом – молотком, например.

Но лучшее еще впереди: красивая дыра правильной формы диаметром около 25 миллиметров с неровными краями, окрашенными серым налетом. Совсем недалеко от шеи. Воздействие заряда дроби. Дробинки только начали рассеиваться, чем и объясняются неровные края и отсутствие мелких отверстий.

Заряд дроби массой 20–30 граммов, в зависимости от патрона и винтовки, вылетел как одно целое и пробил череп[42]. Набор повреждений характерен для выстрела с близкого расстояния. При выстреле с большего расстояния разлетевшиеся дробинки пробили бы небольшие отверстия, а потом вошли во внутреннюю стенку. Если бы дуло касалось кожи, края входного отверстия были бы ровными.

Заряд разорвал мозг на части, а потом… что? Не могу сказать: у нас отсутствуют основание черепа и несколько костей глазницы. Тем не менее жертва была убита мгновенно.

В то же время моя команда приступила к изучению зловонного скелета. Останки с уликами.

Прежде всего – одежда. Брюки, трусы, пара черных кроссовок, футболка с двумя круглыми дырками, одна на левом рукаве, другая на груди, тоже слева.

Далее вещи. Часы марки «Фестина», сотовый телефон в кармане.

И наконец, ювелирные изделия. В останках найдены пирсинг и позолоченная цепь.

Следователи, которым известно, что месяцем раньше в полицию поступило заявление о пропаже человека, полагают, что погибший – это некто Дамиэн Д. двадцати семи лет. На фотографиях, предоставленных семьей, видно, что он носил пирсинг, часы и цепь.

> От тела остались только кости, части органов в тазу, немного жировой ткани и мышечной ткани бедра. Больше ничего.

При обследовании грудной клетки обнаружены шесть переломов ребер и составные части охотничьего патрона: многочисленные дробинки и пластиковая «юбочка».

«Юбочка» – это пыж-контейнер, небольшая пластиковая емкость со свинцовыми шариками внутри, которая вставляется в патрон. В момент выстрела она снижает трение заряда в стволе и повышает кучность выстрела, но может и увеличить разброс, в зависимости от формы, целей производителя и характеристик оружия.

Все говорит о том, что выстрел был сделан с левой стороны, по направлению сзади вперед. А вот переломов ребер слишком много, чтобы связывать их с выстрелом. Жертву били сбоку? Или тут тоже потрудились большемерки 45-го размера? Невозможно ответить. У гигантского микадо нет подсказок, позволивших бы нам сделать более точное предположение.

Согласно отчету о вскрытии, переданному в суд, мужчина погиб от огнестрельного ранения, нанесенного при помощи оружия типа «охотничье ружье». В отчете также говорится о следах двух выстрелов, каждый из которых был смертельным. Один был совершен в грудь и вызвал немедленное массивное кровотечение и моментально нейтрализовал жертву. Другой, в голову, повлек разрушение мозгового вещества. Выстрелы производились с близкого расстояния, в диапазоне от 90 сантиметров до одного метра, установить более точное расстояние не представляется возможным. Дробь в грудной клетке сильно деформирована, но может соответствовать шестому калибру.

Вскоре исследование ДНК подтверждает личность жертвы. Тело или то, что от него осталось, рассказало следствию все, что могло. Прокурор подписывает разрешение на захоронение, и Дамиэн Д. наконец покидает наше заведение, чтобы быть надлежащим образом похороненным.

Я перехожу к другим делам. Время от времени до меня долетают отголоски расследования, которое буксует из-за отсутствия версий. Назначен судебный следователь.

Наконец жандармерия задерживает Венсана М., местного заправилу с богатым криминальным прошлым, и его девушку Эмили. Находясь под стражей в полиции, девушка разоблачает своего товарища, который якобы признался ей в преступлении. По ее словам, Венсан думал, что Дамиэн чересчур много вертится вокруг нее. Но на допросе у судебного следователя Эмили меняет показания. Жандармы начинают расследование заново.

Тем временем судебный следователь поменял юрисдикцию дела. Его преемник берется за расследование и, чтобы продвинуть следствие, назначает новую судебно-медицинскую экспертизу и, соответственно, эксгумацию. Экспертом он выбирает судебного медика из соседнего региона, специализирующегося на судебно-медицинской антропологии[43], с просьбой повторно исследовать череп и одежду жертвы.

Мне об этих перипетиях не сообщают.

> Нас не информируют о ходе каждого дела, для которого мы проводим вскрытие. И это весьма неплохо, потому что нам тут есть чем заняться.

Если происходит что-то новое по делу, которое мы вели, об этом чаще всего узнаем из местной прессы.

Так что, когда мне звонит жандарм из службы уголовного розыска Пуатье, я удивлен:

– Доктор Сапанэ, мне необходимо узнать, что у вас с черепом по делу Дамиэна Д.

– Без проблем, приходите в институт, когда вам удобно.

– Нет, я не могу, нужно встретиться у нас в здании.

– Вот как? Хорошо, я приеду.

Меня разбирает легкое беспокойство. Приглашение, мягко говоря, необычное. Как только я захожу в здание службы уголовного розыска, сразу становится понятно, что беспокоился я не зря.

– Доктор, я хочу поговорить с вами по поручению судебного следователя по делу о смерти Дамиэна Д.

Тон совсем не дружелюбный, я чувствую, что меня в чем-то обвиняют. Ну и ну! Надеюсь, меня не собираются арестовать. Я люблю острые ощущения, даже немного на грани, но быть арестованным у меня нет желания. Жандарм, который только что произнес это вступительное слово, сидит за своим компьютером и, обращаясь ко мне, сосредоточенно печатает на клавиатуре.

– Доктор, вы знаете, как у нас все устроено. Я не буду заставлять вас приносить присягу.

Да он и не может: присягу приносят свидетели, а не эксперты.

– Вы получили распоряжение вернуть тело Дамиэна Д. его семье для захоронения. Тело захоронили. Вот только после эксгумации выясняется, что череп отсутствует. Судья хочет знать, почему приказ не был приведен в исполнение.

– Приказ исполнен. Прокурор подписал разрешение на захоронение, и мы передали тело семье.

– Но череп вы оставили у себя.

– Череп был изъят как вещественное доказательство согласно судебно-медицинскому протоколу.

– Но ведь семья получила разрешение на захоронение тела. Почему вы не вернули его семье?

Жандарм тонко улыбается. Итак, мы играем в кошки-мышки.

– Мы его вернули.

– Но не череп.

– Правильно, он опечатан.

– Но череп – это часть тела, так почему бы не вернуть и его?

– Потому что, когда его изъяли и опечатали, он перестал быть частью тела. Это больше уже не череп, а вещественное доказательство. А вещдоки не хоронят. Вот если бы это был череп, его захоронили бы вместе с телом.

– Доктор, не играйте словами. «Тело» подразумевает также и череп, верно?

– Обычно да… Хотя бывают дни, когда я в этом сомневаюсь.

– Доктор, дело серьезное, не относитесь к нему так легкомысленно. Вас попросили вернуть тело и череп. Череп исчез. У вас есть объяснение?

– Если бы прокурор хотел, чтобы череп вернули семье, он снял бы с него статус вещественного доказательства. Таким образом, вещдок

снова стал бы черепом и был передан семье вместе с телом.

– Доктор, я возвращаюсь к своему вопросу. Семья ведь получила разрешение на захоронение тела?

– Вы это уже спрашивали, а я уже отвечал. Тела – да, но не вещественных же доказательств! Выдача разрешения на захоронение – это не снятие статуса вещественного доказательства, не возвращение вещдоков и даже не приказ об их захоронении.

– Вам не кажется, что вы немного избирательно толкуете правила?

– Не больше, чем вы.

– Что вы хотите сказать?

– Вещественное доказательство – это объект, элемент, биологический образец, переданный на хранение правосудию. Его используют в качестве доказательства в суде. Вам это хорошо известно. Я не собираюсь учить вас уголовному процессу, который управляет судьбой вещественных доказательств…

– Так почему вы оставили этот череп у себя?

– Я не оставлял череп, я оставил вещдок. Я действовал согласно заявке на хранение этого опечатанного вещдока, вне зависимости от его содержимого. И заявка все еще в силе.

– А почему вы не упомянули, что у тела нет головы?

– Вас неверно информировали.

Жандарм вздрагивает, сдерживается и ждет, что я скажу дальше.

– В акте вскрытия уточнялось, что череп был опечатан следователем для дальнейших исследований. На время судебного разбирательства. Ваш судебный следователь не читал ни акт, ни протокол вскрытия?

– А зачем его опечатывать?

– Как я уже сказал – для дальнейших исследований.

– Каких?

– В черепе было отверстие, сопоставимое с отверстием от выстрела из огнестрельного оружия. Для доказательства по всей форме потребовался бы дальнейший анализ костных краев отверстия. Я отправил эту информацию следователю по электронной почте с моими первоначальными выводами в тот же день и написал об этом в своем рапорте прокурору. Ваш следователь не читал мое электронное письмо? Как и мои первые выводы? Никто, никто ничего не читает!

– Он не мой следователь, и проблема не в этом.

– Нет, проблема именно в этом. Какой смысл давать технические рекомендации, заказывать исследования, если они не проводятся? Это ужасно. Это одна из проблем французской судебной медицины. Мы, специалисты, заказываем исследования, а делать их или нет, решают совершенно некомпетентные лица. Меня это сильно раздражает.

– Доктор, а где этот череп?

– Вы имеете в виду вещественное доказательство, которое представляет собой опечатанную коробку с черепом Дамиэна Д., я полагаю?

Жандарм вздыхает. Я подвожу итог:

– Можно было бы с этого начать, столько времени сэкономили бы! Это вещественное доказательство упомянуто в протоколе о вскрытии. Оно указано в нашей описи с датой внесения под кодом АУТ/Дамиэн Д/череп. Этот код не очень оригинален, но в Институте судебной медицины мы пользуемся таким, чтобы сразу понимать, что лежит в опечатанной коробке. Как и все наши биологические вещдоки, он находится в институте, в одном из трех надежных хранилищ.

– Вы уверены?

– Совершенно. В том, что он лежит в коробке. Согласно правилам. Однако я не смогу вам назвать ни номер полки, ни цвет коробки…

– Если это вещественное доказательство, почему бы не передать его магистрату?

– Потому что меня об этом не просили. Биологические вещдоки всегда хранятся в нашем отделении до момента их использования, разрушения или снятия печати. К тому же все это дурно пахнет. Ситуация с черепом выглядит скверно.

– Потому что он опечатан?

– Нет, сама ситуация некрасивая… В офисе судебного следователя… Интересно, зачем этот череп ему так понадобился…

Служитель закона расслабляется, улыбается и выглядит теперь как обычно. Он успокоился: череп никуда не делся.

– Доктор, хотите еще что-нибудь сказать?

– Да. Судебному следователю достаточно было позвонить мне, и он сразу получил бы ответ. Я не понимаю смысла этого процесса.

– Доктор, я вам скажу конфиденциально: я так понимаю, масла в огонь подлил ваш коллега, который будет проводить экспертизу

черепа. Но это между нами.

– Разумеется.

Я сознательно фиксирую эту информацию в своей памяти. Такие вещи я запоминаю.

– Еще какие-нибудь комментарии?

– Да, насчет черепа, можете прийти за ним, когда захотите. Но я отдам вам его только по официальному требованию.

– Почему так?

– Потому что это не череп, а вещественное доказательство. И нужно отслеживать его перемещение. А еще мы должны выставить вам счет. Так что он вам дорого обойдется, раз хранился у нас столько времени!

> Конец игры. Я выхожу свободным. Вам тоже показалось, что беседа затянулась? Мне она совсем не понравилась, к тому же сильно вывела из равновесия.

Вернувшись в помещение службы, я тороплюсь в одно из трех хранилищ. На месте ли череп спустя годы? Через минуту я успокаиваюсь. Он с комфортом лежит в коробке, запечатанный в прозрачном пакете. Требование о передаче не заставляет себя ждать, и череп отправляется в судебно-медицинский институт моего милого коллеги.

В ноябре 2017 года Венсан М. предстает перед судом ассизов Сента (в Приморской Шаранте). Меня, как обычно, вызывают на второй день слушаний, в который традиционно заслушиваются показания экспертов. В зале суда я нахожу Летицию, психиатра, проходящую подготовку в моем отделении, которая наблюдает за ходом судебного процесса с самого начала.

Она кратко рассказывает мне о первом дне, отмеченном небольшим инцидентом. К большому раздражению председателя, один из шести присяжных не вернулся на слушание после перерыва. Расспросив секретаря суда, но не получив ответов, председатель назначил одного из запасных присяжных на вакантное место и потребовал вызвать отсутствующего присяжного по месту проживания.

Затем она рассказывает мне об обвиняемом – тот решительно и с апломбом отрицает всякие обвинения. Лидер с огромным эго. В начале заседания я замечаю это и сам – он панибратски восклицает «День добрый, господин председатель!», обращаясь к магистрату в красной мантии. Каков наглец!

После некоторой задержки слушание возобновляется. Пропавшего присяжного все еще нет.

Крайне раздраженный председатель объявляет, что уже обратился к полицейским, чтобы те привели присяжного в суд и в чувство. Затем открывает заседание.

Вскоре меня вызывают для дачи показаний. Спокойно, положив обе руки на перила, я сообщаю выводы, перечисленные в моем отчете о вскрытии. Объясняю, с каким трудностями мы столкнулись: сильно разложившееся тело, раздробленный череп.

На вопрос председателя о причинах смерти я подтверждаю, что смерть наступила от двух выстрелов сзади вперед, в грудь и в голову, а также что порядок совершения этих выстрелов установить невозможно. Что было использовано охотничье оружие, о чем свидетельствует наличие дробинок в грудной клетке и отметин на отверстии в черепе.

Затем я отвечаю на несколько вопросов адвоката и возвращаюсь на скамью рядом с Летицией, которая продолжает конспектировать ход слушаний.

Теперь дает показания судебный эксперт-антрополог по видеосвязи.

Мир судмедэкспертизы тесен, и, конечно, все мы друг друга знаем.

После реформы судебной медицины 2011 года центрами судебной медицины во Франции стали университеты.

Эта централизация укрепила связи между командами, но это не значит, что между нами не бывает некоторой враждебности, как и не мешает некоторым полагать, что их команда, навыки, исследования лучше, чем у соседних институтов судебной медицины.

Едва увидев лицо эксперта на экране, я узнаю молодого коллегу по университету с блестящим будущим – он дал нам это понять во время конкурса на замещение вакансии в нашем университетском центре всего три года назад. Я был тогда в комиссии.

Когда личность эксперта установлена, подробно перечислены его титулы и принесена присяга, он приступает к описанию обстоятельств, осложнивших его задачу, и объясняет, с какими трудностями столкнулся. Условия хранения одежды были неудовлетворительными, что сказалось на входных и выходных отверстиях от снарядов в ней; кроме того, в институте судебной медицины в Пуатье эти отверстия порезали. Череп же ранее уже исследовал доктор Сапанэ, чьи манипуляции он мог прокомментировать лишь с оговорками. Кроме того, некоторые части черепа отсутствуют. Что касается выводов нашей команды, они не были полезны. Он завершает свои вступительные замечания: «Итак, я перепроверил исследования современными методами», заявляя и подразумевая, что институт судебной медицины в Пуатье застрял в доисторическом времени…

Он действительно применял современное оборудование для исследования: электронный микроскоп, чтобы выявить следы выстрела на футболке, простую микроскопию, стереомикроскопию костей и краев костей и антропологическое исследование скелета. У нас в Пуатье есть все то же самое, но нам экспертизу не доверили…

Далее следует блистательная демонстрация изображений. Я не уверен, что присяжные понимают, о чем он говорит, тем более что его выступление уже затянулось.

Заканчивает он шокирующими выводами: потерпевшему нанесли сильные удары в грудную клетку и ударили тупым предметом по голове. В него стреляло двое: один спереди, другой сзади. Один из них был правшой. Использовались снаряды двух типов. Причем в голову стреляли пулей, а не охотничьей дробью. После смерти тело было перемещено.

К счастью, я сидел. Либо я слишком стар и технологии шагнули далеко вперед, либо мой коллега практикует искусство гадания[44]. В любом случае, я ему не нравлюсь…

Следующий свидетель – баллистик, но не тот, что проводил экспертизу. Он удовлетворяется цитированием заключения,

подготовленного коллегой, без дополнительных пояснений. Он сообщает о двух выстрелах, но не может указать, в каком порядке они шли, и при этом уверен, что стреляли сзади вперед. В этом наши мнения совпадают.

Также он не может сказать, использовалось ли в обоих случаях одно и то же орудие, как не может и установить, какой именно снаряд попал в голову – пуля или дробь. С другой стороны, он утверждает, что обнаружил в грудной клетке кубические дробинки шестого калибра. Оружие, найденное в доме подозреваемого – два обреза, – могло быть использовано для совершения этих выстрелов, однако изъятые при обыске боеприпасы не соответствовали пыжу, найденному в останках.

Ни у кого нет вопросов.

Затем следует рассказ следователей, которые теперь на скамье свидетелей вспоминают все триста восемнадцать проведенных допросов, телефонные записи и хронологию перемещений всех действующих лиц. В итоге жандармы сходятся на том, что к трагедии привел любовный треугольник на фоне токсикомании и криминального насилия. С одной стороны – глава небольшой банды, местный дилер и закоренелый преступник, уже судимый за ограбления, и его подруга Эмили, находившаяся полностью под его контролем. С другой стороны – ее чересчур настойчивый приятель, Дамиэн, зверски убитый из ревности.

На сегодня слушания окончены. Я выхожу одновременно с адвокатом истца, который тихо мне говорит:

– Скажите, а ваш коллега из соседнего региона… Вы думаете, он допрашивал жертву на спиритическом сеансе?

Я только улыбаюсь в ответ.

Все остальное – обвинительная речь и прения – выпадает на третий и последний день.

> А я уже в Пуатье, где меня ждет пропавший присяжный. У него был отличный повод не явиться в суд – стальной стержень в груди.

Жандармы, направленные судьей к дому присяжного, обнаружили тело и передали мне на вскрытие.

На следующий день Летиция рассказывает об окончании этого суда, полного неожиданных поворотов. Неожиданных, в частности, для прокурора, который запросил тридцать лет лишения свободы для подсудимого: признательные показания прекрасной Эмили (правда, отозванные) и улики, собранные жандармами, указывали на обвиняемого, единственного, не имевшего алиби на момент совершения преступления, и единственного, у кого был серьезный мотив убить соперника. Присяжные не удовлетворили просьбу прокурора. Ко всеобщему удивлению, всего после двух часов и десяти минут заседаний они вынесли оправдательный приговор.

Прокуратура немедленно подала апелляцию. Так что я еще увижусь со своим коллегой в апелляционном суде. Но на этот раз я принесу фотографию. Всего одну – изображение отверстия в черепе с маленькими неровными гребешками по краям, которые доказывают, что убит он был не пулей, а дробью.

Ловушка на крота

Присяжный-дезертир лежит на секционном столе в институте судебной медицины. Он присутствовал в первый день заседания и остался весьма впечатлен судом ассизов. Председатель объяснял, как будет проходить суд. Быть присяжным заседателем – большая честь. В этом присяжный был убежден. А после обеда он пропал. Его обнаружили жандармы, пришедшие забрать его из дома силой на следующий день.

Он лежал на спине в гараже.

> Сомнений в причине смерти не было – из области сердца торчал длинный металлический прут.

Машина стояла на домкрате, а рядом было спущенное колесо – свидетельство того, что здесь недавно меняли проколотую шину.

На рабочем столе лежал официальный бланк – повестка о явке, врученная накануне. В ней адресату сообщалось об обязанности любого выбранного присяжным заседать в суде ассизов, а также о том, что отсутствие в день слушания без уважительной причины карается штрафом в размере 3750 евро. А совсем рядом, все еще зажатый в тисках, стоял самодельный механизм, приводимый в действие охотничьими боеприпасами. Внутри жандармы обнаружили разорвавшийся патрон 12 калибра. По их словам, это была самодельная кротоловка.

Неизбывное любопытство заставило меня сразу же зайти в интернет. По фразе «Как сделать ловушку на крота» поисковик быстро выдал мне целых 437 тысяч результатов, но у меня получилось найти фотографию инфернального устройства, которое выглядело точно так же, как у присяжного.

Комментарий на форуме сообщал: «Всем добрый вечер. Эту ловушку на кротов мы сделали вдвоем с соседом, эффективность – 100 %. В трубку помещается патрон калибра 12. Когда крот задевает датчик, в него попадает снаряд. Могу прислать чертежи, если требуется. Вам нужно обработать трубку для патрона, изготовить ударный механизм и крышку, потом останется только спаять их».

На что только не идут мастера на все руки в борьбе с этим очаровательным животным.

Чтобы придать устройству еще бо́льшую эффективность, присяжный пошел на крайнюю меру: заменил патрон 12-го калибра металлическим стержнем. Несомненно, у него на участке жили кроты-гиганты вроде неокосмического крота в игре «Атака Неоса» – коллекционной карточной игре по вселенной «Ю-ги-о!», в которую мои сыновья играли часами до того, как увлеклись видеоиграми.

В секционном зале бригада чешет затылки. Как приступить к установлению повреждений?

> Обычно мы сами продеваем зонд сквозь пулевые отверстия в ткани на всю глубину, чтобы зафиксировать угол ранения и, соответственно, направление раневого канала. Сегодня нам привезли потерпевшего уже со стержнем!

Как нам не разрушить структуру? При классическом вскрытии грудной клетки разрезают ребра справа и слева по бокам, а затем снимают ее переднюю часть, включая ребра и грудину. Но если так сделать, судмедэксперт рискует удалить стержень перед исследованием и разрушить внутреннюю траекторию.

Правильно поставленная задача – половина решения. Я иду в зал. При виде тела на ум приходит образ. В книге по пулевой стрельбе для охоты на крупную дичь автор рекомендовал всегда целиться в область сердца, чтобы не заставлять животное страдать. А чтобы лучше показать эту область и органы, в книге была напечатана серия фотографий вскрытого с левой стороны оленя. На фото грудная клетка животного была разрезана по боку, легкое удалено и было отчетливо видно сердце и траекторию пули, сразившей оленя наповал.

Я предлагаю Мари следовать этому необычному протоколу. Она делает большой разрез под левой рукой, открывает грудную клетку, из которой удаляет боковую часть, а затем удаляет легкое. Так она получает доступ к левой стороне сердца. В нем в направлении спереди назад насквозь проходит застрявший одним концом в позвонках металлический стержень, наповал сразивший присяжного.

Несколько недель спустя Мари вызывают на место обнаружения тела для следственного эксперимента. Эта процедура отличается от реконструкции преступления, которая проходит в присутствии судебного следователя и одного или нескольких предполагаемых преступников.

> Следственный эксперимент может быть организован по инициативе следователей и только в их присутствии.

Это делается для проверки нескольких гипотез перед тем, как продолжить следствие.

Мари собирает необходимое снаряжение – белый комбинезон, маркировочный материал, сантиметровую ленту и непременно что-нибудь перекусить – и сообщает о своем уходе в секретариат.

– Ты пойдешь в тоннель? – спрашивает ее одна из секретарей тоном наполовину обеспокоенным, наполовину восхищенным.

– Тоннель? Какой тоннель?

– Тот, который выкопал этот тип. Где его убило кротобойкой.

– Что за новость? Ничего не понимаю.

– Нам же шеф рассказывал.

Каюсь, грешен. После вскрытия история о смертельном механизме распространилась по всей службе и даже стала любимой темой разговоров в команде. Секретари засыпали меня вопросами, и я придумал для них собственную версию истории, навеянную персонажами игры «Атака Неоса».

– Ужасная, конечно, вышла история с этими кражами… Жандармы мне все рассказали… Тянулась уже несколько лет. Понятно, что дело к тому и шло…

Тут я сделал паузу, чтобы заинтриговать собеседниц.

– Кражами?

– Да, у жертвы была навязчивая идея залезть в дом к соседу и обокрасть его. И только его.

– Как глупо!

– Очевидно. Не все же могут похвастаться рациональным поведением.

– И что же дальше?

– До этого его ловили раз пять. И каждый раз он возвращал украденное, обещал лечиться и поэтому никогда не был в тюрьме. Кроме того, он был под наблюдением психиатра Сенона.

Мой коллега профессор Сенон – крупная фигура в криминальной психиатрии. Он работает в Пуатье, но его репутация выходит далеко за пределы Франции.

Вовлеченность Сенона придала достоверности моему рассказу.

– Так он был клептоман?

– Именно, клептоман. Но форма клептомании у него была своеобразная. А еще он страдал расстройством личности, чем-то вроде извращения. Зациклился на соседе. Ему нравилось наблюдать за его смятением, хотя он знал, что сразу попадет под подозрение после очередного проникновения в дом.

Две молодые женщины выразили свое молчаливое согласие. Раз уж так сказали жандармы… И раз Сенон, авторитет для всех психиатров службы, был причастен к этому, тогда, должно быть, это все правда.

Самое сложное в рассказе невероятной выдуманной истории – заставить собеседника заглотить наживку.

Начало было положено хорошее, но самое сложное оставалось впереди – мне было трудно сохранять серьезность.

– Несмотря на приводы в жандармерию и постоянное наблюдение, попыток он не бросал. Возмущенный сосед превратил свой дом в крепость. Он поставил высокий забор, расставил повсюду сигнализацию, обмотал все колючей проволокой, острой как бритва.

– Не может быть!

– Нет-нет, так и было. Но все напрасно. Вор перерезал решетки, срывал сигнализацию, перелезал через колючую проволоку.

– Но он мог пораниться!

– К счастью для него, такого ни разу не случалось. И вот однажды…

– Его застрелило кротобойкой?

– Нет. Наоборот. Он оставил попытки залезть в дом к соседу. Как будто бы. Это было необычно, и сосед подумал, что вор заболел или

переехал, но нет. Он никуда не уезжал.

– И что?

– Опасаясь внезапного вторжения, сосед внимательно осмотрел свой участок. Вот как он обнаружил… тоннель!

– Не может быть!

– Именно так: узкий проход, еще не законченный, но уже подкопанный под участок соседа. В нем-то тот и установил ловушку. Остальное вы знаете.

> В жизни судмедэкспертов всегда есть место необыкновенным случаям, и это может придать правдоподобия любой безумной истории.

Мари хохочет, разрушая смехом плоды моего воображения. «Что за чушь! Бедный парень умер у себя в гараже». Затем она убегает, оставляя позади вытянутые лица.

Однако и следственный эксперимент не пролил света на точные обстоятельства смерти. Согласно материалам расследования, мужчина переживал депрессивный эпизод. На продолжение заседания после обеда в понедельник он не явился из-за проколотой шины – он сообщил об этом в суд, но до зала, где заседал суд ассизов, информация не дошла.

Оказало ли требование явиться в суд для исполнения гражданского долга такое давление на него, что он не выдержал и покончил с собой? Или он случайно активировал механизм ловушки в поисках инструмента? И что тогда делает шестидесятисантиметровый стержень в устройстве для боя кротов длиной 12–13 сантиметров, вес которого не превышает 100 граммов? Наши вопросы остались без ответа.

Ясно только одно: конец тоннеля он увидел.

Лишняя реанимация

Палящий зной, пришедший в регион, наносит немало вреда. Старички мрут как мухи, а тела в такой жаре разлагаются очень быстро. И когда сосед или родственник начинает бить тревогу, врач, констатирующий смерть, видит уже разложившееся тело, иногда почти до состояния жижи. В таких условиях невозможно узнать, скончался ли покойный естественным образом, или ему помогли. Поэтому, выписывая заключение о смерти, врач ставит отметку в графе «судебно-медицинское препятствие». Захоронение становится невозможным, перевозчикам тела остается только передать останки в судебно-медицинский институт.

Проблема в том, что поток поступающих тел намного превышает возможности нашей службы. Как назло, сломался крематорий. Кандидаты на кремацию переходят в режим ожидания, заполняя и без того переполненные холодильники морга. Нам пришлось реквизировать зал, обычно предназначенный для приема семей, и охладить его до 12 °C, чтобы разместить часть не помещающихся тел.

> 12 °C – это достаточно прохладно, чтобы замедлить разложение плоти, но совершенно недостаточно, чтобы остановить его.

Запах уже начинает чувствоваться.

Несколько раз я обращаюсь к руководству университетского центра, пытаясь объяснить, какая патовая у нас ситуация и как важно нам иметь холод. Несколько раз подряд я слышу один ответ: «Все хотят холод».

В связи с авралом на работу вышли все сотрудники службы. Наша цель сейчас – обрабатывать каждого нового поступившего как можно быстрее. Похоже одновременно и на конвейер, и на гонку на время. Тела нужно осматривать как можно скорее, в состоянии, наиболее близком к тому, в котором их обнаружили, до того как разложение продолжит свою работу и скроет все улики.

В то утро в папке, лежащей в секционном зале около все еще закрытого чехла с трупом, можно прочитать о женщине лет шестидесяти, заядлой курильщице с лишним весом и страдающей серьезными проблемами с сердцем. Довольно типичная картина.

Однако у семьи остались вопросы. За два дня до смерти женщина обратилась врачу. Последний, по всей видимости, не обнаружил у пациентки никаких тревожных признаков. Может быть, он не осмотрел ее или что-то упустил? Между строк я читаю возможное дело о привлечении к медицинской ответственности. Отсюда и запрос на вскрытие.

По словам присутствовавшего на месте сотрудника судебной полиции, смерть наступила накануне утром. Но когда я открываю чехол и вижу тело, у меня возникают сомнения.

Поверхностные вены, видимые под кожей[45], очень насыщенного темно-красного цвета – это признак разложения крови и ее посмертной циркуляции, вызванной газами разложения. Губы опухшие, нос и рот обильно покрыты влагой. Естественно, вчера на улице было выше 40 °C, а женщина жила в маленькой квартирке на верхнем этаже бюджетной высотки, с окном, выходящим на юг. Жара там, должно быть, стояла страшная. Тем не менее я задаю вопрос полицейскому.

– В квартире было жарко?

– Как в печке. К тому же тело находилось под прямыми солнечными лучами за закрытым эркером.

– Вы измеряли температуру?

– Нет, она была мертва.

– Не ее, а воздуха в комнате.

– Нет, я об этом не подумал.

– А вы уверены в дате смерти?

– Соседи видели даму рано утром. Но когда вечером сын позвонил ей по телефону, она не ответила. Он забеспокоился, отправился к ней домой и нашел ее лежащей на полу. Он позвонил в скорую. Мы прослушали запись разговора. Она у меня на компьютере. Не знаю, оправится ли он.

– Почему? Что на записи?

Полицейский запускает запись разговора между врачом-консультантом и сыном:

– Ваша мама может говорить?

– Нет.

– Она дышит?

– Нет.

– Вы измеряли ей пульс?

– Пульса нет.

– Где вы мерили?

– На шее и запястье. Я знаю, как это делается, проходил курс по оказанию скорой помощи.

– Значит, вы умеете реанимировать?

– Да.

– Тогда действуйте. Начинайте массаж сердца и искусственное дыхание.

– Вы уверены?

– Да, конечно. Вы справитесь. Помощь уже в пути. Мы поможем вам.

Я смотрю на полицейского, на лице которого застыла гримаса отвращения.

– Ну и что же?

> – Когда приехала скорая, парень действительно делал ей дыхание рот в рот. Но женщина уже несколько часов была как мертва. Закоченела и немного позеленела.

Я стараюсь не представлять себе эту сцену.

Никогда нельзя точно сказать, как далеко может зайти самоотверженность сына, если дело касается спасения его матери. Даже уже мертвой.

Абель, или Предок

Иногда судмедэксперт отправляется в путешествие по неизведанным землям, лежащим вдали от знакомой территории. Иногда в географическом смысле этого слова, но также и тогда, когда позволяет себе увлечься другими областями знаний. И все-таки: что связывает чадскую пустыню, ископаемые останки и судмедэксперта из Пуатье, пусть и работающего в университете?

Вечером 1995 года в ресторане «Боулинг» в Пуатье проходит уникальный коллоквиум. За одним из столиков в компании незнакомца я вижу своего друга Пьера Фронти, стоматолога-хирурга, с которым регулярно работаю при опознании тел. Оказывается, компанию ему составляет Мишель Брюне – один из ученых высокого уровня, признанный коллегами, но мало известный широкой публике.

Мишель – преподаватель палеонтологии в университете Пуатье, только что вернулся из Чада. Сама по себе новость не так уж и необыкновенна, если речь идет о полевом исследователе, проводящем жизнь в самых неблагоприятных условиях.

> Любимое занятие палеонтолога? Часами бродить по пустыне в поисках своего грааля – окаменелых останков предка человека.

Нескольким ученым удалось расширить знания в этой области, и со временем на основе довольно простой теории была построена прекрасная история: колыбель человечества – Восточная Африка. Эта «Истсайдская история» была предложена Ивом Коппенсом, одним из нашедших Люси в 1975 году. Люси, наш предок, была эфиопкой, и ее возраст превышал канонический (3,2 миллиона лет), поэтому она стала считаться бабушкой всего человечества. Именно поэтому в Западную Африку – охотничьи угодья Мишеля – едет не так уж много людей.

Пьер часто рассказывал мне о друге с пронзительным голубым взглядом. Помимо лечения зубов своих современников, Пьер также посещает лабораторию палеоантропологии Мишеля. Он рассказывал

мне о работе над зубами окаменелых останков. И прежде всего, о многолетней охоте Мишеля. Об охоте на гоминидов.

Пьер представляет нас друг другу. Мишель очень живой и быстро перешел на «ты» со всеми коллегами по университету. После нескольких общих слов палеонтолог с сияющими глазами и медленным глубоким голосом делает объявление.

– Я его нашел!

Пьер Фронти предупреждал меня. Его ученый друг заполучил исключительный объект, и мне непременно нужно его увидеть. Первый австралопитек, обнаруженный к западу от рифта[46].

Новость совсем свежая, но уже вызвала настоящий фурор в международном научном сообществе. Потому что, если принадлежность останков подтвердится, Истсайдская история получит сокрушительный удар. Осознавая торжественность момента, я не шевелюсь. Мишель Брюне пристально смотрит на меня и продолжает:

– Хочешь посмотреть?

Я киваю. Не каждый день в ресторане в Пуатье мне предлагают встречу с настоящим австралопитеком!

Мишель продлевает напряженное ожидание.

– Предупреждаю: я собираюсь показать вам оригинал. Тех, кто прикасался к нему, можно пересчитать по пальцам рук.

Интересно, чем я заслужил эту честь? Сказав это, он осторожно вытаскивает из своей коричневой кожаной сумки небольшую зеленую коробку. Это неожиданно: я представлял, что она будет больше. Должен признать, мои знания об австралопитеках равны нулю.

Мишель держит коробку как драгоценность. Он осторожно открывает крышку, и мы видим толстый слой ваты. Подняв его, Мишель открывает нечто удивительное. Я быстро понимаю, что череп далеко не в полном комплекте. Благодаря опыту работы стоматологом и судебно-медицинским экспертом, я сразу узнаю нижнюю часть нижней челюсти и все, что находится перед ней, – так называемую переднюю базилярную границу. Эта часть соответствует подбородку современного человека. Но объект перевернут: зубы, обращенные вниз, покрыты ватой и не видны. Это что-то вроде фрагмента челюсти.

– Необыкновенно, правда?

Хочется верить, раз так говорит специалист. Думаю, что для судмедэксперта, который видел и другие черепа, не так уж и впечатляюще.

> Я осторожно беру реликвию пальцами, не смея признаться в разочаровании двоим собеседникам, пребывающим в совершенном восхищении.

Как только артефакт попадает в мои руки, я понимаю, что объект действительно исключительный.

Во-первых, вес: он слишком тяжелый для предмета, по виду напоминающего кость. Ведь это окаменелость.

Дальше – цвет. На первый взгляд, он естественного цвета кости – кремово-белого, я вижу такой при каждом вскрытии. Однако если фрагмент перевернуть, оказывается, что зубы коричневые, почти черные! Я выгляжу таким обескураженным, что Мишель чувствует, что должен дать пояснения:

– Это окаменелость. Первоначальные составляющие зубов заместились другими, атом за атомом. В этом случае – металлическими солями, которые пропитали челюсть и придали ей этот удивительный цвет.

Я продолжаю осматривать фрагмент. Зубы намного больше, чем я привык видеть в клинической практике. На фрагменте челюсти четыре премоляра, два клыка и резец. Альвеолы для двух резцов пустые. Сразу думаю: «Посмертное выпадение зубов». В последней лунке все еще находится корень сломанного резца.

> Внезапно я понимаю, что держу в руке кусочек нашего человечества, которому миллионы лет. Да, это исключительный предмет.

Но как в этом деле замешаны стоматолог и судмедэксперт? Я как раз думаю об этом, когда ко мне обращается Мишель Брюне.

– Смотри внимательнее. Вот на эти маленькие горизонтальные выемки в зубной эмали. Это дисплазии или ветровая эрозия?

У меня нет времени ответить, поскольку вопросы следуют один за другим, чередуясь с утверждениями очевидного. И когда Мишель

замолкает, к нему подключается Пьер.

– Имея зубы и хороший рентгеновский снимок, мы должны суметь определить его возраст. Сколько бы вы дали ему в человеческом возрасте?

– Вы видели кость в области резца? Она плоская, не прогнатическая, понимаете, это человек, хотя подбородка у него еще нет. Это австралопитек. Первый к западу от Африканского рифта.

– Вы знаете, что, исследуя зубы, можно определить, что он ел?

– А что насчет пола? Это мужчина или женщина? Наверное, можно определить по его клыкам.

– Очевидно, это мужчина, клык очень крепкий.

– И…

Я перестал их слушать, мой разум перенесся далеко отсюда, куда-то между чадской пустыней, которую я представляю, как умею, и неприятными диалогами со следственными судьями. Меня посещает мимолетное впечатление, что я стою перед следственным судьей, который просит меня опознать останки жертвы. Вдруг, не думая, я говорю:

– А что насчет его личности? Вы будете пытаться его идентифицировать, раз такое дело?

Мишель с удивлением смотрит на меня:

– Нет, он уже идентифицирован. Его зовут Абель.

– Абель?

– Да, это долгая история, связанная с моим другом-геологом Абелем Брюнжано, который был в моей команде и умер от тяжелой малярии. Несправедливая смерть.

Я не настаиваю на продолжении – кажется, воспоминания причиняют ему боль.

– Australopithecus bahrelghazali, Бахр-эль-газальский австралопитек – так он называется по-научному. Буквально – австралопитек Долины Газелей. А зовут его Абель.

Так что тело уже идентифицировано…

Ладно, вернемся к выемкам в зубной эмали. Теперь мне стало понятнее, зачем я здесь. Наш палеонтолог – исключительный исследователь: он открыт для всех дисциплин, для любого

сотрудничества. Итак, он хочет слышать мнение еще одного стоматолога даже после того, как показал свою драгоценность другу-стоматологу!

Дисплазии у современных людей – это аномалии эмали, обычно небольшие отверстия в эмалевом слое.

Есть много типов, и описано множество причин. Здесь дисплазии системные – они есть на коронках всех зубов и выстроены по кругу в несколько горизонтальных полос. Не могли ли песчаные бури, с силой бросающие тысячи кварцевых зерен на все поверхности, оставить такие правильные и регулярные следы?

Почему эти аномалии интересны? Они указывают на проблемы со здоровьем в детстве, когда зачатки зубов, еще остававшихся в кости, производят эмаль. Объяснение простое: из-за проблем со здоровьем, например сильной лихорадки, формирование эмали прекращается на несколько дней, а затем возобновляется, как только проблема исчезает. Это создает своего рода рубец в виде небольших впадин в эмали, которые становятся заметными только после того, как коронка зуба начинает пробиваться из десны. Пьер уже наблюдал подобные аномалии у некоторых своих пациентов.

Если мы перенесемся на 3,5 миллиона лет назад, во времена Абеля, то сможем узнать о его здоровье в детстве. Наконец, предстоит еще более тщательная проверка. Что я и объясняю уважаемому профессору.

– Я мог бы провести точное исследование в лаборатории.

– Без проблем. Ты мог бы сделать для меня фотографии?

– Да, у нас есть оборудование. У тебя будут красивые картинки. В цвете.

Несколькими днями позже мы втроем собираемся в университетской больнице вокруг бинокулярной лупы с 30-кратным увеличением, чтобы каждый мог внимательнее рассмотреть эти странные следы. Это действительно дисплазии.

Тем временем Пьер и Мишель сделали рентгеновские снимки в стоматологическом кабинете. Снимки идентичны тем, которые Пьер

делает каждый день своим пациентам: ретроальвеолярные. Они показывают толщину зубной эмали, которая также видна на сломанном резце. Эмаль более толстая, чем у человекообразных обезьян – такая же толстая, как у древних и современных людей, что ставит Абеля в ряд австралопитеков.

Рентген показывает еще кое-что – пульпу зуба, живую часть, объем которой со временем уменьшается. Это дает точную информацию о возрасте пациента.

> Более чем через три миллиона лет возраст Абеля на момент смерти можно установить как соответствующий примерно 30–35 годам современного человека.

Что, несомненно, много для своего времени.

Я устраиваюсь за фотостолом в нашем центре. Цифровая фотография еще в зачаточном состоянии. Лучшее, что предлагает фотоиндустрия сейчас, – это пленка «Кодахром 25 ACA». Качество этой пленки подтверждают годы практики: с ней можно получить наилучшее разрешение и хорошую резкость. Лампы дневного света дают мне правильное освещение для фокусировки. Но для такой чувствительности пленки его недостаточно: почти черные зубы поглощают весь свет. Наконец я выбираю кольцевую фотовспышку. «Олимпус OM-2H» творит чудеса. Я поставил на него макрообъектив, чтобы добиться как можно большей детализации.

Я делаю серию фотографий, как обычно для идентификации трупов, но с двумя особенностями. Объект, который находится перед моим объективом, исключителен, и у меня, вероятно, никогда не будет возможности снова приблизиться к другому такому. И эта нижняя челюсть имеет мало общего с нынешними человеческими. Даже без макросъемки клык кажется мне чудовищным, а премоляры больше наших современных моляров. Выражаю свое удивление его огромными клыками, практически бивнями!

За моей спиной Пьер протестует: «Никаких бивней у него нет! Это даже не обезьяна, а гоминид. Клык не выходит за плоскость соседних зубов. Он, безусловно, более объемный, чем у нынешнего человека, и корень у него намного длиннее».

Я добросовестно фотографирую со всех сторон нижнюю челюсть, а затем каждый зуб, тоже со всех сторон. Сфокусироваться сложно, яркие лампы прямо-таки жарят, но я должен сосредоточиться на работе. Это тем сложнее, что я слышу, как за спиной двое моих друзей рассказывают о своих походах по пустыне. Захватывающие приключения, в которых, как я понимаю, они передвигались с граблями, метлами, ведрами и лопатами, чтобы… Подметать, разгребать и просеивать пустыню в поисках зубов грызунов! Ни больше ни меньше.

Результаты предстают перед нашими глазами через две недели, во время частного просмотра на большом экране. Изображения зубов почти метр в высоту и идеальной четкости – теперь от нас не ускользнет ни одна деталь. И вот мы обнаруживаем на клыке пять полос дисплазии весьма впечатляющих размеров.

Что было дальше? Часы изучения, иногда на экране, иногда под стереотаксическим микроскопом, чтобы зарисовать эти аномалии, – все под бдительным оком Мишеля Брюне, стерегущего свое открытие как зеницу ока. Это можно понять. Тем более что Абель привлек к нему внимание СМИ. Мишель дает интервью за интервью, иногда проклиная прессу и ее требования.

Теперь я знаю, что палеонтологи не публикуют фотографии своих находок. Только рисунки, на которых всегда можно опустить ту или иную деталь. Здесь повсюду шпионаж, и тот, кто владеет артефактом, имеет преимущество в отношении международных публикаций. С рисунками и копиями приходится работать всем, кроме избранных, самых великих и известных ученых.

Мишель Брюне хотел бы иметь достоверную гипотезу о происхождении этих аномалий, которые возникли из-за временной остановки роста эмали, спровоцированной стрессом в широком понимании. Это подводит меня к обзору обширной научной литературы. Причин дисплазии действительно множество!

Может быть, Абель съел ядовитые ягоды? Или переболел малярией или другой вирусной лихорадкой? Или, наконец, страдал от

регулярного недоедания? У Абеля было трудное детство, но он его пережил.

> Сегодня мы подтверждаем, что Абель болел в возрасте от трех до пяти лет. И было это три миллиона лет назад.

Исследования продолжаются, и Абелю есть что рассказать.

– Видишь ли, Мишель, мультидисциплинарность – вот что отличает хорошие исследования. Ты стоматолог, судмедэксперт, Пьер – хирург-стоматолог, он разбирается в палеонтологии, я палеонтолог… Знаете что? Сегодня вечером пойдем к рентгенологу.

И мы отправляемся в центр МРТ Пуату-Шаранты. Ночью, после последних живых пациентов, Абеля удобно устраивают внутри аппарата. Командуют Филипп Шартье и его сотрудник Фрэнсис Перрен. Они стараются изо всех сил, чтобы сделать снимки этого полностью минерализованного куска кости.

> Окаменелость снимать непросто: рентгеновские лучи плохо проникают в камень, и требуется вся мощность генератора, чтобы проникнуть в загадочную структуру нижней челюсти.

Вот так, взглянув на первые изображения, мы обнаруживаем, что у каждого премоляра три корня. У современного человека он обычно только один. Эта черта показывает, насколько мы далеки от Абеля по эволюционной шкале. Но Пьер, которого ничего не удивляет, уверяет меня, приводя в качестве аргумента снимки из собственной коллекции, что уже видел такой примитивизм у некоторых своих пациентов. Термин «примитивизм» здесь не имеет уничижительного значения: он означает «очень древний» – ученые сказали бы «плезиоморфный признак»…

С этого момента меня приняла кафедра палеонтологии в Пуатье, где я прошел ускоренное обучение основам, чтобы не говорить глупостей на публике. Я тоже прихожу в лабораторию Мишеля Брюне, чаще поздно ночью и всегда со своим сообщником Пьером.

Тем временем Мишель уточняет аргументы, которые будет использовать в научных публикациях. Не проходит и недели, чтобы он

не примерял разные аргументы то к одной, то к другой гипотезе. Я же чувствую себя ребенком, которому рассказывают о грандиозном процессе происхождения человечества.

Но я все-таки испытываю небольшое разочарование, когда вижу в лаборатории Мишеля сотни фрагментов: такое множество костей. Однажды вечером я хочу разобраться во всем, чтобы лучше представлять себе Абеля.

– Мишель, расскажи нам, как он выглядел?

Я имею право на очень точное описание, такое, чтобы дух захватывало. Я продолжаю:

– Ты знаешь, что мы в криминалистике делаем что-то вроде фотороботов на основе черепа, когда не знаем, как идентифицировать жертву?

Следует долгое молчание, а затем квазикатегоричный ответ:

– У нас только нижняя челюсть. Всего черепа нет.

– А что, если бы у тебя была вся голова?

– Но ее нет.

– Но ты ее очень хорошо описал.

– Это ненаучно. Наука так не работает.

– Хорошо. Но скажи хотя бы, ты уверен в своем описании?

– Да, уверен.

– Тогда почему бы не дать ему лицо? Кто не мечтал бы увидеть Абеля собственными глазами?

– Повторяю, это ненаучно.

– Ты согласен, что корреляция между формой, размерами скелета и внешним видом лица существует и доказана, так? Когда ты говоришь, например, что лицо Абеля не выступало вперед? Когда Пьер добавляет, что челюсти занимают пропорционально гораздо больший объем, чем в настоящее время, так как мозг развился позднее.

– Да, конечно. Потому что из своего опыта палеонтолога я знаю, каким был его череп.

– А каким он был?

Мишель улыбается, бросается к своей коллекции и вытаскивает муляжи всех известных останков австралопитека и наших более поздних предков –

неандертальца, человека прямоходящего, человека разумного…

Он помещает Абеля в дальний конец цепочки – то есть его муляж, пока оригинал отдыхает от научных исследований в хранилище крупного регионального банка. Затем он ставит современный череп на другой конец.

– Тогда…

Несколько недель спустя, несмотря на сопротивление – «Это ненаучно. Наука так не работает», – Мишель согласился на эту авантюру: вернуть Абелю лицо.

Отсутствует задняя часть нижней челюсти? Неважно, протезист Пьера, точно следуя инструкциям Мишеля, восстанавливает недостающую часть. Результат удивительный: челюсть что надо!

Нет верхнечелюстной кости? Если есть нижняя челюсть, достаточно восстановить расположение верхних зубов, которое зависит от нижнечелюстных. В то время верхнечелюстные кости были достаточно большими, чтобы сохранять правильное положение. Ортодонт Абелю не требовался!

Теперь, под руководством Мишеля, легко представить себе и черепную коробку, уподобляя ее черепам других древних гоминидов.

Вот у нас и готов целый череп Абеля.

Теперь я призываю на помощь наши знания в области реконструкции лица.

Так исторически сложилось, что ближе к концу XIX века первые попытки реконструкции черепа делались по запросу властей – они хотели знать, действительно ли в захоронениях лежат останки местных знаменитостей.

Тогда же реконструкторы захотели дать лицо доисторическим мужчинам и женщинам.

В первой половине XX века, опираясь на работы предшественников, Михаил Герасимов[47] – антрополог, археолог,

этнолог и скульптор – выполнил серию работ, которые быстро завоевали русской школе репутацию.

Главной задачей для Герасимова была реконструкция лица ископаемого человека. Однако он желал проверить свой метод на современниках, и вскоре к нему стали поступать просьбы из судов помочь с опознанием останков жертв преступлений. Уже в 1939 году это неожиданное применение его работ привело к впечатляющим результатам.

Так реконструкция лица стала ветвью судебной медицины. К ней все еще прибегают, чтобы вернуть лицо жертвам, когда другие методы идентификации не работают.

Мало-помалу из небытия проступает профиль Абеля, облачаясь в мышцы, прорисованные одна за другой. Затем все покрывается кожей, появляются глаза, губы обретают форму. На наших глазах появляется профиль – очень человеческий. Через несколько часов работы из-под моего карандаша выходит все лицо.

Когда я показываю этот рисунок Мишелю, сначала он выглядит растерянным.

– Я где-то ошибся?

– Нет-нет. Примерно так я себе его и представлял. Но помните, это не наука. Это не более реально, чем наши сны…

Конечно. Но рисунка недостаточно. Нужно перейти в третье измерение.

Несколько месяцев спустя я был одним из немногих привилегированных, кто увидел работу парижского скульптора Жана-Поля Рети, которому мы доверили наши рисунки. В его руках Абель стал очень… человечным!

Мы сделали так, чтобы он улыбался: он обнажает желатиновые зубы (те, которые видно во время смеха) и подмигивает всем нам, нынешним людям, своим потомкам.

В конце этого исследования первый австралопитек из Западной Африки, Бахр-эль-газальский австралопитек, известный как Абель, в возрасте от 30 до 35 лет, прошедший через трудное детство, только что вернулся к жизни больше чем через три миллиона лет после смерти, причины и обстоятельства которой, несомненно, никогда не станут

известны, несмотря на усилия судебных экспертов, дантистов и палеонтологов!

Лор

Этим утром в большой клинике, расположенной хотя и очень далеко от Пуатье, но все еще во Франции, одна из операций идет наперекосяк. Пациент, только что перенесший этмоидэктомию, отказывается просыпаться.

«Этмоидэктомия» – это сложный термин, который означает вмешательство в решетчатую кость – анатомическую структуру, расположенную между глазами, позади носа и ниже мозга. Эта тонкостенная кость состоит из множества ячеек – настоящий лабиринт, сообщающийся с пазухами и носовыми ходами, к немалому удручению многих пациентов, которые страдают повторными инфекциями всех этих полостей, приводящими к появлению полипов на слизистых. Патология, подобная этой, может существенно подпортить повседневную жизнь.

Если медикаментозное лечение не дает результата, избавиться от громоздких полипов на слизистых можно только при помощи хирургического вмешательства, при котором полости широко раскрываются, чтобы облегчить доступ воздуха. И, как часто бывает в хирургии, в настоящее время добиться такого результата можно несколькими методами.

Первый в ходу с момента изобретения операционного микроскопа и заключается в проведении операции под непосредственным контролем зрения, но с использованием преимуществ увеличения, которое дает микроскоп. Хирург пропускает инструменты через полость в носу, направляет их вверх и оперирует, наблюдая в микроскоп. Такая работа требует кропотливости и деликатности, потому что обзор операционного поля при этом подходе не всегда оптимален.

> В исключительных случаях процедура может осложниться: например, хирург, думая, что удаляет полипы, на самом деле покушается на зрительный нерв.

Тогда больной выходит из-под наркоза уже лишенным зрения.

Есть более современный метод – он делает процедуру проще и точнее и снижает риски. Вместо работы под микроскопом в носовую полость вместе с инструментами вводится оптоволокно, при помощи которого хирург получает прямое изображение операционного поля на большом экране. Таким образом, можно с исключительной точностью управлять инструментами и каждым своим движением.

Однако этот метод эндоскопии практикуется не всеми отоларингологами, в частности не тем врачом, который проводил операцию в тот злополучный день. Он собирался провести самое что ни на есть классическое вмешательство и избавить пациента от хронического синусита, от которого тот страдал годами.

Позвольте объяснить, что означает такое заболевание для человека в расцвете сил. Как только он просыпается, у него начинает болеть голова, эта головная боль не поддается никаким обезболивающим. Его преследует постоянная заложенность носа, приходится дышать через рот со всеми вытекающими неудобствами: это и бесконечные гнойные выделения, и постоянное присутствие малоприятных запахов (обонятельные нервы прямо из мозга выходят в ту же решетчатую оболочку).

Лечение антибиотиками и противовоспалительными средствами оказалось недостаточным ввиду тяжелого хронического воспаления слизистых и развития многочисленных полипов. Все это и толкнуло пациента в руки хирурга, который пообещал ему радикальное излечение.

Итак, вмешательство выполнялось под микроскопом. «Процедура пустячная», – сказал пациенту врач в присутствии жены последнего. Пациент ложится в клинику утром, его оперируют под кратковременным наркозом в тот же день, а вечером выписывают в отличной форме, без полипов – и вперед к новой жизни!

Сначала все шло по плану.

> За двадцать минут хирург как следует почистил решетчатую кость пациента, иссекая многочисленные полипы, которые теперь в ожидании общего анализа плавают в маленьких пузырьках, наполненных формалином.

Выйдя из операционной, лор по телефону успокоил жену пациента: «Все прошло хорошо. Наконец-то он сможет дышать полными ноздрями. Можете приехать за ним после восьми вечера».

Вот только потом все пошло не так, как предполагалось. Пациент, переведенный в посленаркозную палату, не просыпается, когда к нему приходит медсестра. Он упорно отказывается открыть глаза. Столкнувшись с таким явным нежеланием, медсестра передает его анестезиологу, который в свою очередь пытается пробудить спящего. Без особого успеха. Затем он задается вопросом, не ввели ли пациенту слишком большую дозу наркоза. Проверяет. Нет, на первый взгляд все хорошо. Пока еще беспокоиться не о чем. Все показатели – пульс, частота сердечных сокращений, дыхание, кислородная сатурация – в норме. Поэтому анестезиолог оставляет пациента еще понежиться в постели после операции, но когда он возвращается в палату спящего чуть позже, чувствует что-то неладное. Больной уже давно должен был проснуться.

Врач приподнимает пациенту веки и всматривается в зрачки: они расширены. Затем направляет луч фонарика ему прямо в глаза. Никакой реакции. Тест определенно указывает на недостаточную жизнедеятельность мозга. Это вызывает тревогу.

Анестезиолог сразу же по телефону оповещает хирурга:

– Твой пациент никак не проснется, не пойму, что не так. Ты там не залез своими клещами слишком глубоко и не вытащил, чего не следовало?

– Ты меня за кретина держишь? Я свою работу знаю! Это ты напортачил, вот он и не просыпается.

Во время этой дружеской беседы пациента переводят в реанимацию, подключают к ИВЛ и проводят ряд анализов.

Экстренное сканирование мозга показывает истинные масштабы бедствия. Пациент только что обменял свой хронический синусит на кровоизлияние в мозг. Не очень-то выигрышный обмен. В так называемой решетчатой пластинке появилась огромная гематома.

> Ну и ну, геморрагический инсульт во время операции, вот так совпадение. Один из реаниматологов в своих мечтах уже публикует большой научный доклад.

В любом случае ситуация крайне серьезная. Теперь хирург вынужден позвонить жене пациента и сообщить наконец, что сегодня вечером муж с ней никуда не поедет. Из-за анестезии он не просыпается, и его состояние требует наблюдения. Обеспокоенная женщина бросается в реанимацию. Там она слышит куда более тревожные речи: мадам, у вашего мужа кровоизлияние в мозг. Паникующая жена уже видит себя вдовой.

Хирург тем временем ушел печатать протокол операции. К моменту, когда будущая вдова захотела с ним встретиться, он уже покинул клинику. На следующий день пациент скончался.

Семья в полном смятении требует призвать к ответу невоспитанного хирурга, который пытается переложить вину на анестезиолога. Их отношения быстро обостряются.

Осознав, что грядет судебное разбирательство, реаниматолог решает проявить инициативу. Он полагает, что имела место ошибка хирурга и, оформляя свидетельство о смерти, отмечает графу «судебно-медицинское препятствие». Такое свидетельство – это кошмар для главврача и работа для судмедэксперта. Теперь все похоронные приготовления приостанавливают, а тело передают органам юстиции, которые начинают расследование дела о медицинской ответственности, возможно, в отношении всей клиники.

Судебная машина приходит в движение. Прокуратура, уведомленная клиникой, назначает вскрытие. Тело передают в ближайший судебно-медицинский институт, и через два дня после «пустячной процедуры» мой коллега-судмедэксперт принимает эстафету от лора. Вот такая групповая медицина.

А теперь сюрприз. Можно было подумать, что произошел разрыв аневризмы, одного из пороков развития артерий, которые часто вызывают опасные кровотечения, особенно в мозге. Но нет. Конечно, под лобными долями, чуть выше решетчатой кости, имеется гематома. Однако после извлечения мозга эксперт обнаруживает невероятное. Он не верит своим глазам и вызывает всю команду, прежде чем признать очевидный факт: решетчатая пластинка перфорирована.

Эта часть решетчатой кости находится чуть выше носовой полости, ниже мозга и разделяет две структуры. При обследовании

обнаруживается совершенно правильной формы овальное отверстие, 5 миллиметров шириной и 19 миллиметров длиной, которое ведет из полости носа прямо в мозг.

> Попытавшись высморкаться, пациент бы высморкал свой мозг.

Коронер также отмечает повреждение участка мозга, расположенного по оси отверстия. Здесь мозговое вещество выглядит искромсанным, как и кость. Для специалиста это убедительное свидетельство того, что здесь произвели нежелательное действие костными щипцами.

Отныне над этим делом витает сильный запах врачебной ошибки. Результаты судебно-медицинских исследований вызывают сомнения в том, что операция проводилась надлежащим образом. Разумеется, прокурор открывает досудебное производство и передает дело судебному следователю. Жена пациента, отныне вдова, оставшаяся без всякого дохода с двумя детьми, выступает как гражданский истец. Против уличенного лора быстро выносят обвинения в причинении смерти по неосторожности.

Представ перед судебным следователем, лор и слышать не желает ни о каких обвинениях. По его словам, хирургическое вмешательство проводилось по общепринятым профессиональным стандартам. А вот анестезиологи, напротив…

Что до отверстия, обнаруженного при вскрытии, это уж точно не его рук дело. А вот судмедэксперт…

Допросы следуют один за другим, а за ними и череда экспертиз.

> Как всегда, когда дело касается медицинской ответственности, магистрат предпочитает полагаться на экспертов, работающих за пределами зоны ответственности расследуемой клиники.

Так он выбирает университетскую больницу Пуатье и назначает двух лоров – один обучен работе под микроскопом, другой стоял у

истоков разработки техники работы с фиброскопом во Франции, – а также меня, чтобы пролить свет на это дело.

Мы с коллегами заходим издалека и приступаем к делу с изучения объемной медицинской карты.

Первая любопытная деталь: на изъятом у врача жестком диске есть три версии отчета о проведении операции. Три версии, последовательно написанные в три разные даты. Это довольно необычно, тем более что формулировка первой, мягко говоря, лаконична: «Двусторонняя этмоидэктомия под микроскопом по классической технике». Даже при желании трудно дать еще меньше информации. Вторая версия, написанная после того, как хирург узнал о результатах вскрытия (утечки тоже бывают!), содержит гораздо больше деталей. В частности, в ней хирург настаивает на том, что предпринял меры предосторожности во избежание проникновения инструмента в череп. Разве не странно? Наконец, заключительный отчет, единственный, на котором стоит подпись врача, включает подробное описание методики проведения операции. Ни слова о возможной проблеме во время процедуры. Хирург считает, что все прошло нормально.

Но не судебный следователь, который на основании этих трех документов выносит в отношении хирурга новое обвинение – в подлоге и использовании поддельного документа.

Магистрат быстро понимает, что правду из лора придется тянуть клещами. Врач продолжает менять показания.

Когда его вызывают для дачи показаний в первый раз, он повторяет сказанное семье умершего и настоятельно советует следствию обратить внимание на анестезиолога. В следующий раз, когда следователь просит его объяснить, откуда в решетчатой пластинке появилось отверстие, он обвиняет судебно-медицинского эксперта в том, что именно он произвел эту перфорацию во время вскрытия. Не лучшая защита для врача, который прекрасно знает, насколько этот аргумент бесполезен. Снимки, сделанные томографом при жизни пациента, когда он еще находился в реанимации, доказывают, что отверстие присутствовало и до наступления смерти.

Разумеется, было бы интересно сравнить послеоперационные снимки с теми, что были сделаны до операции. Вот невезение, этих снимков больше нет. Поэтому хирург может выдвинуть третье объяснение: развитие полипов в решетчатой кости пациента могло привести к эрозии решетчатой пластины. Перфорация была неизбежна из-за слабости костной стенки.

В итоге этих, мягко говоря, горячих допросов, у следователя создалось отчетливое ощущение, что его ни во что не ставят, и магистрат, не дожидаясь окончания расследования, принимает довольно редкую защитную меру: он запрещает лору приближаться к операционной на шесть месяцев. С другой стороны, ему разрешается консультировать в обычном режиме, поскольку магистрат полагает, что эта деятельность не представляет опасности для пациентов.

Проводится множество экспертиз.

> Исследование тканей, удаленных во время операции, подтверждает наблюдения судмедэксперта. Микрощипцами разрезали не только полипы, но и кусочки головного мозга.

Врач всячески это опровергает, невзирая на все улики. Дошло до того, что он попытался объяснить судье, что в патологоанатомическом заключении нет слова «мозг». Но слово «нейроглия» есть – это не что иное, как церебральная ткань. Ткань мозга. Хирург также требует второго мнения в отношении образцов, но и оно подтверждает первоначальные результаты.

У нас с коллегами нет никаких сомнений: хирург проткнул решетчатую пластину и попал в мозг.

Таким образом, мы заявляем судебному следователю, что хирург виновен. За нашими показаниями следует контрнаступление на тему: «Решетчатая пластинка была ослаблена опухолью. Предоперационный снимок это ясно показывал. Какая жалость, что он исчез».

Врач снова занимается очковтирательством, но проверить его утверждения легко. Во время вскрытия судмедэксперт удалил решетчатую кость. И эта анатомическая часть была передана специалисту, который пришел к выводу, что отверстие,

перфорировавшее решетчатую пластину, возникло в результате механического воздействия.

Хирургу больше нечем защищаться, и его дело попадает в уголовный суд. Он получает три года тюремного заключения условно и годовой запрет на занятия медициной. Он подаст апелляцию и будет приговорен к такому же наказанию.

Тиран из Монтанбефа

Великие страдания безмолвны. Эта фраза точно описывает состояние 67-летней Анни. Я осматриваю эту женщину в конце февраля 2015 года, и она не отвечает ни на один из моих вопросов. Изредка шепчет «да», большую часть времени отрицательно мотает головой. Также она избегает любого физического контакта, что затрудняет клиническое обследование.

Не из садистского любопытства я пришел мучить Анни в ее комнату в доме престарелых в Ла-Рошфуко. Запрос исходит от судебного следователя, который дал мне очень подробное задание: «Осмотреть потерпевшую, отметить травмы, увечья, болезни. Указать их возможные последствия. Установить полную потерю трудоспособности в соответствии с определением этого термина в Уголовном кодексе. Сообщить, если она занимается нанесением себе повреждений. Искать следы насилия, особенно сексуального характера. Если возможно, указать их происхождение, как они были нанесены и когда. Сообщить, согласуются ли показания подследственного и пострадавшей с вашими наблюдениями. Указать лечение, уход и необходимые плановые вмешательства. Установить дату заживления травм. Установить различные типы вреда согласно номенклатуре. Указать все результаты наблюдений, которые могут быть полезны для установления истины».

Вместе с письмом о назначении прилагалась копия дела, по содержанию напоминавшего мизерабилистские романы XIX века. Это история бедной Анни, которую жестокий муж и недостойный сын держали почти в рабстве. Женщина, не имевшая выбора, выданная замуж родителями, которые жаждали любой ценой пристроить свою простодушную дочь, с рождения обезображенную уродливой губно-небной расщелиной, более известной под названием «заячья губа». Привлечь женихов было нечем: аномалию прооперировали, но серьезные последствия остались.

К несчастью для Анни, семья по соседству хотела женить своего сына, закоренелого холостяка Альфреда, за которого не пошла бы ни

одна приличная невеста. Деревенщина, работник питомника в Шаранте, живший только работой. Сделку обтяпали быстро, и брак был заключен в 1971 году. Анни было 23 года, Альфреду – 28. Вскоре после этого у них родился сын Эрик, чуть позже – мертворожденная дочь. Супружеская жизнь не была для Анни длинной спокойной рекой: ей пришлось вести хозяйство в доме без удобств и погрузиться в повседневную рутину будничного насилия.

Позже Анни с болью расскажет о последних годах своих испытаний.

> Муж бьет ее палкой (из орешника), хлещет ее, таскает за волосы к супружескому ложу и проникает в нее, не спрашивая согласия, насилует, в том числе анально.
>
> Сорокалетний сын следует примеру отца, хотя все еще спит в главной комнате, которая служит спальней его родителям.

Он тоже бьет Анни, стегает, швыряет о стены.

Для Анни, уязвимой, лишенной всякой опоры, без друзей и без контакта с внешним миром, эта жизнь – единственно возможная, единственная, знакомая ей. Она не способна представить себе, что можно жить по-другому, полностью зависит от этих двух мужчин и покорно сносит все.

Конец этому ужасному заточению положило анонимное сообщение. Сначала его передали прокурору, потом вмешались жандармы. Альфреда и Эрика арестовали, предъявили им обвинение и заключили под стражу. В начале 2014 года Анни оказалась в доме одна.

Ей должно было наконец стать легче. Однако исчезновение ее мучителей возымело противоположное действие: она чувствовала себя до того брошенной, что потеряла инстинкт самосохранения.

И снова отважный аноним сообщил о ней в социальную службу. Тот же доброжелатель, что и годом раньше? Неизвестно. Что мы действительно знаем, так это то, что спасатели вынесли из дома жалкое подобие человека.

Анни была грязной, истощенной, запущенной, источала смрад.

> Дом она не топила, потому что не могла рубить дрова (раньше этим занимался муж), и страдала от переохлаждения в своем ледяном жилище с земляным полом, без отопления и туалета.

Анни срочно госпитализировали в связи с резким ухудшением общего состояния, на грани смерти, но постепенно она начала выздоравливать. Сначала она была очень испугана и растеряна, упорно отказывалась разговаривать, пребывала в постоянном смятении, но медленно находила опору в реальности, успокаивалась. Ей, конечно, очень помогли заботливые сотрудники больницы.

Состояние Анни заметно улучшилось, и 26 января 2015 года ее поместили в дом престарелых в Ла-Рошфуко.

Именно в этом заведении я нахожу Анни, чтобы провести судебно-медицинскую экспертизу. Медсестра, сопровождающая меня в палату, предупреждает: «Анни очень волнуется. С ней говорил психолог, мы ей объяснили, что вы такой же врач, как и все остальные. Но все равно будет непросто».

Комната чистая, скудно обставленная, без личных вещей. Анни нарядилась, убрала волосы и побрызгалась духами. Маленькая и тоненькая, она стоит передо мной, но взгляд отводит. Весь ее нос – это лоскут плоти с двумя ноздрями над верхней губой. Хирург, оперировавший Анни в детстве, не был мастером реконструкции лица.

Я как можно подробнее объясняю цель визита. Рассказываю о последствиях того, через что она прошла. Мгновенно ее взгляд покрывается пеленой печали, и Анни вся сжимается. Она ничего не расскажет о своем прошлом, о том, что ей пришлось вынести. Однако она соглашается ответить «да» или «нет» на несколько вопросов. Еле слышно она подтверждает заявления, которые сделала перед судьей.

Затем я спрашиваю, согласна ли она на осмотр. Сначала нет. Проходит много времени, прежде чем она кивком дает мне понять, что можно осмотреть по крайней мере плечи, куда били палкой.

> Она слегка обнажает верхнюю часть туловища, открывая плечи, покрытые царапинами, – классический признак глубокой тревожности.

«Можете посмотреть нос, но не касаясь», – шепчет она.

Анни категорически отказывается от гинекологического осмотра, также запрошенного судьей. Ему придется довольствоваться медицинским заключением, содержащимся в деле.

Я еще раз пытаюсь узнать подробности ее истории. Напрасно. Она качает головой – больше ничего не скажет. Я прощаюсь.

Анни не приходит на суд над своим мужем в Сенте в январе 2017 года. Ее сын тоже не явился: выпущенный под залог несколькими месяцами ранее, он покончил жизнь самоубийством. Таким образом, Альфред пребывает на скамье подсудимых в одиночестве. Его обвиняют в насилии над человеком в уязвимом положении и в изнасиловании.

Я вижу 74-летнего здоровяка с суровым взглядом, седые волосы зачесаны назад. Он сидит, слегка подавшись вперед, словно готовый к бою.

– Почему вы женились на ней?

– Она была хорошей хозяйкой.

– Вы были влюблены?

– Конечно, раз уж мы поженились.

– Вы ее насиловали?

– Нет, она моя жена. Невозможно изнасиловать собственную жену.

Ни малейшего сомнения в себе. Он даже заявляет психологу: «Я не виню ее и не держу на нее зла». Вот уж спасибо!

Отвечая на вопросы, он клянется, что никогда не бил Анни и не принуждал ее к сексу. Председатель настаивает.

– Вы уверены, что она всегда была согласна?

– Да-да… Иногда. Ну, я ее не спрашивал.

Он предпочитает говорить о своей работе: сорок три года напряженного труда в лесных питомниках, ни дня прогула. Его единственная гордость.

Мое выступление длится недолго. Я подтверждаю то, что изложил в своем экспертном заключении, а именно ущерб физическому и психическому состоянию жертвы в связи с насилием.

В конце концов, тот, кого местная пресса окрестила «домашним тираном из Монтанбефа», в общих чертах признает избиения и принуждение к интимной связи.

– Но она же моя жена, это не изнасилование.

– Месье, на дворе не 1810 год. Уже больше тридцати лет принуждение жены к сексу считается изнасилованием.

– Да, да…

Приговор: одиннадцать лет лишения свободы.

С помощью медперсонала Анни подала на развод и ныне проводит свои дни спокойно, вдали от шума и ярости мира, в своей комнате в доме престарелых Ла-Рошфуко.

Содом в летнем домике

Мой сегодняшний пациент – настоящий богатырь. Ему за сорок, он атлетичен, центнер мышц на 180 сантиметров роста. Амбал. Жена нашла его рано утром мертвым, распростертым на кровати в летнем домике, который он сам построил на задворках сада. Он вел разнузданную бисексуальную жизнь и именно здесь встречался со своими партнерами-мужчинами, с которыми знакомился в интернете. Здесь его встречи не беспокоили супругу, которая смирилась с похождениями месье при условии, что все они происходили вне дома.

Обнаружив, что мужчина уже начал коченеть, врач скорой помощи смог только констатировать смерть и не провел никаких реанимационных мероприятий. Очень разумно: к чему притворство.

Врачу жена рассказала о бурной сексуальной жизни мужа, его знакомствах в интернете. Эта информация позволила предположить, что смерть может быть насильственной, и, поскольку дело касалось молодого человека, в свидетельстве о смерти врач поставил галочку в графе «судебно-медицинское препятствие», что и послужило основанием для расследования.

Жандармы приступили к работе очень быстро. Отследив сексуальных партнеров погибшего в интернете и социальных сетях, они опознали последнего гостя летнего домика, нашли его и допросили у него дома. На этом этапе расследования и речи не шло о заключении его под стражу. «У нас есть к вам несколько вопросов относительно М. Он скончался. Вы не знаете, у него не было проблем со здоровьем?»

Потрясенный этой новостью, ночной гость оказал следствию содействие. Все началось в роскошном баре, где они встретились и обильно выпили. Из бара они поехали к покойному (собираясь заняться сексом, естественно) в летний домик, где добавили еще (алкоголя). С учетом интересов и пристрастий обоих, они начали с взаимной фелляции, чтобы достичь эрекции. Затем хозяин домика лег на живот, подставив зад.

Партнер мог только смутно вспомнить несколько фраз погибшего: «Ты когда-нибудь спал с мертвецом? Трахни меня, я притворюсь мертвым».

> Ему это нравилось: предлагать себя, притворяясь мертвым. По словам жены, он часто говорил: «Оргазм – это маленькая смерть. Я хотел бы умереть, наслаждаясь. Вот было бы круто! Умереть, как артист, на сцене…»

Желание исполнено, пусть и немного жутковатым образом. Если только не имел место другой сценарий: действительно ли он умер от удовольствия? Потому что между игрой в подчинение, садомазохизмом и жестоким насилием тонкая грань, и иногда все оборачивается плохо.

Здесь вступаю я: моя роль – проверить, действительно ли смерть наступила естественным путем, или имело место насилие. А если это смерть от естественных причин, то от каких? И уже встает другой вопрос: когда он умер? До, во время или после? Потому что существенно набравшийся активный партнер мог и не понять, что с хозяином домика что-то не в порядке. В конце концов, может оказаться, что, узнав о желаниях любителя наслаждений, гость добросовестно трудился уже над… мертвецом.

Во всяком случае, сам гость был уверен, что хозяин домика уснул в самом разгаре веселья. Рассказав нам все, что мог, он отходит на задний план.

У следователей нет особых сомнений по этому делу. Однако из-за природной подозрительности, свойственной жандармам и судебно-медицинским экспертам, пассивный партнер попал на мой секционный стол, в центр внимания, где, возможно, осуществится его самая большая фантазия – проникновение рукой! В каком-то смысле именно это и происходит во время вскрытия.

К тому времени, когда он попадает ко мне на стол, останки уже прошли обязательный теперь этап сканирования. Я могу просмотреть снимки с помощью нескольких щелчков мышью в PACS[48],

компьютерной системе, которая дает нам прямой доступ к радиологическим изображениям с любого компьютера в отделении.

Я изучаю его тело с головы до ног в поисках переломов, глубоких кровоизлияний и любых предметов, которых в теле быть не должно. На фотографиях владельца домика нет ничего необычного, кроме несколько застойных легких.

Затем я перехожу к наружному осмотру.

> Стоит мне открыть чехол, как пары спирта наполняют мои ноздри. Судебно-медицинский вапшот[49]! Я чувствую, что это вскрытие быстро вскружит мне голову.

С учетом того, чем мужчина занимался в момент смерти, он полностью обнажен. Это избавляет меня от необходимости раздевать его, что часто бывает утомительно, когда на теле много слоев одежды (особенно зимой у бездомных). Со временем я усовершенствовал свою технику: вместо классических ножниц, которые сотрудники скорой используют при неотложных вмешательствах, я пользуюсь большим 20-сантиметровым одноразовым лезвием, которым традиционно работают мои коллеги-патологоанатомы (те, кто изучает органы под микроскопом). С помощью этого мощного инструмента я могу одним движением разрезать несколько слоев сразу, в том числе толстые стеганые куртки. Ничто не может противостоять этому лезвию, даже кожаные ремни. Только так можно снять куртку, брюки, свитер, нижнее белье, не крутя тело во все стороны с риском потерять улики[50]. Эту одежду потом тщательно осматривают на предмет дырок от снарядов, разрезов или разрывов, а затем опечатывают как вещественное доказательство.

Но сегодня одежды нет. Можно начинать внешний осмотр погибшего – перечисление всех возможных сведений. Иногда это бывает длинный инвентарный список в стиле Жака Превера: ссадины на коже, синяки, гематомы, открытые или ушибленные раны, признаки соматической патологии, состояние в целом, татуировки, пирсинг, а также отсутствие отклонений – потому что это тоже важная информация.

Лично я не использую диктофон и не делаю заметок. Я полагаюсь на свою память и на средство, позволяющее освежить ее в любой момент, – цифровой фотоаппарат.

Действительно, появление цифровых технологий коренным образом изменило нашу работу: раньше, в эпоху пленки, фотографировали только повреждения и отклонения. Приходилось экономить по соображениям цены. Кассеты с пленкой на 36 кадров хватало для простого криминального вскрытия, для сложных случаев иногда брали вторую. Еще нужно было обязательно предупреждать о содержимом пленки того, кто занимался проявкой и печатью, чтобы случайно не нанести никому психологическую травму. Мы стали беспокоиться о том, чтобы наша пленка не попала не в те руки после одного случая.

> Тогда мы получили из печати отпускные фотографии какой-то семьи, а не снимки расправы, учиненной при помощи кастрюли!

Вначале, когда цифровые технологии только появились, я был разочарован, потому что разрешение было еще плохим. Например, нельзя было, увеличив изображение разлагающейся головы, различить зубы личинок (было бы видно только белые пиксели). Но со временем качество значительно улучшилось, и теперь мы можем печатать столько снимков, сколько захочется.

Что касается нашего парня, глубоко проникнутого важностью своего партнера, никаких подозрительных следов на нем нет, даже по краю анального отверстия. Я делаю фотографии жертвы со всех сторон: все тело сзади, спереди, туловище в три четверти справа и слева. Также снимаю лицо (анфас и в три четверти), и фото ануса. Если бы были какие-то аномалии, их я тоже сфотографировал бы крупным планом рядом с масштабной линейкой. Но сегодня нет ни гематом, ни экхимозов[51], ни царапин, ни язв. Ничего.

Нет, все-таки есть! Ногти и уши цианозные, темно-серого цвета из-за повышенного уровня углекислого газа в крови, лицо синюшное, а когда я переворачиваю тело на живот, изо рта и ноздрей вытекает прозрачная жидкость.

На данном этапе осмотра я никак не комментирую эти элементы. Так я избегаю чрезмерной вовлеченности в механизм смерти, чтобы позже не пришлось опровергать самого себя во время вскрытия.

Смотрю на настенные часы, отслеживая время автоматически. Эту привычку я приобрел, когда был хирургом: при условии одинаковых движений инструментами – чем быстрее, тем меньше осложнений. Вскрывая всех своих клиентов, я применяю один и тот же принцип – оперативность. Она позволяет держать ум свежим и ясным, что повышает качество работы. Так снижается утомляемость и остается больше времени, чтобы написать отчет.

Сегодняшний случай довольно простой, и я пользуюсь этой возможностью, чтобы провести показательное вскрытие: в течение нескольких месяцев я показываю Шарлотт, молодому психиатру и интерну в нашем отделении, как лично я подхожу к предмету.

У нее уже есть некоторый опыт, она присутствовала на вскрытиях и сама выполняла разрезы под контролем некоторых из моих особенно требовательных коллег. Зачем? Упрощая, я бы сказал, что необходимо осваивать все с самых азов, независимо от того, как дело пойдет дальше. На будущее в каком-то смысле…

> Подход некоторых заключается в абсолютном контроле всего: главное – накапливать информацию, даже если она бесполезна, потому что никогда не знаешь, как она может пригодиться потом.

Из-за такого подхода протоколы вскрытия пестрят выражением «этого нельзя исключать…». Этого видения я не разделяю.

Конечно, это позволяет ничего не упустить: с момента формирования нашей команды мы ни разу не были замечены в ошибках при сборе информации. Однако у метода есть и обратная сторона: жесткость, сложность, обилие лишней информации, длительность осмотра, и это не считая времени, проведенного за изучением фотографий. Да, наша цель – ничего не упустить, но пытаться контролировать все утопично.

И сегодня я собираюсь показать Шарлотт кое-что новое. Чего я хочу добиться? Того, чтобы она обрела независимость мысли и в случае необходимости имела возможность осознанно отклоняться от стандартного протокола.

– Шарлотт? Хотите услышать кое-что в духе Жан-Клода Ван Дамма? Be aware – будьте осознанны!

– Будьте осознанны?!

– Да, откройте свой разум… Чего вы ждете?

– Когда шеф наконец начнет вскрытие!

– Нет, я про тело. Чего вы ожидаете от вскрытия?

Повисает долгое молчание. Я поднимаю взгляд. За защитной маской Шарлотт выглядит озадаченной.

– Это первый вопрос, который стоит задать себе. Когда следователи рассказывают вам о происшествии, нужно еще до начала вскрытия представлять, что вы обнаружите. Повешенный? Я ожидаю, что странгуляционная борозда на шее будет иметь ту же ориентацию, что и петля веревки, иначе, возможно, жертву сначала задушили, а затем повесили. Утопленник? Я ожидаю, что КТ покажет пазухи, заполненные жидкостью, тяжелые легкие, воду в трахее, бронхах, желудке – иначе, возможно, его бросили в воду уже мертвым.

– И это всегда работает?

– Нет, но всегда помогает. Даже на месте преступления. Итак, Шарлотт, чего вы ожидаете?

– От мужчины с серьезной алкогольной интоксикацией, имевшего половой акт по обоюдному согласию?

Шарлотт размышляет две минуты. В это время я делаю разрез от лобка до подбородка. Не ответив на мой вопрос, она спешит выразить удивление:

– Вы начинаете не с прорезей спины? Так же всегда делают, когда смерть насильственная или подозрительная.

Шарлотт имеет в виду длинные глубокие разрезы кожи на туловище и конечностях, предназначенные для выявления глубоких гематом. Название «прорези спины» происходит от аналогии с маленькими или большими прорезями, которые в XVI веке делали в ткани, чтобы сквозь верхнюю одежду было видно рубашку или цветную подкладку.

– Вы правы, прорези необходимы для оценки насильственных травм. Но наводит ли вас что-нибудь сейчас на мысль, что это может быть наш случай?

– Нет, но они не всегда заметны на поверхности.

– Вы правы. Они могут присутствовать, но быть невидимыми. А что вам говорит контекст?

– Жандармы, похоже, не беспокоятся. Так что это может быть смерть от отравления каким-то веществом, которое увеличивает удовольствие, или даже смерть от передозировки, например алкоголя, почему бы и нет? Но и насилие мы не можем исключать, правда?

– Да, исключать насилие пока рано, но мы должны выбрать какую-нибудь позицию, чтобы организовать свою работу. Если учесть запах алкоголя, цианоз, жидкость, вытекшую изо рта и носа… Возможно, мы имеем дело с острой алкогольной интоксикацией. Так что пока я оставляю прорези на конец вскрытия и не буду делать их в начале.

– Их непросто делать, когда тело уже открыто.

– Да, так будет сложнее, но, если окажется, что прорези делать не нужно, мы сэкономим много времени. И проявим так к телу больше уважения…

Иногда нужно быть изобретательным, однако главный принцип в конечном счете всегда остается неизменным: суметь в конце вскрытия ответить на все вопросы о причине смерти и ее обстоятельствах с минимумом логики и здравого смысла.

Я отказываюсь от бистури в пользу патологоанатомической бритвы с большим лезвием и, начиная от предыдущего разреза, провожу ею прямо под грудными мышцами и жировой клетчаткой в области живота. Несколькими широкими движениями я обнажаю ребра и мышцы живота. Я готов к вскрытию полостей.

– Как быстро вы справились!

Действительно, работать 20-сантиметровым лезвием получается быстрее, если приноровиться. Я смотрю на часы: уложился в свое обычное время.

– А вы не рассекаете послойно?

– Нет, не сегодня. Я всегда могу вернуться к этому позже. Но пока что на поверхности ничего не видно, а в глубине нет ни синяков, ни переломов ребер.

Шарлотт замолкает и внимательно наблюдает. Я продолжаю длинный монолог и описываю ей свои движения. Снова беру короткое лезвие и рассекаю плоскость шеи послойно, стараясь не перерезать застойные мелкие сосуды, которые проходят через эту область. Обнажаются щитовидная железа, гортань и верхняя часть трахеи.

– Вы так странно режете – боковой поверхностью лезвия, а не острой частью.

– Да, это очень удобно, так оно не режет, за исключением самого кончика, а разделяет анатомические слои. Так можно отделить кожу от мышц или разделить две группы мышц. Здесь я разделил мышцы шеи и кожу, не повредив ни то ни другое. Я вас научу.

Несколько мгновений я созерцаю результат рассечения шеи: ни одна структура не повреждена. Видно две внутренние яремные вены, сонную артерию, шейные узлы, щитовидную железу. Ни капли крови, операционное поле идеально чистое.

Этим же лезвием я разрезаю реберные хрящи снизу вверх, затем осторожно ввожу лезвие между грудиной и ключицей слева и затем справа. Я вставляю один из двух крючков ранорасширителя между двумя хрящами, затем поднимаю лоскут, отворачиваю его вниз.

> Разрезаю диафрагму одним непрерывным жестом и помещаю лоскут между ногами. Теперь в грудной полости видно легкие, очень застойные, и сердце в перикарде.

– За исключением некоторых случаев, я больше не разрезаю ребра костотомом[52]. Теперь я разрезаю хрящи на одном уровне с ребрами, сохраняя изгиб грудной клетки, чтобы было легче восстанавливать вид тела. Кроме того, так я не задену костные обломки. Отверстие меньше, но достаточно большое для таких дел.

Сказав это, я напеваю «…я избегаю таких дел».

Я спросил у луны…

Нужен ли еще тебе.

Она ответила: «Обычно я

Избегаю таких дел…»

– Вам нравится Indochine[53]?

– Мне нравится жизнь.

Вернемся к телу. Вскрытие живота в этом случае – формальность: я ввожу крючок шкуросъемного ножа в верхнюю часть брюшной полости, по средней линии, и одним движением открываю апоневроз и брюшину, которые расположены между прямыми мышцами живота. Затем отделяю стенку с обеих сторон, открывая петли кишечника.

– Что это за приспособление? Я такого никогда не видела…

– Это личный инструмент, который я использую только для особых случаев, как сегодня.

– Но в ящике с инструментами таких нет, так нечестно!

– Вовсе нет, это приспособление. Я приспосабливаюсь. И у вас есть право приспосабливаться.

– Фантастика! Им нельзя проткнуть кишечник или пораниться. И работать можно быстро.

– Для этого его и сделали.

– А где вы его взяли?

– Это секрет.

– Только не говорите, что вы им пользуетесь на охоте!

– Этого я не говорил. Но дело в другом. Будьте осознанны! Что вы заметили?

– Ничего, я ничего не успела рассмотреть.

– Резюмирую для вас: ни в грудной клетке, ни в брюшной полости нет экссудата. Очень застойные легкие, возможно, курильщика – это видно по черным пятнам на поверхности. Его печень слишком желтая и немного мягкая, на ней остался след от моего пальца, что наводит на мысль о том, что в ней избыток жира, – иными словами, о жировой дистрофии печени. Я думаю, селезенка немного увеличена. Кишечник не поврежден, без спаек. Мужчину не задушили, и от него пахнет алкоголем. Все как я и думал, ничего удивительного.

– Почему вы сделали вывод, что его не задушили? Мы не посмотрели ни подъязычную кость, ни рога щитовидного хряща.

– Их хорошо видно в пределах рассечения шеи, и нет ни малейшей инфильтрации кровью. Будьте осознанны! Я сделаю несколько снимков того, чего нет.

– Того, чего нет?

– Да, чтобы иметь возможность привести доказательства, что ничего не было. Кроме того, что я уже перечислил. Травматические повреждения отсутствуют, если вам так больше нравится.

Служащий секционного зала проходит мимо меня, но отказывается мыть стол, потому что на нем нет пятен.

– Чем бы мне теперь заняться?

– Брюшной полостью?

– Почему бы и нет. Оставим лучшее напоследок или вроде того…

Я меняю инструменты и перемещаюсь к слепой кишке, той части толстой кишки справа, где она переходит в тонкий кишечник, туда, где находится аппендикс. Я зажимаю тонкую кишку на одном уровне с толстой двумя щипцами и разрезаю. Затем, слегка потянув вверх, разматываю кишечник, по ходу отделяя от брыжейки и одновременно исследуя его внешнюю оболочку. Через несколько минут я подхожу к последнему сегменту двенадцатиперстной кишки, непосредственно перед желудком. Этот сегмент я тоже зажимаю, прежде чем разрезать. Так я извлекаю из брюшной полости кишечник. Быстро проверяю содержимое тонкого кишечника, но отклонений не обнаруживаю.

Затем наступает очередь толстой кишки. Я использую тот же метод – перемещаюсь от слепой до прямой вдоль, с тем же результатом.

> В прямой кишке ничего нет: ни фаллоимитатора, ни иного тела. Да и травм нет. Содомия прошла гладко.

Перед осмотром брюшной стенки я вытираю немного вытекшей крови. Мочевой пузырь выпирает, он, очевидно, наполнен до краев. Делаю небольшой надрез на куполе, беру образец для токсикологии, и опорожняю пузырь при помощи отсоса. В стенке аномалий не наблюдается.

Возвращаюсь к так называемым надбрыжеечным органам – органам брюшной полости, расположенным под диафрагмой. Проверяю, нет ли скопления жидкости в сальниковых сумках – в кармане между брюшной стенкой и желудком, где иногда

обнаруживаются глубокие абсцессы. Затем быстро вынимаю печень, которая, как я и подозревал, оказывается довольно мягкой, затем селезенку, поджелудочную железу, двенадцатиперстную кишку и желудок, наложив два зажима на нижнюю часть пищевода. Взвешиваю все органы. Открываю желудок: он наполнен цветной жидкостью.

И снова паровой алкогольный коктейль вапшот, хуже первого. Кажется, что мы на спиртовом заводе. Чувствуется сильный алкогольный запах, виски с торфяными нотками. У меня дома стоит бутылка такого. Следов еды не видно. Как бы сильно я ни принюхивался, других запахов не улавливаю.

– Шарлотт, будете нюхать?

– Нет, спасибо, конечно, но мне противно, ненавижу запах рвоты.

– Рвотой здесь и не пахнет, Шарлотт… Поверьте.

Шарлотт содрогается, закрывает глаза, склоняет маску к поддону.

– Я была готова поспорить, что здесь будет рвота!

– И вы бы проспорили!

Затем я перехожу к грудной клетке: легкие необычайно тяжелые и, вплоть до мельчайших бронхов, оказываются наполненными желудочной жидкостью с тем же запахом.

Итак, диагноз ясен.

> Пострадавший скончался от срыгивания и вдыхания содержимого желудка. Он захлебнулся в алкоголе. Доведенная до крайности форма вапшота.

С сердцем все было в порядке.

Осмотр завершается вскрытием черепа. Я делаю разрез волосистой части головы в области затылка и отгибаю кожно-мышечный лоскут на лицо. Так его можно будет вернуть на место, не оставив следа разреза надо лбом. Кость распиливаю вибропилой, той же, что используется для снятия гипса с конечностей после перелома. Немного поднажать, и – щелк! – я отделяю свод черепа, освобождая доступ к мозгу, который после извлечения исследуется и взвешивается.

И вот наступает момент подведения итогов, своего рода проверка по чек-листу, который я прокручиваю в голове: я взял все токсикологические пробы (включая водянистую влагу из глаза), патологоанатомические пробы, несколько генетических образцов с края анального отверстия и из прямой кишки. Все эти материалы опечатал. Сделал необходимые снимки. Я еще раз окидываю взглядом теперь уже широко открытое тело – нет, я ничего не забыл!

Снова смотрю на часы: с того момента, как мы открыли чехол, прошел час с четвертью.

Шарлотт хранит молчание с тех пор, как окунулась в алкогольные пары. Она кажется потерянной.

– Шарлотт?

– Да?

– Все нормально?

– Как у вас это получается?

– Что именно?

– Работать так быстро и ничего не упускать.

– Тут нет особых моих заслуг. Только опыт. Все, что я делаю, все решения, которые принимаю, адаптированы под конкретный случай. Я выбираю технику, которая лучше подходит к задаче. Например, если я подозреваю тромбоэмболию легочной артерии, то извлекаю весь грудной блок вместе с шеей, последовательно переворачиваю сосуды и рассекаю их сзади. Если пациент с пулей в голове поступает из нейрохирургии после двух месяцев в реанимации и медицинских работников не подозревают в халатности, я уделю большее внимание мозгу. И буду извлекать органы из груди один за другим и не единым блоком, как при вероятной тромбоэмболии легочной артерии. И так далее. Но у меня не всегда получается быстро. Сегодня было легко, меня особенно не за что хвалить. Я вас уверяю, бывает, я провожу у секционного стола весь день и еще возвращаюсь на следующий. Как, например, в тот раз, когда на обгоревшем теле было семьдесят шесть колотых ран в виде бонуса…

– …

– К тому же работа хирурга научила меня быть точным и экономить движения: я никогда не откладываю инструмент, пока его можно использовать в той области, которую я исследую. Ну есть и мои собственные хитрости. Но я всегда остаюсь… осознанным!

Последние манипуляции проводят служащие морга, и их работа не менее важна: они приводят тело в порядок и возвращают ему человеческий вид.

Возвращают органы на место, прикрепляют обратно свод черепа, тщательно зашивают кожу.

Заботливо вымытый и аккуратно одетый в одежду, переданную семьей, покойный теперь готов к встрече с родственниками для последнего прощания. А мне предстоит передать следователям отчет.

На следующий день возвращается токсикология: 4,25 грамма на литр. При такой интоксикации наш знакомый был или в коме, или близок к ней. Но умер он от того, что захлебнулся виски. Получив эти данные, следователи вновь опросили собутыльника, акцентируя внимание на воздействии алкоголя. Небольшой урок ему не повредит.

Однако следователи сдержались и не выдали ему наших подозрений – о том, что он, возможно, осуществил фантазию своего партнера умереть маленькой смертью в разгаре действия. Лишние психологические травмы ни к чему.

Вызывающая готика

Бюксероль – это не какая-то деревня. Это, между прочим, третий по величине город в департаменте Вьенна, примыкающий к северной окраине Пуатье. Он входит в городскую агломерацию. Тем не менее в нем кое-где еще можно найти по-деревенски свежий воздух и пустоши в двух шагах от центра города, до сих пор сопротивляющегося урбанизации. Я готовлюсь приступить к делу как раз на одном из таких участков, поросших дикими травами, где можно обнаружить несколько кочанов капусты, говорящих о том, что раньше здесь был огород. Меня сопровождает интерн – я вызвал ее специально, чтобы она помогла мне на осмотре тела на месте в этот прекрасный субботний день.

Сегодня мы приехали на типичный случай: в нескольких метрах от дороги нашли тело. И, похоже, лежит оно там уже давно, укрытое от глаз прохожих живой изгородью, окаймляющей поле, и другими растениями. Жители окрестных домов не заметили бы его, не появись неприятный запах. В жару все пооткрывали окна, а вокруг аромат стоит такой, что сложно не обратить внимания.

По прибытии нам пришлось выпроваживать любопытствующих, которые топтались на участке. Зачем-то вызвали спасателей, хотя обычно их способность воскрешать мертвых тоже стремится к нулю. Полицейские, естественно, уже были на месте. Как и соседи, что в целом неудивительно, не говоря уже о привлеченных всей этой суматохой зеваках.

> Развлечения в деревне редкость, а тут настоящий труп. Как пройти мимо? В результате – настоящий базар и десятки отпечатков ног повсюду.

Портя местным все развлечение, мы выпроваживаем этих захватчиков с участка с помощью стражей порядка. Затем по отмеченному коридору подходим к трупу. К нему никто не прикасался – в этом нас пытается заверить один из полицейских. Зеваки пока еще

в своем уме: они хотели поглазеть, а не запачкать руки. Потому что наш клиент уже порядком разложился.

Труп лежит на спине, накрытый черной пленкой, один конец которой отогнули те, кто нашел его. На голове, высовывающейся из-под пластика, личинки ведут ожесточенную битву, сражаясь за лучшие кусочки. Я с легкостью представляю состояние закрытых частей тела: должно быть, там кишат черви, мухи и вши. Нет, вшей нет, они покидают тело после смерти.

По бокам черноватой массы, в которую превратилось лицо, все еще можно различить два контура, напоминающих уши – в одном пирсинг, на другом – большой черный крест. Тон в тон, высший класс. Я различаю копну длинных черных волос, но не могу сказать, принадлежат они мужчине или женщине. Когда я наконец поднимаю полотно, из-под него, гневно жужжа, вылетает облако мух. Эти дамы не любят, когда их тревожат. Отмечаю, что на трупе плотная черная одежда, которая сильно диссонирует с липкой жарой, царящей вот уже месяц. На ногах – кожаные башмаки на высоких толстых каблуках, тоже черные.

Я преклоняю колено, но не для того, чтобы выказать почтение усопшему, а чтобы лучше рассмотреть детали. Неудачно попадаю коленом на камни. На руках у трупа, связанных спереди тела толстым черным полипропиленовым шнуром, надеты митенки – перчатки без пальцев. Ногти покрыты черным лаком. Действительно, очень странно. На голенях и вокруг таза у него тот же шнур, что и на запястьях.

– Похож на гота, – говорит нерешительный голос у меня за спиной.

Оборачиваюсь: это интерн. Я внезапно осознаю, что сегодня ее глаза подведены черным, на пальцах крупные черные перстни, ногти покрыты… черным лаком. Обычно она выглядит не так: в секционном зале она всегда в белом халате, без украшений и лака. Но тут я понимаю, что ее повседневная одежда вся черная. Не хватает только пирсинга…

– Кажется, вы в нашей команде больше всех разбираетесь в этой области. Я рассчитываю, что вы прочитаете нам краткую лекцию о

готах. Чтобы мы могли распознавать ворону по полету, так сказать.

– Спасибо, шеф! Только лучше говорить «во́рона»!

– Ворона?

– Да, ворон больше подходит. Они намного готичнее!

У меня такое ощущение, что она неплохо повеселится.

> Лекция о готах с картинками перед всей службой судебной экспертизы – неплохое начало академической карьеры!

Место не располагает к детальному осмотру – здесь много высокой травы. Служба перевозки тел забирает труп, помещенный в синий чехол, специально предназначенный для мокрых покойников. Тело едет в институт судебной медицины.

Затем следователи проводят тщательный осмотр участка, причем отдаются этому делу со всей добросовестностью. Они прочесывают пустырь остаток дня, проходя с металлоискателем даже места, поросшие травами. Тяжкий труд.

Как всегда, я попросил провести сканирование тела ночью. И разумеется, подготовил операторов к тому, чего можно ожидать. Хотя тело при проведении этого исследования и остается в закрытом чехле, запах, вероятно, все равно просочится.

За сканированием трупа следует самый сложный этап: разогнать зловоние до прибытия первых живых пациентов. Сделать это в столь замкнутом пространстве не так-то просто. Кроме того, подходят не всякие освежители воздуха. Есть освежители, которые добавляют тонкий слой запаха сверху, например аромат персика или душистой лаванды. Но есть и такие, которые разрушают молекулы зловония. Освежители, которые мы давно применяем при вскрытии, – из последних. Мы даем взаймы свои, чтобы сотрудники КТ не волновались, а пациенты, пришедшие на снимок, не пострадали от запаха гота с истекшим сроком годности.

КТ показывает, что пострадавший – мужчина: мы ясно видим репродуктивные органы. Рядом с пенисом также видны металлические объекты, еще один в пупке и два в форме колец на уровне груди.

– Это пирсинг! – восклицает наша специалистка. – Ужасно неловко, в смысле секса.

– Да?

– Да, очень неудобно. Натирает кожу. Иногда даже зацепляется.

– Вот как? За что?

– Не обращайте внимания, ни за что.

– Что-то вроде «плененного члена», penis captivus? Хи-хи, так зацепляется?

– Да. Между двумя украшениями.

Я живо представляю себе картину. Ой-ой-ой, должно быть, это очень больно.

Возвращаюсь к изображениям. Покойный явно ходил к стоматологу. Полезно для идентификации. По зубам мудрости можно установить, что он молод: от 20 до 25 лет. Но в теле не видно ни снаряда огнестрельного оружия, ни переломов, ни других признаков того, что могло вызвать его смерть.

КТ подтверждает то, что мы уже знаем: труп находится в состоянии продвинутого разложения.

> Газы образуют огромные карманы – эти затемнения хорошо видно по всему телу, в том числе и в мозге. Все это предвещает непростое вскрытие, как технически, так и обонятельно.

Заметить гематомы или экхимоз на настолько разложившейся плоти очень трудно, если не сказать невозможно.

По сложившейся традиции мы начинаем с внешнего осмотра. Сейчас самое важное – это шнур и узлы. Учитывая тот факт, что тело лежало в чистом поле, под брезентом, со связанными руками и ногами, пространство гипотез сильно сужается. Несмотря на отсутствие переломов или снарядов в теле, есть вероятность, что это насильственная смерть. Но также может быть, что пошел наперекосяк какой-то готский ритуал.

С узлами мы обращаемся уважительно – как в прямом, так и в переносном смысле. Они довольно грязные, поэтому не помешает перед другими манипуляциями протереть их стерильными тампонами,

кстати, как и остальные части шнура. Никогда не знаешь: возможно, собранная ДНК будет пригодна для анализа и даст ключ к разгадке.

Завязывая узел, мы часто оставляем на веревке эпителиальные клетки (клетки кожи), содержащие нашу ДНК.

Путы нужно снять предельно осторожно. Но, опять же, о развязывании узлов и речи нет. Так можно потерять информацию. Каждый узел может что-то рассказать о человеке, который его завязал: прямой узел, беседочный, простой полуштык…

Поэтому я перерезаю шнур выше узлов. Затем перехожу к секционному столу, где, используя увеличительное стекло на подставке, фиксирую узлы. На схеме отмечаю петли. Так я замечаю, что внешне очень сложный узел, обездвиживший руки, – это на самом деле простой скользящий узел. А щиколотки зафиксированы узлом «констриктор». В моем мозгу замерцал тревожный сигнал. Я уже встречался с узлами раньше. Первая мысль, конечно, о том, что это убийство.

> Однако нужно быть готовым к сюрпризам – например, как в тот раз, когда самоубийца замаскировал свою смерть под убийство, чтобы жена все равно получила выплату по страховке.

Благодаря большому одноразовому лезвию бритвы труп быстро оказывается раздетым. Я не нахожу никаких повреждений на черной сочащейся коже, несмотря на все усилия.

Все прочее соответствует моим ожиданиям. Особенно тяжело проходит секция нашего незнакомца. К тому же кроме обычной защиты (пары устойчивых к порезам перчаток и пары хирургических) на мне еще и толстые хозяйственные перчатки. Руки движутся менее плавно, но, по крайней мере, защищены.

Внутренний мир гота предстает во всей красе: ошеломляющее зловоние и гнилостные жидкости. И самое главное, все черное. Даже внутри. Он явно достиг вершины своего готического мастерства.

Вытяжка у секционного стола работает на полную мощность и выбрасывает миазмы наружу после очистки через угольный фильтр. Так что запах не доставит неудобств пациентам, которые из-за жары

открыли окна на верхних этажах. Существенное улучшение по сравнению с временами, когда я начинал. Да и в зале царит приятная прохлада: по правилам кондиционер должен поддерживать температуру в помещении на уровне не выше 18 градусов. Я уже почти позабыл о том, в каком состоянии наш труп.

> К сожалению, мозг трупа призывает меня к порядку. Он пахнет даже сильнее, чем все остальное. Напоминает терпкий лионский сыр.

Такой сыр мне однажды подали в ресторанчике в Лионе. В очередной раз мне захотелось попробовать местное блюдо, и я не был разочарован. Официант поспорил со мной, что я не смогу съесть весь сыр из баночки, которую он мне принесет, и предложил угостить меня любым десертом на мой выбор в случае, если сыр я все же съем. Я уже не вспомню, что за роскошный десерт выбрал тогда на случай победы. Когда официант вошел в зал с сыром, я учуял нежный запах этого утонченного блюда с трех метров. А это о чем-то говорит. В баночке, которую я получил, находилась паста неопределенного цвета, сверху покрытая желтоватой жидкостью.

Отвечая на мои вопросы, официант раскрыл мне секрет приготовления сыра: в керамический горшок засыпают остатки разных сыров, включая корочки. «Лучше, если это будут вкусные сыры… Вот и все, что нужно…» Предпочтительнее держать готовящееся блюдо при постоянной температуре. Когда смесь станет однородной, она готова, но это занимает некоторое время…

«Обычно его выкладывают чайной ложкой на ломтик тоста. Я принес вам три ломтика…» – добавил официант. Он отошел от нашего столика и устроился в углу комнаты, откуда мог наблюдать за мной. В этот момент мне уже нужно было заподозрить неладное.

Поднеся формочку к носу, я засомневался, стоит ли доверять своему обонянию. Я хотел есть его с ложки, и официант сказал, что «некоторые действительно предпочитают есть так – вкус более отчетливый». Когда паста оказалась во рту, у меня возникло странное впечатление, что я превращаюсь в тсантсу – голову, отрезанную и высушенную по обычаю индейцев хиваро.

Нёбо опустилось, язык поднялся, щеки втянулись, вся ротовая полость сжалась. В этот момент я сделал глотательное движение. Благодаря этому случаю я знаю подробности всех стадий глотания. И тогда я понял, что сжатие не закончилось. На этот раз настала очередь носовой полости: меня охватило ощущение, испытанное до того только однажды, в более щадящей форме: тогда я по ошибке (и особенно по незнанию) проглотил полную столовую ложку васаби, которую принял за крем-суп из водяного кресса…

> В свою защиту скажу, что крем-суп был густым, а я был рассеян и о васаби тогда не знал. В этот момент я заплакал. Крупными слезами. И вспотел. Крупными каплями.

Естественно, я прочувствовал, как сырная паста прошла через мою ротоглотку, которая тоже сжалась. Я думаю, что миндалины, должно быть, коснулись друг друга, хотя анатомически это трудно вообразимо. Затем пищевой комок (так он называется на этой стадии, но я не успел его прожевать) переместился в пищевод. Подтверждаю, этот орган находится за грудиной, на что мне указало жжение, которое сопровождало прохождение образца по моему телу.

Я надеялся, что все закончится, когда паста проникнет в мой и без того полный желудок. Отнюдь! Желудок находится гораздо выше, чем принято считать. По крайней мере, если диафрагма в этот момент не опущена. Короче, жжение началось и в желудке.

Тем временем я покраснел, а люди вокруг меня покатывались со смеху. Я понял, что я единственный за столиком и даже во всем ресторане, кто попробовал этот сырный деликатес. Пока все смеялись, включая официанта в углу, я думал о своем десерте. Ни шагу назад!

Не говоря ни слова, я взял кусок хлеба, обильно намазал его, посчитав, что двух ломтиков хлеба мне хватит, чтобы покончить с этой зажигательной бомбой. В конце концов, потребовались все три куска, но официант все-таки проиграл пари. Что касается меня, на весь следующий час я утратил обоняние и чувство вкуса: очень жаль, но свой чудесный десерт я не распробовал…

У меня остались трогательные воспоминания о последующей ночи, которую я провел в состоянии между изжогой и отрыжкой: было впечатление, что я ел этот сыр всю ночь.

Но вернемся к вскрытию. Два часа спустя после его начала мы получили от тела все, что было возможно: взяли образцы массы, в которую превратились органы, расплывающиеся остатки сердца были зафиксированы в формалине, и я также собрал образцы для идентификации: челюсти для друзей-дантистов и бедренную кость для анализа ДНК. Все было опечатано.

Мой предварительный вывод лаконичен, как и это безмолвное вскрытие:

«Тело в сильно разложившемся состоянии, не подлежит опознанию из-за отсутствия элементов для сравнения. Принадлежит молодому человеку от 20 до 25 лет со множественным пирсингом.

Следов ножевых ранений или нападения с огнестрельным оружием нет; причина смерти неизвестна.

Связывание рук и ног позволяет предположить, что к смерти была причастна третья сторона, однако руки были связаны простым скользящим узлом, который мог завязать сам потерпевший.

Требуется проведение токсикологических исследований изъятых образцов».

Несколько дней спустя ведущие расследование полицейские привезли к нам с места происшествия любопытные находки – набор психотропных препаратов, все блистеры с которыми были наполовину полны (не осмелюсь сказать «наполовину пусты», в жизни всегда должно быть место оптимизму), контейнер с крысиным ядом и полуавтоматический пистолет типа «Глок». Это эффективное оружие, но мне кажется нелогичным, что оно находится так близко от тела, в котором нет ни снаряда, ни даже пулевого ранения.

Все, кто занимается спортивной стрельбой, увлекаются и оружием, и я не исключение. И конечно, помимо удовлетворения любопытства, нам необходимо разобраться в этом расследовании, принявшем причудливый оборот. Приступим-ка к обработке оружия по всем правилам.

В итоге я разочарован. Оружие оказывается идеальной копией настоящего «Глока», предназначенной для игры в

пейнтбол.

В этой игре две команды сражаются друг с другом, и каждая вооружена маленькими шариками с краской. И при каждом попадании в игрока команды противника его комбинезон окрашивается в цвет команды стрелка.

Самое меньшее, что можно сказать: мы не утолили свое любопытство, как и не получили ответа на вопрос, что это. Убийство? Готический ритуал, который пошел не по плану? Самоубийство?

Спустя несколько дней интерн читает нам замечательную лекцию о готах и их культуре. И показывает множество иллюстраций из интернета. С лекции мы выходим озадаченными.

Дни идут, и из токсикологической лаборатории приходят первые результаты. Анализы выявили в крови коктейль из психотропных и нейролептических средств. Отличная работа, учитывая состояние материала, который я дал токсикологу.

> Работа судебных токсикологов очень далека от классической лабораторной практики, где анализируются исключительно образцы крови или мочи в хорошем состоянии.

Однако, учитывая характер образцов, мой коллега не может точно сказать, была ли дозировка смертельной.

Вооружившись этими сведениями, полиция начала посещать психиатров и службы госпитализации в регионе. Может быть, у них исчезали пациенты?

– Что вы подразумеваете под «исчезновением пациента»?

– Что пациент сбежал…

– В свободных отделениях пациенты свободны. Они не убегают, они уходят. Иногда возвращаются. Иногда нет. Мы не можем их запереть.

– А в закрытых отделениях?

– Вы имеете в виду принудительную госпитализацию?

– Угу.

– Ну там тоже не тюрьма. Кроме опасных больных, но это особое дело. Эти не убегают.

– Значит, сумасшедшие делают что хотят?

– Они не сумасшедшие, они больные.

– Так сбегают они или нет?

– Иногда им трудно оставаться. Может быть, вы знаете, как звали вашего погибшего? С именем мы могли бы точно сказать.

– Я обращаюсь к вам именно потому, что не знаю имени.

– Тогда вам будет непросто его найти. Ваша история – совершенное безумие! Да уж, в полиции не заскучаешь.

Психиатрия сильно изменилась.

Но едва полицейские приступают к этим утомительным поискам, как в полицейский участок приходит молодая женщина вызывающе готического вида, с наполовину бритой головой, увенчанной великолепным флуоресцентным зеленым гребнем.

> Ее парень не подает признаков жизни уже два месяца, и ей кажется, что что-то здесь не так. Ах эта женская интуиция!

Наконец что-то наклевывается. Узнав личность исчезнувшего парня, следователи снова обращаются в психиатрические отделения. И сразу получают ответ. Под этим именем действительно был госпитализирован пациент с бредовым расстройством. Сейчас от него нет никаких новостей. В медицинской форме указан адрес. Полиция направляется туда.

В маленькой студии пол завален стикерами: «Жизнь есть страдание», «Смерть прекрасна», «Смерть – это готика», «Черный – это черный», «С меня хватит»… И прежде всего, провокационные надписи кровавыми буквами на двух стенах друг напротив друга: «Загадка: кто меня убил?» и «Меня убил Йасам».

Не следует бросать вызов следователям, даже когда вас уже вскрыли. Задетые этой провокацией, все снова берутся за работу. Полиция устанавливает, что погибший на самом деле играл в пейнтбол. Лекарства, которые нашли в траве, тоже были прописаны

ему. Но если пистолет и лекарства принадлежали ему, то как быть с крысиным ядом, найденным там же? Токсиколог снова берет образцы и находит в крови следы «крысиной смерти».

Наш гот счел, что введет следователей в заблуждение, проглотив наркотики и яд, оставив рядом свой пейнтбольный пистолет и связав себя перед тем, как укрыться пленкой. Ему удалось покончить жизнь самоубийством. Но его загадку все равно разгадали.

Не играйте с экспертами.

Маски прочь

Рутина часто приводит судмедэксперта к железной дороге. Самоубийство на путях – неустаревающая классика. И даже легендарные забастовки служащих Национальной компании французских железных дорог ничего не меняют. Каждый год более пятисот человек бросаются на французские рельсы с почти нулевым показателем выживаемости. Следует признать, что выдержать наезд 400-тонного Тэ-жэ-вэ, движущегося со скоростью 300 км/ч, или 600-тонного «Корала», несущегося на скорости 140 км/ч, дано не каждому. После такого столкновения обычно остается только собирать тело по кусочкам. Вот почему судебно-медицинского эксперта к железной дороге вызывают чаще, чем скорую помощь.

Поэтому я не удивляюсь, когда жандармерия сообщает мне об обнаружении безжизненного тела на железнодорожных путях на станции Лузиньян, примерно в двадцати километрах к юго-западу от Пуатье. Когда я прибываю на место происшествия, уже темно. Кассы здесь давно закрыли и заменили автоматическими билетными терминалами для пассажиров этой линии, ведущей в Ньор и Ла-Рошель. На стоянке, обычно в это время пустующей, аншлаг: стоят несколько автомобилей жандармерии и Национальной компании французских железных дорог – значит, дело необычное. Вслед за мной приезжает заместитель прокурора, что подтверждает мою догадку. Я очень вежливо приветствую магистрата, пока к нам приближается жандарм. Он будет нашим проводником.

– Место в шестистах метрах отсюда, нужно идти по путям. Дорога неудобная, смотрите, куда ставите ноги.

> Я заранее радуюсь, что надел сегодня походные ботинки, а непредусмотрительный прокурор раздосадован – его лакированные туфли вот-вот непоправимо пострадают от щебня.

Мы по-военному бодро продвигаемся к цели – к месту, освещенному яркими прожекторами, где перемещаются крошечные фигурки.

– Следите за поездами, здесь очень опасно, – сообщает наш гид. – Услышите сигнал рожка – отходите в сторону, как можно дальше от рельсов.

Ради нас останавливать движение поездов никто не станет. Однако железнодорожники относятся к безопасности очень серьезно, и у них свои порядки. Они направили на место двух наблюдателей и ответственного за участок. Мужчины заняли позиции на рельсах выше и ниже места происшествия, готовые сообщить о прибытии поезда громким звуковым сигналом. На месте работает еще одна бригада железнодорожников. Они установили мощный прожектор, который освещает место происшествия, как будто на дворе день. Именно этот свет я вижу, приближаясь к месту обнаружения тела после непродолжительной прогулки. Отличная организация, молодцы железнодорожники.

Едва добравшись до путей, мы сразу встречаемся с поездом: сначала небольшой огонек мерцает на рельсах вдалеке, потом он приближается на полной скорости. Гудок рожка.

Внезапно появляется электровоз, а за ним – множество вагонов, но мы даже не слышим их. Поезд проносится, обдавая нас потоком воздуха, который может сбить с ног, если оказаться слишком близко к путям. Это длится всего несколько секунд – и вот товарняк уже далеко. Удивительный опыт, теперь я лучше понимаю рекомендации жандарма. И с этого момента с еще большим уважением смотрю на мужчин в оранжевых жилетах, суетящихся возле путей.

На месте много людей. Участок занимает несколько десятков метров насыпи, зону ниже путей между двумя небольшими сооружениями, в которых размещается техника, – постами, как говорят железнодорожники. Жандармы в форме и агенты железнодорожной компании работают вокруг участка, отмеченного классической желто-черной лентой. Внутри зарезервированной зоны криминалисты в белом облачении – капюшонах, масках, бахилах и перчатках – ищут и собирают улики.

Ничего больше заметить я не успеваю, потому что снова звучит сигнал. Очарованный, я слежу за двумя маленькими желтыми огоньками вдали, которые постепенно растут, не производя ни малейшего шума. Сотрудник железных дорог, отвечающий за весь регион и прибывший на место, лично объясняет мне.

– В этом-то и опасность работ на путях: не слышно, как приближается поезд. А когда слышно, уже поздно.

И действительно, состав снова приближается в полной тишине. Затем через несколько секунд шум и поезд оказываются рядом с нами, чтобы немедленно исчезнуть на полной скорости в ночи, оставляя за собой образы пассажиров, не успевших нас разглядеть. Тревогу сняли, все продолжают работу, а я расспрашиваю старшего следователя, который подходит ко мне. Это мой старый знакомый из следовательской бригады Пуатье.

– Добрый вечер, доктор. Я вкратце обрисую ситуацию. Ближе к вечеру, в 17:21 нам позвонил пассажир из поезда «Пуатье – Ла-Рошель». С мобильного. Он сообщил, что у путей лежит тело. Мы направили патруль, который осмотрел место и подтвердил сообщение. Насколько можно судить, это не железнодорожное происшествие. Одевайтесь, я покажу.

Бригада криминалистов жандармерии любезно предоставила мне все необходимое, потому что я выезжал из дома и, чтобы прибыть быстрее, не заехал в университетский центр и не взял собственную экипировку. Пока я одеваюсь, ко мне подходит мужчина в штатском. Застенчивый.

– Добрый вечер, вы судмедэксперт?

– Да, чем могу помочь?

– Я дежурный врач, меня вызвали для констатации смерти. Вы не возражаете, если я ненадолго задержусь посмотреть, как вы работаете?

– Нет проблем, дорогой коллега, я вам все объясню. Но это может занять много времени, а вы не совсем экипированы. Будет холодно.

Бедняга и в самом деле уже дрожит в своем городском пальто. Он покинет нас задолго до вывоза тела, сломленный постоянно понижающейся температурой.

Вновь слышно сигнал тревоги, все отходят к забору. Из темноты показывается пассажирский поезд. Рядом со мной сотрудник железных дорог машинально смотрит на часы.

– Это поезд, который отходит в 20:47 из Ла-Рошели. По расписанию идет, – шепчет мой сосед.

Наконец готовый, в маске, перчатках, капюшоне и ботинках, я могу сопровождать на место происшествия старшего следователя, тоже в полном облачении. Мы проходим по размеченной траектории. На земле стоят желтые пластиковые таблички с большими черными цифрами, отмечая улики.

– Доктор, смотрите, у таблички номер один лужа крови. То есть то, что от нее осталось. Потому что все ушло в щебень. Но если немного раздвинуть камни, видно, что, похоже, стекло много. Щебенка пропиталась глубоко.

Совсем рядом я замечаю табличку номер два, которая указывает на пустое место.

– Тут лежал нож типа «бабочка», – говорит мне жандарм. – Его уже забрали и опечатали.

> Нож-бабочка – это особый нож, обычно очень острый, который отличается от привычного складного ножа. Это оружие – настоящая фантасмагория, ему и обращению с ним посвящены целые веб-сайты.

– Номером три была открытая бутылка уайт-спирита, – продолжает мой гид. – Номер четыре – рюкзак. Пустой. Мы все забрали, чтобы стало свободнее.

– …

– А вот начет номера пять, доктор, я ничего не буду вам говорить. Нам важно ваше мнение. Осторожнее, не затопчите.

Будет жаль, конечно, если я случайно наступлю на улику, но здесь ничего не видно! Я внимательно смотрю на собеседника, думая, что меня разыгрывают так не к месту в этот серьезный момент.

– Я знаю, о чем вы думаете. Но это не шутка. Посмотрите внимательнее.

Под маской я улыбаюсь. За столько лет мы неплохо узнали друг друга. Я начинаю искать. И нахожу. Здесь, в отдалении от рельсов, щебень более мелкий, почти гравий. И на этих мелких камушках я различаю четыре несколько размытых, но глубоких отпечатка ступней. Говоря языком охотника, это следы лап. Я восклицаю:

– Снимаю шляпу! Не знаю, как вы сумели их разглядеть!

– Итак, кто это?

– Кабан. Это след кабана. И крупного притом – по мне, так не меньше 100 килограммов. Ошибиться невозможно, хотя я и не эксперт в следах животных.

– Мы немного сомневались, доктор.

– В том, что я не эксперт?

– Нет, в том, что это один из тех, на кого вы любите охотиться.

– Вы видели другие следы?

– Нет. Но на этом участке трудно оставить след. Пойдемте посмотрим остальное.

Я подхожу к телу не сразу.

> Не концентрировать все свое внимание на жертве с первых секунд – этот навык я взращиваю у своих учеников до уровня обсессии. Иначе можно отвлечься и упустить важную подсказку.

Холодно. Среди собравшихся есть дальновидные, экипированные хорошо – они пока держатся, и те, кто собирался в путь, не подумав, – эти капитулируют один за другим.

Судмедэксперт, как и крестьянин, должен думать о погоде каждый день. Пойдет дождь или не пойдет? Подморозит или нет? И о местности: топкий ли это участок, сухой, каменистый? Надеть сапоги или высокие ботинки? Поэтому в университетской больнице надо мной часто смеются, когда я прихожу с утра: «А ты не запаришься? Видел, как солнце палит? Зачем ты надел эти штиблеты?» Но я не обращаю на них внимания, думая о том, как приятно быть хорошо экипированным ледяным ранним утром.

Мы стоим в четырех-пяти метрах от тела, которое лежит в канаве, прямо у ограждения. Между пятном крови у таблички номер один и телом видно еще несколько маленьких красных пятен, испачкавших щебень и траву на откосе.

Я приближаюсь к жертве, лежащей на левом боку. Голова трупа, обращенная к полю, лежит на вытянутой руке. Левая кисть вдавлена в почву на склоне и, кажется, глубоко поцарапана. Мужчина одет тепло, на нем рюкзак. Значит, было два рюкзака? Да, два. Первый пустой, а

этот? Я не знаю. Жандармы тоже, потому что они не прикасались к телу, ожидая меня.

Я подхожу еще ближе, чтобы подробно рассмотреть лицо, которое освещаю фонариком. И вот он, шок: на меня смотрят два широко раскрытых глаза, лишенные век. Но дело еще хуже: видны все зубы во рту, даже те, что расположены глубоко. Потому что у трупа нет ни губ, ни щек. Видно все до костей. Уши тоже отсутствуют.

Одним словом, ужас. Кожа отсутствует от середины головы до основания шеи. Как и мышцы. Ниже, на уровне грудины, зияет трахея, а гортани нет. Видны все шейные позвонки.

Настоящее скальпирование лица и шеи до груди. Поразительно. Даже индейцы не снимают столько кожи, когда хотят произвести впечатление на своих противников в ковбойских фильмах. И, говоря о скальпах и индейцах: края ран выглядят так, как будто кожу срезали ножом… Что возвращает нас к «бабочке».

Старший следователь излагает мне свою точку зрения, вспоминая табличку номер один, начало событий.

– Доктор, здесь на земле лужа крови. Но на посту и рядом с ним никакой крови нет, как и нигде вокруг, как бывает при ранениях артерии. Я считаю, что кровотечение было длительное, но не артериальное. Или что-то помешало крови выплескиваться.

– Может, тот, кто нападал?

– Хм… Видимо, что-то произошло в районе этого пятна, – продолжает старший следователь.

– В любом случае я уверен в одном: кожу сняли, когда он был уже мертв. На костях крови нет.

На лице у старшего следователя легкая улыбка.

– Идем дальше?

– Идем дальше.

Я возвращаюсь к изуродованному телу.

> Удаление лица – хороший способ затруднить установление личности жертвы и замедлить расследование, а удалив и шею, можно избавиться от улик.

Его задушили? Нельзя сказать, гортани больше нет. Перерезано горло? Но нет и шеи.

Я внимательно осматриваю руки, пальцы, запястья. Руки грязные, в крови, ногти в земле; на склоне рядом видны следы царапания.

Дальше идти нет смысла, вряд ли то, что я там увижу, поможет при осмотре жертвы. Под ногами перекатывается щебень, нужно постоянно останавливаться, чтобы пропустить поезд, да и холодно. Необходимо сохранить все улики. Я оборачиваю кисти и голову трупа в большие кульки из крафтовой бумаги, чтобы при транспортировке ничего не потерялось.

Наконец измеряю температуру тела: надрезаю кожу на животе на сантиметр и ввожу зонд в область печени: 4,2 °С. Любопытно. Температура окружающей среды – +7 °С. Я редко видел трупы холоднее, чем окружающая среда. По крайней мере, из тех, что не были заморожены.

Тело отправляется в институт судебной медицины для дальнейшего исследования.

На следующий день после короткой ночи, проведенной в теплых объятиях моей любимой, как обычно, нужно разбудить детей. Ситуация, знакомая всем родителям. И как всегда, в будние дни мы не можем их добудиться до последнего, а по выходным те же самые дети будят фанфарами нас в семь утра.

Когда я приезжаю в университетский центр, с удивлением обнаруживаю, что все уже в полном сборе вокруг кофеварки. Команда уже в курсе свежих новостей: подумайте только, шефа вызвали во время дежурства на дому, заставили часами мерзнуть на железнодорожных путях, значит, дело того стоит. И раз уж шеф торчал там несколько часов, лучше приехать пораньше, случай точно исключительный. Вот и кофе подоспел.

Мари хочет знать абсолютно все. И она не единственная. Мне нравится продлевать томительное ожидание: я цежу информацию, заставляя себя упрашивать. И лучшее я приберегаю напоследок: отсутствие лица, аккуратно оторванного со всей шеей. Но мои обычные шутки выходят боком – мне никто не верит.

Прибывшие тем временем жандармы хранят молчание и отказываются подтвердить или опровергнуть информацию о том, что у трупа нет лица. Я предлагаю делать ставки, но меня никто не слушает.

– Ладно. Не верите? Хорошо, я проведу вскрытие самостоятельно. Без ассистентов.

– Ну уж нет, шеф, так нельзя!

– Шеф, у меня идея, давайте сделаем наоборот. Вскрытие проведем мы, а вы будете в своем кабинете. У вас ведь висит несколько отчетов?

> Приходится признать, что вот уже год я пытаюсь решить трудности, связанные с реформой судебной медицины и организационными вопросами службы, и хронически задерживаю отчеты.

– Ну же, шеф, соглашайтесь!

– Да, шеф, соглашайтесь!

– Давайте, босс!

– Ладно. Согласен. Хорошо.

Я сдаюсь. Лидер должен уметь без сожаления делегировать задачи и доверять ответственность своей команде. Это хорошая возможность.

В течение прошедших часов жандармы продолжали расследование. В конце концов они установили личность погибшего по рецептам, найденным в рюкзаке, который был у него на спине. Так им в итоге удалось проследить его трагическую историю.

Бедолага потерял отца, когда был еще ребенком. Потом умерла сестра. Мать страдала болезнью Альцгеймера. Он справлялся как мог, пока не попал после всех этих испытаний в психиатрическое отделение.

А потом оказался на щебне у железной дороги.

Три часа спустя команда вернулась ко мне в кабинет.

– Мы посмотрели, шеф. Он совершенно обезображен!

– Это сенсация, учитывая обстоятельства!

– А вы нас одурачили!

– Я? В чем же? Может быть, лицо оказалось на месте?

– Нет. В этом вы не соврали, но не в остальном!

– В остальном? А что осталось? Он же был заморожен, разве нет?

– Кстати, шеф, с этим совсем уж непонятно. Жандармам все-таки можно доверять в плане температуры. Температура тела четыре градуса, а воздуха – семь. Его, наверное, замораживали, какие еще варианты?!

– Разве я вас ничему не научил? Что нужно сделать утром первым делом?

– Посмотреть «Телеутро».

– А зачем?

– Ради обзора прессы?

– Нет.

– Испортить настроение с утра?

– Прогноз погоды! – восклицает Алексия.

– Да, но вчера вечером температура не опускалась ниже семи, – говорит Мари. – И?

– И? А вечером накануне?

– Ах да, были заморозки, три градуса ниже нуля. Вы хотите сказать, он там пролежал целый день и никто не заметил?

– Именно так.

– Ладно, ладно, но все остальное оказалось ложью, вы нас надули!

– Вовсе нет, я совсем не лгал.

– Вы не сказали всей правды! И жандармы вам подыграли!

– Вот как? И о чем же я умолчал?

– Запястья. Вы не ничего не сказали о запястьях.

Сознаюсь. Ночью накануне, еще на выезде, мы прояснили обстоятельства смерти. Два разреза на правом запястье: один – поверхностный, другой – более глубокий, проходящий через артерию. На левом запястье один очень глубокий разрез затронул сразу две артерии.

И хотя был уже вечер, нам сразу стало ясно как день, что это самоубийство.

Во время утреннего вскрытия мы узнали все недостающие подробности.

Во-первых, обнаружилось, что сухожилия на правом запястье не были перерезаны полностью. Можно предположить, что пострадавший предпринял первую попытку, держа нож в левой руке (поверхностный след), а вторым, более глубоким движением перерезал артерию. Не перерезав полностью сухожилия, он сменил руку и сразу нанес очень глубокую рану на левом запястье, перерезав обе артерии с первой попытки.

Также выяснилось, что пострадавший выпил уайт-спирит: стенки пищевода, желудка и кишечника оказались обожжены растворителем. Накануне запах был незаметен из-за холода. На бутылке следов крови не было. Он проглотил уайт-спирит, прежде чем резать запястья.

Что касается пропавшего лица, то при подробном осмотре нижней части шеи были обнаружены небольшие зубчики по линии разрыва на коже. Оказалось, что это след не лезвия, а зубов.

> Предположительно, на труп напало животное. Вероятно, сначала оно укусило кожу шеи, а затем тянуло, пока плоть не оторвалась совсем.

Трофей, несомненно, был съеден чуть поодаль.

Опрошенные жители окрестных домов рассказали жандармам, что слышали собачий лай ночью перед обнаружением трупа. А еще видели кабаний след.

Кто именно это был – собака или кабан, – без длительного дополнительного исследования, которое не представляет для прокурора большого интереса, сказать невозможно.

Для очистки совести Мари проводит стоматологическое обследование и описывает четыре зуба с пломбами. Стоматологическая карта, которую немного позже предоставил дантист молодого человека, подтверждает наличие этих пломб, благодаря чему личность теперь установлена уже официально.

Испытания, выпавшие на долю Юбера, безликого мертвеца из Лузиньяна, за его недолгую жизнь, довели его до отчаяния, и он покончил с собой морозной ночью возле железнодорожных путей.

Он приехал на скутере, припарковался и стал искать укромный уголок. Остановив выбор на участке между двумя железнодорожными трансформаторами, он сел, достал бутылку уайт-спирита и сделал большой глоток.

Когда жидкость обожгла его внутренности, он для прекращения мучений вытащил нож из кармана и надрезал правое запястье. Движение было неуклюжим, оно показывало его неопытность: сначала он только надрезал кожу. Он и в темноте почувствовал, что кровь почти не текла. Потом он глубоко вдохнул и сделал еще один разрез. Лезвие вошло в плоть, чисто перерезая артерию и выпуская поток крови. Затем, переложив нож в другую руку, он быстрым движением перерезал левое запястье. Его обожгла боль, а потом сразу потекла горячая кровь.

У него еще оставалось немного сил, и он сделал несколько шагов к ограждению и откосу, на который не успел подняться.

Здесь он упал замертво.

Он и предположить не мог, что послужит пищей для местных собак или пробегающего мимо кабана.

Шеф-повар

Я фанат кулинарных телешоу. В частности, телепрограммы «Шеф-повар», где талантливые повара-любители соревнуются друг с другом перед жюри из звездных поваров. Я тоже немного подвизаюсь на ниве кулинарии и имею в репертуаре несколько фирменных блюд, включая знаменитого – по крайней мере, среди моих знакомых – фазана, фаршированного фуа-гра, киноа и щавелем.

Сегодня вечером, 30 августа 2012 года, я пребываю перед телевизором в большом нетерпении, ожидая вторую серию третьего сезона. Заставка, представление участников. Надо же, шеф-повар Фредерик Антон все еще в жюри. Тем лучше, он мне нравится. Помимо того, что он обладает титулом «Лучший работник Франции» и тремя мишленовскими звездами шеф-повара, я лично нахожу его приятным, симпатичным и очень сочувственным в общении с участниками.

Тема выпуска – миндальный пирог. Это мне особенно интересно: нужно научиться лучше печь. Я могу испечь сколько угодно воздушных шоколадных тортов с тающим сердечком, тарт татен, который обожает моя свекровь, но, кроме этого, увы… Блокнот и карандаш наготове, я собираюсь подробно записывать каждый этап приготовления, но тут звонит телефон.

Необязательно быть пророком Иеремией, чтобы предугадать, что меня ждет. Я на домашнем дежурстве.

Итак, пирог отменяется. Что и подтверждает мелодичный голос начальника полиции на другом конце линии.

– Добрый вечер, доктор, вы нужны нам в Сен-Бенуа.

– Какая удача, я уже здесь.

– Да? Я вас не вижу.

– Нет, в том смысле, что я живу в Сен-Бенуа.

– Гм, хорошо. Мы находимся позади дома престарелых, который стоит за магазином Гран-Ларж, не промахнетесь. Тут труп, который сначала получил камнем в затылок, а потом сгорел.

– Позади дома престарелых? Это какого?

– А что? Он тут не один?

– Не один, за Гран-Ларж их два, есть и третий, но он восточнее – на границе между Пуатье и Сен-Бенуа. Как видите, в Сен-Бенуа мы холим и лелеем своих стариков… На ваш выбор: «Агапант», «Роза Алиенора» или «Жарден-де-Камий»?

– Не знаю, а какой лучше? Мне нужно пристроить маму… Вроде бы «Жарден-де-Камий» подходит.

– Для трупа или для вашей мамы?

– Для трупа. Мама пока подождет. Встречаемся за домом престарелых. Вы легко нас найдете по проблесковым маячкам. Синим, красным и желтым.

– Хорошо, выезжаю.

Немного покружив по этому новому району (забыл обновить карты в навигаторе), я прибываю в «Жарден-де-Камий», открытый всем ветрам. Прохожу через здание, направляясь к толпе, собравшейся со стороны сада.

Сегодня не только я пропускаю «Шеф-повара»: все обитатели дома престарелых столпились перед зданием. По крайней мере те, кто в состоянии передвигаться. Инвалидные коляски и взгляды обращены к небольшой лощине внизу: любопытствующих привлекает белый свет прожектора спасателей. Действительно, проблесковые маячки присутствуют. Но подъехать на машине с парковки учреждения нельзя. Медсестра, которая наблюдает за толпой, объясняет мне, как добраться до места обнаружения трупа. Я снова сажусь в машину и блуждаю в лабиринте улиц с названиями, напоминающими о морских приключениях, пока не нахожу улицу Гран-Фок – Большого Фока. Мне пришлось лавировать к цели курсом бейдевинд[54], но переход наконец завершен.

Я на месте. После знакомства с сотрудниками сразу перехожу к делу. Мне очень хотелось бы успеть на конец телешоу.

Что касается общей атмосферы, то от кулинарии мы ушли недалеко: я вижу вариацию на тему «блюдо, позабытое в духовке».

> Тело обуглено с головы до ног, на груди вверх дном установлена металлическая кастрюля, лежит большая вилка

и несколько других предметов утвари.

Кашевар не стал утруждаться сервировкой. Попахивает импровизацией. И метиловым спиртом, предположительно использованным для фламбирования[55]. Во фламбировании главное – не перестараться.

Я замечаю большое пятно крови под головой трупа и признаки, которые могут указывать на перелом носа. Одежда полностью сгорела. Части тела ужались из-за жара. Остались несколько участков подпаленной, но не сгоревшей кожи. Два усохших шарика явно свидетельствуют о принадлежности объекта к мужскому полу.

Я уже представляю себе, как трудно будет его вскрывать назавтра, когда сотрудник судебной полиции шепчет мне на ухо: «Доктор, его еще и на кол посадили». Он указывает на металлический стержень, виднеющийся между обугленными бедрами. Это что, вертел? Его насадили на вертел, прежде чем зажарить?

– Не будем увлекаться, перегружать себя нехорошо. Нагрузим лучше перевозчиков. И посмотрим все это завтра за столом. Простите, на столе.

Я коротко беседую с прокурором, которого не было рядом, когда я делал предварительные выводы. Хоть сейчас и очень поздно, очевидно, что мне все же слишком рано делиться своим мнением о причинах смерти. С другой стороны, гипотеза, озвученная полицейским, кажется мне неубедительной.

Полицейский считает, что потерпевшего ударили по голове большим камнем, который нашли рядом со скамейкой в нескольких метрах от тела. «Камень весь в крови», – замечает следователь. Да, кровь есть. Но она в виде круглых пятен, как будто капли падали на камень с определенной высоты. На углу скамейки тоже есть кровь, сильно размазанная. Я думаю, что пострадавший скорее упал, ударился головой о скамейку, так, что потекла кровь и закапала землю. Сценарий неточный и в любом случае недостаточный, чтобы объяснить конечный результат.

Когда я наутро открываю чехол, поводов для оптимизма у меня не прибавляется. Тело обуглено и сильно повреждено. Сканирование,

сделанное ночью, не выявило ничего особенного, кроме того, что на кол его все-таки не сажали. Металлический стержень между бедрами жертвы просто воткнули под труп.

Мужчина был худым. Налитое на него горючее быстро загорелось, обуглив поверхность тканей. Затем из-за нехватки топлива процесс остановился. Благодаря этому я могу найти ключи к делу.

Я начинаю с тщательного отскабливания обгоревших частей. Удача! На участке, менее пострадавшем от огня, проступает довольно простая татуировка – сердце и имя Кристоф. Затем я обнаруживаю вторую, она сохранилась лучше и напоминает племенные символы. Это бесценный материал для следователей, у которых пока нет никаких зацепок.

После тщательного очищения рук и лица становятся заметны несколько колотых ран, до этого невидимых под толстым слоем сажи. А вот перелома носа нет.

Грудная клетка и живот слишком повреждены огнем, чтобы можно было понять, что было на поверхности. Но после вскрытия все проясняется. Передняя поверхность грудной клетки перфорирована между вторым и третьим ребрами, прямо напротив сердца. Я насчитываю 37 ударов на менее чем десяти квадратных сантиметрах. Грудная мышца превратилась в настоящий рубленый бифштекс.

> Я продолжаю инвентаризацию и после восьми часов кропотливой работы могу дать следователям точную оценку повреждений: всего на шее, лице, грудной клетке и животе 76 ран, нанесенных холодным оружием, 60 из них – колото-резаные и 16 – резаные. Это мой личный рекорд, моей команде будет трудно его побить.

Нападавший использовал короткое лезвие, скорее напоминающее перочинный нож, чем охотничий, что объясняет поверхностный характер большинства ран, за исключением двух, пришедшихся на аорту. Обильное кровотечение из этих ран неминуемо повлекло немедленную потерю сознания и быструю смерть.

Когда я заканчиваю осмотр изъятием образцов ДНК для идентификации, присутствующий сотрудник судебной полиции сообщает мне последние новости по расследованию. Оно продвигается

семимильными шагами: в ту же ночь полиция на станции арестовала бездомного, известного неоднократными нападениями с применением холодного оружия, когда он собирался покинуть Пуатье. Его предплечья обожжены. Мужчина категорически отрицает свою причастность к делу.

На следующее утро, когда пришло время писать отчет о вскрытии, меня одолевают сомнения. Правильно ли я подсчитал раны? После восьми часов изнурительной работы легко проявить невнимательность. Поэтому решаю пересчитать их с ясной головой, и на это у меня уходит добрых два часа. Наконец все подсчитано верно. Остается только составить отчет.

Мои руки застыли над клавиатурой компьютера, я готов приступить к делу. Или нет. Я проголодался.

Уже полдень, пора пойти поесть вместе с нашей небольшой командой. Мы направляемся в столовую интернатуры, стены здесь расписаны картинами с тонкими и очень многозначительными аллегориями, а меню хорошо известно всем. Это заведение скорее в стиле Торд-буайо, о котором пел Пьер Перре, чем в духе «Шеф-повара». Но атмосфера здесь теплая, а отсутствие сервиса экономит время.

За столом разговор идет об утренней консультации. Пока я увлеченно пересчитывал раны на трупе, одна из интернов службы принимала пациентку, на которую напали накануне вечером.

Нападение произошло на улице около 22:00, когда она возвращалась домой. Кто-то набросился на нее ради денег. Она оттолкнула нападавшего, но он развернулся и ударил ее в правый бок, а потом сбежал.

Потрясенная нападением, она думала только о том, чтобы как можно скорее добраться до квартиры. Именно там она заметила кровь на одежде. Девушка разделась и увидела на правом боку чистую рану. Она приняла душ и, заметив, что рана кровоточит, наложила давящую повязку из полотенца, а потом проглотила обезболивающее.

На следующий день кровотечение остановилось, но она решила, что разумнее все же обратиться к врачу. Наконец она пришла в

отделение неотложной помощи больницы, где ей поставили диагноз: перелом восьмого ребра, разрыв печени длиной три сантиметра и кровь в брюшной полости. И это серьезные повреждения, требующие наблюдения и лечения.

Как можно быстро заметить, налицо связь между моим обгоревшим трупом с ножевыми ранениями и потерпевшей, на которую напали чуть позже той же ночью в соседнем районе, хотя и существует явная диспропорция между количеством ударов: 76 к одному. Похоже на приступ гнева, который к моменту нападения на девушку уже угасал. Мы доводим эту информацию до следователей, они принимают ее во внимание.

Моего погорельца быстро опознают по татуировкам. Не зря состоял на учете в полиции. Погибший – некто Кристоф Д. Его фамилия мне о чем-то напоминает. Я ныряю в свои архивы – вот оно. Март 1998 года, вскрытие трупа Микаэля Д., убитого ножом в сердце при попытке вмешаться в драку. Это был брат Кристофа. Я продолжаю свои изыскания и обнаруживаю еще одного человека по фамилии Д. – труп, обугленный в автокатастрофе. Чтобы идентифицировать его, пришлось проводить вскрытие. Еще один брат. Неважная карма у семьи…

Следствие сразу же заинтересовалось окружением потерпевшего. Их внимание привлек 17-летний молодой человек, ударившийся в бега, а также двое молодых людей, которые предположительно присутствовали при преступлении. Вскоре несовершеннолетнего находят по мобильному телефону и арестовывают. Он считается главным подозреваемым – задержанная пара также обвиняет его в убийстве, и сам он легко сознается в содеянном. Его заключают под стражу в Нанте, поскольку его безопасность в тюрьме Пуатье гарантировать нельзя: убитый периодически сидел там за мелкие кражи и пользовался большой популярностью. Его убийца вряд ли поладил бы с другими заключенными.

Наконец наш бездомный с ожогами на предплечьях оправдан, но и его сразу отправляют в тюрьму: он был в розыске за другие правонарушения.

Сценарий преступления в итоге оказывается довольно простым. Четверо проводят вместе вечер у небольшого костра в парке. Между двумя действующими лицами разгорается банальная ссора, которая выходит из-под контроля, девушка убегает, и ее спутник, ставший свидетелем начала нападения, вскоре следует за ней. Оказавшись один, агрессор набрасывается на жертву, а затем убегает и чуть позже атакует девушку, попавшуюся ему на пути.

Однако полная картина преступления становится ясна только на реконструкции.

Двое полицейских в штатском играют роли агрессора и жертвы. По просьбе следственного судьи присутствовавшие в тот вечер парень с девушкой рассказывают: завязывается драка, девушка убегает, убийца наносит первые удары ножом, жертва падает на скамейку, у нее идет кровь, затем она встает, чтобы попытаться убежать. Свидетель пугается и убегает вслед за своей подругой. Конец первого акта.

Подозреваемый удовлетворяется тем, что стоит с рассеянным видом, ничуть не обеспокоенный. Он ждет момента, чтобы выйти на сцену.

И вот он в центре внимания.

На этот раз обходимся без статистов, роль жертвы исполняет полицейский манекен. Он лежит на земле, развернутый животом вверх. Нападавший сидит верхом на нем и яростно бьет его. Я вижу, что сила ударов возрастает.

> Он бьет и бьет, и чем больше он бьет, тем ярче его взгляд. Наконец он останавливается, демонстрируя широкую улыбку удовлетворения, от которой холодеет спина.

Судья:

– Доктор, вы хотите что-нибудь уточнить?

– Да. Кажется, чего-то не хватает.

Улыбка мальчика, все еще сидящего на манекене, меркнет. Он пристально смотрит на меня, думает несколько секунд, затем кивает: «Да, вы правы». И он наносит жертве семь резких ударов в горло, прежде чем изобразить, как обливает тело спиртом и поджигает…

Во время судебного процесса за закрытыми дверьми в ноябре 2015 года суд по делам несовершеннолетних приговорил его к пятнадцати годам лишения свободы. Свидетель получил четыре месяца условно за то, что не сообщил о преступлении.

Вторая жертва, случайно раненная на улице, много плакала во время суда, сидя в одиночестве в углу зала. И ушла, унося с собой психологическую травму, разрушившую ее личную и профессиональную жизнь.

Дело К

Дело похоронили одновременно с Маргаритой. Восьмидесятивосьмилетнюю женщину, еще крепкую медсестру на пенсии, госпитализировали, потому что она в течение двух месяцев страдала от одышки и все больше и больше кашляла. Сначала лечение помогало. До обострения, закончившегося ее смертью через несколько дней после госпитализации.

По мнению дочери, все произошло слишком быстро, и она затребовала у больницы объяснений. Там ей сказали, что, вероятно, смерть наступила вследствие эмболии легочной артерии. Однако дочь это объяснение не убедило, и она обратилась в суд.

И вот через шесть недель после смерти запрос на проведение судмедэкспертизы оказывается на столе в моем кабинете, а тело – на столе в секционном зале.

Сразу отметим, что обратное было бы удивительно и даже несколько проблематично: не люблю, когда люди разваливаются на моих папках.

Эксгумация Маргариты завершилась без сучка без задоринки. Хотя уже прошло какое-то время, тело все еще в отличном состоянии, причем оно никакой консервации не подвергалось. Маргариту захоронили на очень сухом участке, а тела в такой земле разлагаются медленнее. Цветок все еще свеж.

Начинаю вскрытие с грудной клетки. Отличное начало: я не нахожу никаких следов эмболии легочной артерии! Обычно ее легко заметить по сгусткам крови, перекрывающим просветы сосудов, по которым кровь идет от сердца к легким.

Для больницы ситуация выглядит неважно.

> Диагноз «эмболия легочной артерии» – классика общей медицины: к нему часто прибегают при отсутствии аргументов.

Инфаркта тоже нет.

С другой стороны, я нахожу иной интересный признак: у Маргариты массивный отек легких.

Вот и причина смерти: Маргарита «утонула» на больничной койке. Если можно так выразиться, конечно, потому что ее утопил отек.

Причин, вызывающих отек легких, множество, их перечень занимает страницы. Некоторые из них связаны с кардиологией. Да и сердце далеко не в лучшем состоянии, наблюдается сужение аортального клапана, его кальциноз. Так что недостатка в гипотезах нет: нарушения сердечного ритма, общая сердечная недостаточность…

Я продолжаю тщательный осмотр, переходя к кишечнику и добавляя еще несколько состояний к своему списку, стремительно превращающемуся в перечень в духе Первера: протез бедра, оперированный генитальный пролапс, удаленный желчный пузырь, атеросклероз сосудов…

И заканчиваю я мозгом, в котором тоже можно попытаться найти причину. Напрасно: у Маргариты не было ни кровоизлияния, ни инфаркта мозга, ни патологий, серьезными последствиями которых могут стать смерть мозга и сердечная недостаточность с отеком легких.

Я начинаю размышлять: «А что у нас с почечной недостаточностью? Почему бы нет…»

Едва осмеливаюсь подумать: «А почему бы и не… Отравление?» Все же дело было в больнице…

Тем не менее судебно-медицинская литература рассказывает о подобных особых случаях. Например, состояние одного пациента, госпитализированного в университетской больнице, постоянно то улучшалось, то ухудшалось.

Ухудшения приходились на регулярные посещения его жены по выходным, а улучшения – на будни, когда она не приходила. Разница была так значительна, что сначала ее подозревали, а потом обвинили в преступлении: во время визитов мадам добавляла дигиталис[56] в стакан месье…

Словом, вскрытие не поможет прояснить события. Нужна медицинская карта.

Я даже не успеваю направить запрос следственному судье – предполагая, что мне понадобится карта, он уже распорядился о ее

изъятии.

> Изъятие медицинской карты в больнице – всегда приключение. Для этого требуется несколько ключевых игроков. Полицейский, разумеется, а также заведующий отделением, представитель администрации и член Совета медицинской ассоциации.

Все это для того, чтобы соблюсти профессиональную тайну. И, что немаловажно, пациент зачастую проходит через несколько отделений, и в каждом на него заведена своя карта. Теперь начинается охота за сокровищами, цель которой – собрать все существующие материалы. После этой полосы препятствий большая папка с медицинскими документами наконец оказывается у меня в руках.

Папка опечатана, но открыта: все части перфорированы, как картотечные листы, и соединены бечевкой, заканчивающейся сургучной печатью, прикрепленной к картонке. Преимущество такой компоновки состоит в том, что файл можно просматривать, не нарушая печать. А неудобство в том, что с отдельными элементами иногда трудно работать. А папка сегодня солидная.

Я восстанавливаю порядок событий, уделяя особое внимание приему в больницу. Именно с этого момента и начинается дело: прием Маргариты в больницу закончился направлением в реанимацию. Отсюда я могу проследить всю историю госпитализации.

При поступлении ничего катастрофического нет: нет жара, артериальное давление такое, что все гипертоники позеленеют от зависти; при аускультации наблюдается небольшой шум в сердце, что неудивительно, учитывая кальциноз аортального клапана.

В отношении главной проблемы – одышки, которая беспокоит Маргариту, – аускультация выявляет хрипы в обоих легких. Звуки, которые услышал врач, приставив к телу стетоскоп, напоминали «Радио Лондон» в 1940 году, когда помехи мешали прослушиванию. Рентген грудной клетки подтверждает: у Маргариты острый респираторный дистресс-синдром. Что касается биохимического анализа крови, то, помимо снижения уровня натрия в крови, вероятно

связанного с приемом диуретиков, он показывает гипергликемию, но в пределах допустимых значений.

«А что показывает ЭКГ?» – спросите вы меня. С благословления следственного судьи я обращаюсь к коллеге-кардиологу: он не обнаруживает нарушения ритма (вот беда, еще с одной гипотезой приходится распрощаться), но есть признаки сердечной перегрузки (это эффект сужения аортального клапана. Один балл в пользу сердечной недостаточности!).

Проще говоря, Маргарита попала в больницу с кардиогенным отеком легких.

Отек легких при госпитализации и при выписке (окончательной). Вывод очевиден: мол, идите дальше, тут смотреть не на что – отек легких! Ничего особенного, такое бывает. Вот дочь и расстроилась и поторопилась обвинить больницу…

Еще не поздно оставить все как есть. Но откуда это неприятное ощущение, что я что-то упускаю? Тем не менее вроде все ясно.

Я снова просматриваю папку от начала до конца. На этот раз прочитываю все сестринские записи строчка за строчкой.

> Я всегда говорил: сестринская карта – это настоящая мыльная опера, часто самая ценная часть всех медицинских записей.

Потому что прилежное перо медсестер добросовестно описывает все, что происходит час за часом.

На Д4 у Маргариты случилось обострение сердечной недостаточности: снова появилась одышка с сухим кашлем, отекли нижние конечности, чего раньше не бывало, снимок показывает плевральный выпот. Кардиологическая ситуация ухудшается, сердце слабеет. Нехорошо. Но врачи реагируют оперативно: меняют лечение – и состояние больной улучшается.

Д8, и вот опять! Маргарита, до тех пор в своем уме, теряет память и ориентацию, речь становится бессвязной, она срывает с себя

предметы одежды один за другим (любит, не любит, плюнет, поцелует…) перед тем, как пойти гулять почти голой по коридорам.

Быстро делают биохимию. Быстро проводят сканирование мозга, которое ничего не показывает – это хорошо, я тоже не нашел ничего особенного в мозге… Нет, это разладился ионный баланс[57]. Новое назначение врача, немного глюкозы – и вот баланс снова… сбалансирован. Маргарите возвращают рассудок и одежду. Да уж, медицина – непростая штука. Особенно когда пациентке 88 лет.

Д10: приближаются выходные. Маргарита сыта всем по горло и отказывается от лекарств. Она остается прикованной к постели три дня подряд. Ее дочь уехала на выходные. Отсюда упадок духа. Дети, не бросайте пожилых родителей в больнице, они впадают в депрессию, и врачи тоже.

Д13, посещение в понедельник утром. Не пятница, но все же…

Маргарита нездорова: ночью ей стало плохо, у нее одышка и боль в груди, но сердечного приступа ЭКГ не показывает. Возвращаются результаты биохимии, плохие. В документах медсестер упоминается «недостаток К».

Дальше текст становится сложным для непосвященного. «Недостаток К» – это подсказка, по которой не сразу поймешь, на что она указывает. Это «недостаток калия», что понять не так-то просто, калий по-французски – *potassium*. Таким неудобным названием мы обязаны сэру Гемфри Деви, британскому химику, открывшему этот химический элемент в 1807 году. Давая ему название, он взял первую букву от слова «поташ» – калийное соединение. По-немецки «поташ» – *Kalium*, как и на латыни. Отсюда и путаница между Р и К. А вы еще не запутались?

Словом, теперь дело Маргариты – это дежурное дело К.

> Уровень калия в крови пациентки аномально низкий, ниже некуда. Это опасно, поскольку может привести к нарушению сердечного ритма и остановке сердца.

В ожидании более точных результатов исследования ей прописали дозу хлорида калия. Обычный чистый калий вводить нельзя, он должен поступать в виде соли, которую организм может усвоить.

Вернемся к нашей сестринской карте: пока врач, осматривавший Маргариту, быстро диктует, медсестра записывает назначение на двух строчках:

10 ч 30. ЭКГ ВК ИРГ5 × 500
+ 1 г NaCl + 2 г KCl.

Все ясно, разве нет? Ах, вы не поняли. Ладно, расшифруем.

Для профессионала в первой строке четко и недвусмысленно сказано: «Назначение от 10:30. Сделать электрокардиограмму. Поставить венозный катетер (ВК) с пакетом 500 мл (500) 5 %-ного изотонического раствора глюкозы», что означает временную капельницу. Перфузия – это вливание препарата по капле. Такую капельницу ставят, когда необходимо иметь прямой доступ в вену для введения дополнительно назначенных лекарств, а также на случай резкого ухудшения состояния.

Следующая строка дополняет предыдущую и расшифровывается так: «Добавить (в перфузионный раствор) 1 г натрия (+ 1 г NaCl) и 2 г калия (+ 2 г KCl)».

Хорошо, пока никаких вопросов. Непосвященным язык немного непонятен, но это стандартная запись.

> Если бы для каждого назначения писались полные предложения с заглавными буквами в начале, с подлежащим, глаголом, прямым и косвенным дополнением, а также с точкой в конце, медицинские карты превратились бы в нескончаемые романы-эпопеи.

Да и чтение было бы весьма неудобоваримое. Теперь вы лучше понимаете, почему ваш врач пишет как курица лапой. К тому же обычно он не пишет, а диктует медсестре, которой и вздохнуть некогда, а она – она пишет хорошо, выписывает вензеля, иногда такие, что тоже нельзя разобрать, что написано…

Вы, вероятно, удивились, что, когда лежали в больнице в последний раз, никто ничего не писал? Это нормально. До вашей больницы уже дошел прогресс, теперь все записи ведут на компьютерах, даже сестринские карты. Больница, где лежала Маргарита, немного отстала от жизни.

Что же произошло дальше? Сестринская карта очень лаконична, как в кризисных ситуациях.

11 ч 00. ВК ИРГ5 × 500

11 ч 10. 1 г NaCl 2 г KCl

11 ч 15. Боль в левой руке. Дыхание затрудн. Дискомфорт. SOS доктор Кс.

Доктор Кс. заканчивает обход недалеко от палаты Маргариты. Повезло. Но Маргарита тем временем теряет сознание. Когда добрый доктор входит в палату, глаза Маргариты уже устремлены в зенит, а душа пребывает в раю – хотя последнее утверждение сомнительно, ведь Судный день еще не наступил. Врач в замешательстве. Он видит клиническую смерть и начинает реанимацию, как в телесериале. Но, увы, ровно через пятнадцать минут клиническая смерть превращается в окончательную, недоступную земным методам лечения. Все еще в поту (я знаю, потому что на его запись упала капля), доктор лично записывает своим утонченным неразборчивым почерком:

11 ч 17. Клиническая смерть реа НМС ИВ ИИ 1 амп × 2

11 ч 32. Двусторонний мидриаз реа прекр. СМ, вероятна массивная ЛЭ

Свид о смерти. Сообщить семье.

Приступим к переводу: состояние клинической смерти. Реанимация при помощи наружного массажа сердца (НМС), искусственной вентиляции (ИВ) с помощью маски и интракардиальной инъекции адреналина (две ампулы) (прямая ИИ). Все, чтобы перезапустить непокорное сердце. Наконец, заметив расширение зрачков (двусторонний мидриаз), которое свидетельствует о смерти мозга, врач решает прекратить реанимацию и констатирует смерть (СМ), выдвигая гипотезу массивной легочной эмболии (ЛЭ), и

выписывает свидетельство о смерти. Мудрое решение: если бы сердце заработало снова, из-за поражений мозга (в этом возрасте мозг хрупок) Маргарита в лучшем случае превратилась бы в растение. В довершение ко всему!

Внезапность происшедшего, боль в груди по ночам, затрудненное дыхание, нормальная ЭКГ в утро смерти – все это указывает на массивную тромбоэмболию легочной артерии.

Вот только… Есть проблема: никаких следов легочной эмболии нет. Говорит ли вам что-нибудь тот факт, что смерть наступила через несколько минут после введения калия? Мне говорит.

> Я размышляю над этим, и вдруг на ум приходит гильотина. Почему гильотина? Так сразу не скажу. Мозг иногда находит неожиданные связи. Самое главное – не прерывать мысль.

Я позволяю своим нейронам работать, как им заблагорассудится, составляя самые неожиданные ассоциации между идеями. Пришло время воспользоваться найденной связью (спасибо тебе, бессознательное): я вижу себя в аудитории института криминалистики на юридическом факультете Пуатье, где кратко излагаю различные судебно-медицинские формы смерти. Подхожу к повешению.

Но Маргарита не повесилась – будь это так, я заметил бы. Пусть нейроны блуждают дальше. Куда они меня выведут?

«Итак, повешение – это обычно самоубийство. Но оно может произойти и в результате несчастного случая (как при аутоэротическом удушении). В редких случаях к нему прибегают, чтобы замаскировать уже совершенное преступление, а в еще более исключительных – для убийства жертвы. Чуть не забыл, это также и способ казни».

Казнь. Слово найдено. Отсюда и образ гильотины, с которым у меня связано утонченное предложение доброго доктора Гильотена во время дебатов в Национальном собрании:

«Способ казни, который я изобрел, такой безболезненный, что приговоренный почувствует только дуновение ветерка на своей шее». Что и говорить, времена были варварские. Помимо дворян, которые, за исключением особых обстоятельств, имели право быть с достоинством

обезглавлены топором или мечом, народ страдает от тысячи и одной пытки, сопровождающих казнь: четвертование, заливание расплавленного свинца в рот, колесование…

Мои нейроны продолжают исследовать подсознание. Я только наблюдаю. Нежная казнь…

И вдруг – щелк! Статья в престижном медицинском журнале «Ланцет», посвященная гуманизации казней.

Во Франции этот вопрос больше не стоит, гильотину списали в утиль, о чем некоторые сожалеют. Видя, какое несчастье самые жестокие представители рода человеческого способны причинить другим, я и сам, признаться, бываю недалек от мысли, что, может быть, в некоторых крайних случаях… Но в других странах смертная казнь еще существует, и обсуждаются способы ее осуществления. Дело доброго доктора Гильотена живет и поныне.

> В частности, в Соединенных Штатах: на замену газовым камерам, где приговоренные гибнут от удушья, и электрическим стульям, на которых иногда сгорают заживо[58], пришла смертельная инъекция. А в ней – огромная доза… калия.

Вот и связь. Нет, наш случай – это (a priori) не казнь, но мог ли калий вызвать смерть Маргариты?

Представим, что мы снова в университете. И передо мной задачка с краном на простую пропорцию.

«Возьмите карандаши и запишите. Пусть есть пациентка Маргарита, рост 1,44 метра, вес 40 кг без одежды, объем крови 70 мл/кг и гематокрит 35 %, уровень калия в крови – 2,8 ммоль/л. Рассчитайте уровень калия в крови после введения 2 г хлорида калия в 500 мл раствора 5 % ГС, перфузируемого в течение трех с половиной часов. Затем сделайте тот же расчет для введения того же количества хлорида калия менее чем за пять минут. При решении задачи не следует учитывать влияние почечной недостаточности».

Хорошо, признаю, для студента колледжа это сложновато. А для реаниматолога – повседневное дело. По крайней мере, согласно первой версии, перфузия продолжалась три с половиной часа.

«Положите карандаши и покажите планшеты».

Понятно, что в первом случае Маргарита в порядке, во втором она мертва. Потому что ее и без того усталое сердце почувствовало приближение «болюса» калия, то есть внезапного прилива крови с повышенным содержанием калия. Клеткам, которые управляют сердцем, такое совсем не по вкусу: сердцебиение скачет, начинается анархия, сердце отключается, и его невозможно перезапустить, потому что калий все еще в крови. Маргарита покидает сцену.

Я представляю следственному судье гипотезу об ошибке в способе введения назначенных препаратов. Допрос проходит быстро, дело сразу проясняется.

> Вместо того чтобы добавить калий в капельницу, где он был бы разбавлен и доставлен в тело постепенно, медбрат-практикант совершил прискорбную ошибку: спутал инъекцию и перфузию и ввел полную дозу калия напрямую в вену через капельницу за несколько минут.

Правда жестока. Узнав об ошибке, команда сначала попыталась скрыть происшествие. Однако ситуация получила неприятное развитие спустя четыре года на заседании суда. Семейный адвокат раскритиковал отношение к пациентке двоих подсудимых – медсестры и ее ученика.

«Оба были крайне подавлены, когда узнали о смерти пациентки, господин председатель. Однако их подавленность была вызвана не смертью жертвы, а страхом за собственную карьеру».

«Она написала неправду в медкарте, чтобы защититься», – адвокат медсестры старается свести вред к минимуму. Он считает, что «дело его клиентки должно рассматриваться дисциплинарной комиссией, а не уголовным судом» (слишком поздно, медсестра уже в суде!).

После непродолжительных размышлений медсестру отпускают, а практиканта приговаривают к шести месяцам лишения свободы условно. Уголовный кодекс толкуется в этом случае строго: именно практикант держал шприц, и только его можно осудить.

Скрывать правду смысла нет! В итоге ее всегда раскапывают…

Ночь полной луны

Широко распространенные поверья приписывают полнолунию необычные свойства. И возникли они не вчера. В Средние века население опасалось таких ночей, когда, как тогда говорили, оборотни рыщут в поисках добычи и ведьмы летают на метлах. В наши дни полнолуние благоприятствует родам и учащает нервные припадки. К тому же многие жалуются, что ночью не могут и глаз сомкнуть. Изучением взаимосвязи между лунным циклом и поведением человека занимались очень серьезные авторы, в частности психиатры. Некоторые пришли к выводу, что Луна оказывает значительное влияние, в том числе из-за пика частоты убийств, наблюдаемого непосредственно перед полнолунием. Но другие авторы такой корреляции не находят.

Итак, что же случилось в понедельник, девятого июня 2014 года? Луна в эту ночь растущая, горбатая. Слово «горбатая» применительно к Луне означает, что время цикла где-то между первой четвертью и полнолунием, то есть видно восемьдесят три процента ее поверхности. Еще три дня, и наступит полнолуние. Не это ли яркое свечение спровоцировало двух убийц на Троицу в 2014 году?

Все началось ранним вечером с необычного звонка. Звонят от республиканского прокурора лично, чего почти никогда не бывает. На том конце провода магистрат, которого я хорошо знаю, обрисовывает мне по меньшей мере нетипичную ситуацию: «Доктор, у нас два места преступления. В Алоне убийство с применением огнестрельного оружия и беглый преступник, а в Авантоне – убийство холодным оружием и явно более сложная ситуация. С чего начнем?»

Что еще хуже, эти два участка расположены диаметрально противоположно: первый – к югу от Пуатье, второй – к северу.

Я уже знаю, что спать этой ночью мне не придется. Я быстро соображаю и предлагаю решение: «Начнем с самого сложного. Попросите жандармов заморозить сцену в Алоне, а мы с вами встретимся в Авантоне».

Когда я приезжаю, магистрат вводит меня в курс дела и рассказывает о том, что нас ждет.

> О произошедшем сообщили соседи, увидев одиноко бредущую по улице маленькую девочку, залитую кровью. Трехлетний ребенок повторял: «Мама вся красная, мама вся красная».

Прибывшие на место жандармы описали магистрату ужасающую сцену, которую вижу и я, как только вступаю в дом, надев белый костюм.

В главной комнате, которая служит одновременно кухней и столовой, все залито кровью. Настоящая бойня. Перевернутая мебель и разбитые предметы свидетельствуют об отчаянной борьбе. На полу молодая женщина купается в гемоглобине. В гостиной два жандарма присматривают за обессиленным супругом.

Криминалисты уже все осмотрели. Теперь к быстрому осмотру приступаю я: причины смерти очевидны, а раны, нанесенные холодным оружием, слишком многочисленны, чтобы их можно было должным образом описать в этих условиях. Я измеряю температуру тела, еще теплого и гибкого, и температуру в комнате – так мы сможем установить точное время смерти. Как всегда, я оборачиваю руки и голову жертвы пакетами из крафт-бумаги перед тем, как положить тело в чехол для трупов и запечатать. Сотрудники службы перевозки, ожидающие своей очереди снаружи, принимают эстафету и отвозят тело в судебно-медицинский институт.

А мы выдвигаемся в Алон.

Поездка занимает у нас больше времени, чем предполагалось, потому что полицейская машина передо мной, утопленная непрекращающимся моросящим дождем, теряется на маленьких улицах департамента. На севере департамента сухо, на юге идет дождь. Когда мы наконец прибываем на деревенскую площадь напротив бывшей ратуши, уже почти десять вечера. Ратушу переоборудовали под жилье, и именно в ней на первом этаже произошла трагедия, но мы пока не можем зайти. «Все еще ждем

криминалистов, – объясняет один из жандармов, стоящий перед дверью. – Они опаздывают. Кажется, у них сегодня завал». Спасибо, я в курсе.

Нам остается только ждать. Из-за мороси, перешедшей в сильный дождь, я вытаскиваю зонтик для гольфа. Этим видом спорта я не занимаюсь.

> Забивать мячики в дырку – не мое, я предпочитаю проделывать дырки при помощи выстрелов, как на охоте. И у меня всегда получается, если хорошо прицелиться!

Но этот зонт, хоть и меньше моего охотничьего, действительно оказывается полезным, когда дело доходит до работы на открытом воздухе в скверную погоду. Я приглашаю прокурора присоединиться ко мне. Бедняга: с его маленьким черным складным городским зонтиком трудно не вымокнуть. И вот мы стоим, рука об руку, надеясь на скорое прибытие людей в белом. В конце концов они приезжают, и трое специалистов в девственно-белых комбинезонах приступают к делу.

Чтобы убить время (это уголовно не наказуемо), я рассказываю магистрату о том, как появился термин «распорядители похорон», les croque-morts по-французски, «кусающие мертвецов». История с фантазией и, мягко говоря, скабрезная.

Действие происходит в глубинке на Диком Западе, в маленьком городке, где ежедневно кто-нибудь да сводит счеты друг с другом.

Могильщик, месяцами загруженный работой, больше не может работать и отправляется на рыбалку на несколько дней в местечко на удалении одного дня езды на лошади.

Уверенный, что его дочь справится с похоронами, он оставляет дело на нее, но напоминает об основном правиле: нужно убедиться, что человек, которого собираются хоронить, действительно мертв. Чтобы убедиться в этом, нужно схватить его за большой палец ноги и крепко укусить его – отсюда, кстати, и пошел термин, но соль не в этом.

Если мертвец реагирует, значит, он вовсе не мертвец. Все это нужно для того, чтобы не похоронить ковбоя, который всего лишь

мертвецки пьян.

Время идет, и дочь покорно выполняет поручение отца. Через несколько дней посвежевший могильщик возвращается в город. Дочь в слезах бросается в его объятья.

– Папа, папа, я никогда не буду заниматься этой работой.

Отец обеспокоен и понимает, что последний день выдался для нее ужасным:

– Было слишком много работы?

– Нет, это Вилли. Он умер вчера. Его надо было хоронить.

– Да, естественно, это же наша работа. Но подожди: Вилли, Вилли… Я не понимаю…

– Ну это же тот, безногий…

Я едва успеваю закончить свой рассказ, как криминалисты машут нам, не давая прокурору прочувствовать всю глубину падения девушки.

Путь свободен.

– Только осторожнее у двери, – уточняет мужчина, – проход загроможден.

Так и есть.

Жертва лежит на спине, прямо за распахнутой дверью, между двумя большими креслами. По плитке под ней медленно растекается лужа крови. Я прошу одного из присутствующих криминалистов помочь мне перевернуть тело. На изрезанном черном жакете, пропитанном кровью, обнаруживается зияющая дыра диаметром около 28 миллиметров с зубчатыми краями. Я могу безошибочно назвать причину смерти: «Выстрел охотничьей дробью с близкого расстояния». Дробинки только начали рассеиваться. Чтобы установить остальное, придется ждать вскрытия.

Я покидаю место в четыре часа утра. Дождь прекратился. Прежде чем сесть за руль, на мгновение вдыхаю прохладный ночной воздух. С неба на меня смотрит Луна…

На следующий день в секционном зале аншлаг. Чтобы сэкономить время, моя команда берет на себя жертву из Авантона, пока я лечусь от ночной усталости кружками кофе.

Морин М., 26 лет, мать двух маленьких девочек, в ужасном состоянии. Особенно сложно подсчитать количество травм, поскольку

преступник был в ярости. Сначала он бил голыми руками и тупыми предметами, о чем свидетельствуют гематомы и экхимозы на теле. Очевидно, неудовлетворенный результатом, он затем стал играть с ножом и нанес ей более тридцати ударов, изранив все: лицо, шею, грудную клетку, живот, плечи, руки, бедра.

Но самое ужасное в этом вскрытии не количество травм, а заключение, к которому пришли судмедэксперты: ни одна из ран не достигла жизненно важного органа или большого сосуда, что вызвало бы массивное кровотечение, почти немедленную потерю сознания и смерть в течение нескольких минут. Жертве не повезло. Кровь медленно вытекала из ран, каждая из которых по отдельности была несмертельной, но вкупе они привели к смерти женщины после долгой, очень долгой агонии. Продолжение следует…

А теперь я должен заняться делом из Алона. Приехавшие на вскрытие жандармы рассказывают первые подробности расследования. Имя жертвы – Сильви Ф., 54 года. По свидетельствам соседей, сожитель ревновал ее и бил. Главный подозреваемый, этот самый сожитель, находится в бегах, но полиция нашла орудие убийства – дробовик 12-го калибра и патроны номер семь, спрятанные рядом с домом.

Внутреннее обследование дамы затруднено из-за ее склонности к ожирению: 84 килограмма на 1,61 метра.

Жировые слои смазывают хирургические инструменты,
и очень быстро их становится невозможно удержать в руках.

Причины смерти были ясны с самого начала, но стали еще более очевидны под моим скальпелем. Выстрел, произведенный в спину, полностью перебил три грудных позвонка, разрушил спинной мозг и мелко перерубил грудной отдел аорты. Такой вид травмы приводит к немедленному падению, потере сознания в течение нескольких секунд и быстрой смерти. Эффективно и безболезненно. В своем несчастье Сильви «повезло» больше, чем Морин.

В последующие дни жандармы задерживают подозреваемого сожителя, 43-летнего Жан-Люка, который признается в своей

нездоровой ревности, ссоре и фатальном поступке.

Год спустя следственный судья хочет проверить версию Жан-Люка и реконструировать преступление, но уже средь бела дня. Поэтому Луны там не будет, во всяком случае всей: Луна только в первой четверти.

Первая версия Жан-Люка – нервный припадок партнерши. Она якобы нашла спрятанное под кроватью ружье, и он пытался обезвредить ее до того, как она сделает выстрел. Он, очевидно, не осознает, что выстрел был произведен со спины, а не в лицо. Следственный судья, выставив ему плохую отметку и дав несколько объяснений относительно места ранения, дает вторую попытку.

Жан-Люк устраивается в спальне лежа на кровати. Сильви возвращается домой из магазина. Сегодня роль жертвы играет жандарм в белом комбинезоне. Жан-Люк в ярости: он подозревает Сильви в неверности. Не раздумывая, он вытаскивает ружье из-под кровати, встает и стреляет в спину своей партнерше, стоящей у двери.

– Стоп.

Сцена замирает.

Баллистик, специалист по траекториям снарядов, выпущенных из огнестрельного оружия, выходит вперед с рулеткой. Он на всякий случай замеряет расстояние между дулом и мишенью: «2,7 метра. Невозможно». Ранее эксперт сделал тестовые выстрелы для сравнения с орудием убийства.

> Разброс дроби зависит от дальности выстрела. Чем дальше отстоит источник, тем больше разброс.

Однако воздействие на спину жертвы указывает на то, что выстрел произвели с гораздо более близкого расстояния – по оценке эксперта, от 50 сантиметров до 1,5 метра. Далеко не 2,7.

Я разделяю его мнение, как и третий эксперт, специалист по анализу брызг крови (АБК). Он устанавливает положение жертвы и преступника по форме и распределению брызг крови на месте преступления и находит вторую версию совершенно неприемлемой. Еще одна плохая отметка подследственному.

После краткого обсуждения дистанции стрельбы Жан-Люк меняет свою версию: «Я сидел в кресле у входа».

Невозможно. Теперь вмешиваюсь я. На снимках со сканера видно, что траектория снаряда идеально горизонтальна. Однако если бы жертва стояла, а стрелок сидел, ствол был бы направлен вверх под углом примерно 30 градусов. Траектория движения дробового снаряда в теле была бы направлена вверх, а входное отверстие было бы не идеально круглым, а имело бы форму вертикально вытянутого овала. Это значит, что стрелявший стоял. Жан-Люк получает третью плохую отметку. Определенно, его средний балл уже не улучшится.

Подследственный уступает без споров, но неохотно. «Ах да, вообще-то я стоял». Все возвращаются по местам. Меня это устраивает. Специалиста по АБК и баллистика – нет. «Дистанция слишком маленькая для такого выстрела».

Жан-Люк водит нас за нос.

Начинаем заново. Следователь проявляет чудеса педагогики.

– Ваша последняя версия не совпадает с результатами исследований. У вас есть другая?

– Нет, я стоял там. Рядом с креслом.

Магистрат поворачивается к экспертам.

– Господа, а что нам говорят о местоположении стрелявшего баллистика и АБК?

Это называется экспертной версией. Слово берет специалист по брызгам крови:

– Чтобы объяснить имеющееся расположение брызг крови, жертва должна была стоять, немного развернувшись спиной к полуоткрытой двери, а выстрел – производиться от дверного проема снаружи внутрь.

Баллистику это подходит. Мне тоже. В первый раз такое!

Следователь:

– Так вы стояли снаружи?

Обвиняемый почуял опасность:

– Нет, я был вон там, рядом с креслом или где-то еще, уже не знаю. Но я точно был внутри!

Кино окончено. Ревнивец ворвался в дом, разбил плитку в спальне. Забрал дробовик, спрятанный под кроватью,

вышел на улицу и стал поджидать сожительницу, спрятавшись за живой изгородью.

Жертва открыла дверь, поставила на пол сумку с покупками, дав тем самым стрелку время подойти и выстрелить. Настоящая засада со всей вытекающей ответственностью, это совсем не похоже на убийство в припадке ярости!

Проходит время. Суд назначен на 22 марта 2016 года. Но вот сюрприз! Мы участвуем не в суде ассизов, туда нас не вызывают. Теперь подобные дела рассматриваются по-другому: в 2008 году утвердили новую процедуру в качестве своеобразного утешительного приза для семей погибших.

Раньше, в случаях, когда психиатры признавали обвиняемого невменяемым, следственный судья выпускал постановление о прекращении дела. Это означало, что убийцу невозможно преследовать по закону и судебного процесса не будет. Преступник, какое бы ужасное преступление он ни совершил, помещался в психиатрическую больницу, в его деле даже не было записи о судимости. Для семей жертв это было непостижимо и служило источником огромных моральных страданий. Преступление как бы отрицалось. Однако как судить человека, чье психическое состояние даже не позволяет ему участвовать в суде?

В феврале 2008 года благодаря новому закону ситуация изменилась и стало возможным слушать подобные дела в следственной палате. Некоторые сказали бы, что это неполноценный суд, поскольку в отношении «подсудимого» нельзя вынести обвинительный приговор. Но это уже кое-что: слушание открытое, председатель допрашивает обвиняемого, на этот суд можно пригласить экспертов, можно заслушать показания свидетелей, вызванных сторонами или обвинителем.

Трое из четырех психиатров признали, что на момент преступления у Жан-Люка было сумеречное помрачение сознания, и следователь исходил из этого мнения большинства. Слушание началось с показаний присутствовавшей семьи Сильви. По крайней

мере, они заслуживают возможности пролить немного света на это дело.

Сильви и Жан-Люк не были похожи на счастливую пару. Она находилась под постоянным влиянием своего партнера. Ей нельзя было выходить на улицу одной, нельзя было даже ходить в парикмахерскую: Жан-Люк красил ей волосы сам.

Он не отходил от нее, буквально конвоировал до рабочего места. Он был убежден, что Сильви ему изменяет, что сосед манипулирует ею с помощью магии.

В роковой день они отправились за покупками. Пара поехала в квартал Пуатье-Сюд, но между ними вспыхнул спор, Сильви остановилась на дороге перед вокзалом и высадила Жан-Люка. Это было слишком для патологического ревнивца, ему показалось, что это означает окончательный разрыв. Он ударил Сильви, разбил ее мобильный телефон и скрылся.

На крики и шум прибежали свидетели и вызвали полицию. Сильви рассказала, что он угрожает ей уже четыре года. Полицейские посоветовали ей подать жалобу в отделение жандармерии рядом с домом и отправились на безуспешные поиски агрессора сорока с лишним лет. Но в 19:15 он позвонил в полицию сам: якобы он только что нашел свою партнершу мертвой на полу. А потом опять сбежал.

На слушании, после того как председатель выжал из Жан-Люка какие-то сожаления о произошедшем, он возвращается к собственным страданиям и колдовству соседа: «Этот ее роман с соседом вывернул мне мозг наизнанку». По мнению человека с мистическим сознанием, коим он представляется, это все объясняет. По мнению психиатров, он находится в тисках «интерпретативного бреда, отмеченного мрачными и мистическими темами».

Генеральному прокурору, представляющему общество, приходится выбросить бóльшую часть своего обвинительного заключения из выступления, поскольку он не может требовать вынесения приговора. Но в своей речи он недоумевает:

– Если есть намерение, есть и предумышленное убийство.

Он удивлен, что тот, чье мышление было полностью затуманено, сумел подготовить преступление и исполнить его. Я подумал то же самое в день реконструкции.

И все же любопытно, что даже в момент психического помешательства можно провести казнь по всей форме, прекрасно продуманную и подготовленную.

Однако мы не психиатры…

Не требуя вынесения приговора, генеральный прокурор просит принять меры по обеспечению безопасности.

Жан-Люк признан виновным в убийстве и в то же время невменяемым. Он поступает в специализированное учреждение, где его будут принудительно лечить.

А что до Луны…

Судебная медицина 2.0

Нестор, наш робот-дворецкий, бесшумно скользит по коридорам университетской клиники к отделению биологических рисков. По всем признакам, один из наших клиентов, прибывший десять дней назад из Африки и раненный в перестрелке, скончался от вируса Луйо. Однако прокуратуре требуются разъяснения, поскольку перестрелка между полицией и грабителями была ожесточенной. Африканская община Пуатье кипит, подозревая грубое нарушение со стороны полиции, и новости уже во всех социальных сетях.

Пройдя через двери отделения биологических рисков и две камеры дезактивации, Нестор направляется к герметичной камере с телом. Под бдительным оком сотрудников в личных средствах защиты Нестор устанавливает личность умершего, мгновенно считывая чип, имплантированный в левую руку, а затем переносит тело в герметичный контейнер.

Теперь он направляется к сканеру. Нет никакого риска заражения ни во время транспортировки, ни уже в радиологии; контейнер рассчитан даже на падение с высоты пяти метров. Он проницаем для рентгеновских лучей, поэтому снимки получатся хорошо. Сканирование всего тела занимает меньше минуты.

Теперь тело нужно перенести в безопасную зону, где мы проводим вскрытия. Эта зона имеет уровень биологической безопасности P4, самый высокий из существующих. При реновации отделения судебной медицины казалось чрезмерным обустраивать такую зону, но в итоге этот выбор себя оправдал. Благодаря такой лаборатории мы справляемся с исключительными ситуациями, подобными сегодняшней, например с чрезвычайно опасными вирусами, лечения от которых не существует. Кто может больше, может и меньше, и дополнительные инвестиционные затраты окупились.

Теперь телом займется Кьюриосити, наш многорукий робот для вскрытия. Благодаря снимкам, она (Кьюриосити – девочка) без труда извлекает три снаряда под доброжелательным взглядом судмедэксперта, который наблюдает за процессом из диспетчерской.

Эти снаряды необходимы для баллистической экспертизы – только с ее помощью можно установить, из чьего оружия они были выпущены – полицейских или грабителей.

Это непривычная роль для Кьюриосити. Обычно вскрытия криминальных трупов проводим мы, судмедэксперты. Нельзя допустить, чтобы из-за сбоя системы сообщение Game Over (у нашей команды по исследованиям и разработкам чувство юмора на уровне) прерывало вскрытие по криминальному делу. Но сегодня, в связи с серьезным инфекционным риском из-за вируса Луйо (75 % смертности), подвергать персонал опасности мы не станем.

Обычно Кьюриосити проводит рутинные вскрытия трупов: подтверждение естественной смерти по очень упрощенным процедурам, возможное благодаря достижениям в области медицинской визуализации с минимальными разрезами. И хорошо, что Кьюриосити есть! С тех пор как госпитализация на дому широко распространилась, заголовки газет стали пестрить упоминаниями о злоупотреблениях эвтаназией, к которой прибегают родственники, уставшие от длительного ухода за своими больными близкими. Теперь прокурор считает любую смерть при госпитализации на дому потенциально насильственной, что резко увеличивает количество вскрытий. К счастью, мы предвидели такое развитие событий и перераспределили задачи внутри команды, частью которой теперь стали Нестор и Кьюриосити.

У Нестора нет скелетно-мышечных заболеваний, и он равнодушен к психологическим последствиям созерцания большого количества тел, к радости сотрудников морга, наконец избавленных от самых тяжелых однообразных задач. В дополнение к перемещению тел между отделениями, холодильными камерами, секционными столами и комнатами для родных (электронный глаз позволяет ему никогда не путать пациентов), он также отвечает за подготовку вещдоков к уничтожению. Это сложная задача: сначала ему нужно найти подлежащие уничтожению вещественные доказательства среди тысяч образцов, хранящихся в картотеке централизованного подразделения, а затем сгруппировать их в бочки для сжигания. К счастью, радиоидентификационные чипы облегчают ему работу.

В соседнем секционном зале Кассиопея исследует обескровленное тело молодой женщины, убитой сожителем. Еще одна жертва домашнего насилия в мрачной статистике. Однако исследование Алексии заставило власти осознать, что важно не только разделять жертв и агрессоров, но и заботиться о них и лечить, и статистика заметно улучшилась.

> Не вынимая рук из грудной клетки, кончиком ножниц Кассиопея показывает жандарму перфорированную стенку: прямое попадание в сердце, завершившее серию ударов руками и ногами.

Мне было трудно убедить прокурора, что мы можем обойтись только вскрытием грудной клетки, но он все-таки согласился, приняв во внимание страдания семьи, представляющей, как их дочь вскрывает судмедэксперт. Благодаря инъекционному сканеру и непременному МРТ-снимку мы смогли еще до вскрытия тела ответить на все вопросы предстоящего суда ассизов.

«Шива, фото». Снимок мгновенно отображается на козырьке дополненной реальности. Вот уже два года, как мы не используем планшеты для прямого ввода данных во время вскрытий, хотя в 2021 году это было большим техническим улучшением. Тогда нас вдохновили планшеты скорой помощи и спасателей.

Вскрытие окончено, и Кассиопея кладет свой драгоценный шлем на подставку. Окончательный отчет уже напечатан (судебным органам по-прежнему нужен оригинал), а весь файл заархивирован, включая токсикологический анализ, проведенный за время вскрытия.

Шива (Shiva, аббревиатура от *Système hospitalier intelligent vivant et agissant* – «Живая и действующая интеллектуальная больничная система») – это сердце нашей информационной и коммуникационной системы. При проведении вскрытия мы общаемся с ним через гарнитуру дополненной реальности. Она создана, чтобы служить нам, на основе трех принципов войны: свобода действий, концентрация сил и экономия средств. Это фантастический инструмент, благодаря которому открыть региональные представительства нашей службы

стало значительно легче. Шива родился из сочетания вычислительной мощности, больших данных и искусственного интеллекта. Я разработал этот проект после долгих бесед с новичком у нас в службе – недавно вышедшим на пенсию главврачом из 861-го отделения Департаментской службы по борьбе с пожарами и оказанию помощи, который провел ССВУ анализ службы судебной медицины и морга, своего рода внешний аудит. В то время я знал об ССВУ только из сериалов. С его помощью я доработал проект для нашей службы «Судебная медицина 2030–2050».

В нескольких палатах от нас анестезиологи и хирурги пытаются спасти пациента, страдающего от некротизирующей инфекции, устойчивой к антибиотикам. Предоставлять в их распоряжение помещение в ограниченном пространстве с уровнем безопасности P4 было настоящей авантюрой, но сотрудники хирургического отделения сразу поняли, в чем преимущество такого новаторства: можно проводить сложные операции, не меняя график остальных операционных. Эту же возможность можно использовать для изъятия донорских органов из тела при еще бьющемся сердце.

Теперь Кассиопея возвращается в раздевалку, снимает средства индивидуальной защиты и передает значок контроля доступа, собираясь покинуть запретную зону. Использование значков может показаться старомодным, но мы стали пользоваться ими в дополнение к распознаванию лиц, с тех пор как один чересчур проворный журналист сумел войти в зону, нацепив мое изображение себе на лицо. Просто, даже чересчур, но очень эффективно, поскольку Шива не среагировал. Журналист хотел сделать снимки со вскрытия трупа известного рэпера, павшего в драке с закадычным врагом и конкурентом в социальных сетях, но не успел: его разоблачила система мониторинга персонала, которая в реальном времени следит за тем, чтобы никто не проникал в эту зону.

Кассиопея направляется в зону отдыха для персонала, чтобы расслабиться в очень удобном клубном кресле, пусть и ретро, и в уютной атмосфере. Здесь нам ничего не напоминает о том, что мы в больнице. Все как обещал архитектор, проектировавший здание. Он был очень внимателен к нашим просьбам. Небольшая скованность в

спине напоминает Кассиопее, что она может включить функцию массажа.

Выпив кофе с двумя сотрудниками морга под документальный фильм о животных, который транслируется на гигантском экране, она проходит через отделение судебной экспертизы.

Зона срочной судебно-медицинской помощи отведена приему живых потерпевших. С момента ее создания в 2011 году многое изменилось. Помещение «Гелиос» по-прежнему предназначено для опросов несовершеннолетних жертв, которые нужно записывать. Но здесь есть не только две комнаты для записи, разделенные двусторонним зеркалом. Еще «Гелиос» может похвастаться большей площадью, специальной приемной и комнатой ожидания.

> Большим новшеством в 2019 году стало создание системы оказания помощи при психотравмах, помещение которой расположено в зоне срочной судебно-медицинской помощи у главного входа.

Пережившие потрясение жертвы находят здесь место, где психологи и психиатры готовы их выслушать.

Приемная отдела срочной судебно-медицинской помощи была радикально переработана, чтобы облегчить передвижение пострадавших по лабиринту помещений. Два робота телеприсутствия помогают посетителям с ограниченными возможностями и выводят заблудшие души. Эксперимент был начат Университетом Пуатье в 2018 году, а мы присоединились к этому проекту чуть позже, и сейчас он воплотился в жизнь. Этих двух роботов команда приняла быстро.

Чего не скажешь о Симпати – чутком андроиде, принять которого мне было трудно. Однако, используя искусственный интеллект Шивы, он имеет огромное преимущество: Симпати может бесконечно, не теряя терпения, слушать трагические истории наших жертв. Он умеет распознавать эмоции и вызывать врача, когда эмоциональная нагрузка оказывается слишком высокой или когда больше не понимает значения слов жертвы. Я должен признать, что у нас был неожиданный побочный эффект: один из наших пациентов, месье Б., на которого неоднократно нападали соседи, регулярно возвращался к нам уже

после того, как экспертиза была закончена. Каждый раз он приходил со всем своим делом (более восьмисот страниц), обновлявшимся при каждом новом нападении, и жаждал, чтобы его выслушали. Ни один из психиатров отделения не мог его больше видеть, секретари были буквально в бешенстве, каждый раз мы передавали его все новым интернам, но месье Б. это не устраивало. И вот в лице Симпати он нашел наконец безгранично внимательного слушателя и обеспечил андроиду занятость на долгие часы.

Рабочий день Кассиопеи закончен. Ее танатологическая программа завершена, а я не хочу, чтобы врачи смешивали в своей практике живых с мертвыми. Согласно распоряжению, она должна покинуть отделение.

Завтра ее здесь не будет, и я поручил ей задание – то, что я называю совместной деятельностью: применить свои таланты в арт-терапии в психиатрическом отделении, куда она ходит дважды в неделю. Потому что Кассиопея еще живет и жизнью художника.

Пронзительный звонок телефона выдергивает меня из футуристических размышлений. Это Алексия.

– Шеф, а вы представляете проект службы учредительной комиссии завтра?

– Да, я только что закончил текст. Думаю, все хорошо, получилась отличная история. Но я еще сомневаюсь насчет названия: «Судебная медицина: один день в 2029 году» или «Судебная медицина 2.0». Что думаете?

– Вы знаете, идея робота-эмпата… Мы еще раз обсудили это между собой и…

– Похоже, вам не нравится. А что именно? Имя? Вы предпочли бы, чтобы его звали Терминатор?

– Нет, просто идея безумная. А где же здесь человек?

– …

– Шеф?

– Я думал над этим. Согласен с вами, человека нельзя заменить, даже среди судмедэкспертов и психиатров. Только иногда люди устают, истощаются… Чуткий робот мог бы приходить вам на смену, чтобы помочь, а не заменить. Только представьте, если бы он мог взять на себя месье Б…

ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
- Размещение логотипа на супер-обложке для малых тиражей (от 30 штук).
- Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
- Вступительное слово в книге от первых лиц компании-партнера.
- Обращение первых лиц на суперобложке.
- Отзыв на обороте обложки вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:
+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:
eksmo.ru/b2b

notes

Примечания

1

Дьявол кроется в деталях (*нем*.). – *Прим. перев.*

2

Суд ассизов во Франции – это судебный орган, который созывается и формируется по мере накопления уголовных дел (обычно ежеквартально). В его составе действуют как профессиональные (председатель и два асессора), так и непрофессиональные судьи (жюри присяжных из шести-девяти граждан), совместно решающие вопросы виновности и наказания. Суды ассизов рассматривают дела о преступлениях (наиболее тяжких нарушениях уголовного закона) по первой инстанции и в апелляционном порядке. – *Прим. перев.*

3

Патолого-анатомическая или судебно-медицинская процедура, посмертное вскрытие и исследование тела, в том числе внутренних органов. – *Прим. ред.*

4

Одежда, которую носят через левое плечо, иногда составляет часть академической или придворной одежды. Обычно встречается во французских университетах, где полосы обрезки горностая обозначают степени (одна полоса – для бакалавра, две – для магистра и три – для доктора). В Соединенном Королевстве и Ирландии эта одежда чаще используется для обозначения дипломов, а не ученых степеней. – *Прим. ред.*

5

Маленькие круглые башенки на консольных балках. – *Прим. авт.*

6

В таком положении человек стоит на коленях, корпус опущен вперед и вниз, голова соприкасается с полом, таз – самая верхняя точка тела. – *Прим. авт.*

7

Зеленоватый оттенок кожи – в танатологии это так называемая трупная зелень; просвечивающие вены темной окраски имеют название «гнилостная венозная сеть». Происходит это в результате размножения и жизнедеятельности гнилостной микрофлоры, при этом образуется сероводород, который, взаимодействуя с гемоглобином, вызывает образование сульфгемоглобина, имеющего зеленую, темно-зеленую и даже черную окраску. – *Прим. науч. ред.*

8

Прямую кишку вытеснили наружу гнилостные газы. – *Прим. науч. ред.*

9

Яички (семенники, гонады) – парная мужская железа, выполняющая репродуктивную (генеративную) и эндокринную (гормонопродуцирующую) функции. – *Прим. ред.*

10

При прохождении воздуха через голосовые связки может образовываться звук, похожий на стон. – *Прим. науч. ред.*

11

«Структура, ограничения и условия кадаврической экспертизы во Франции XIX века». Университет Пуатье, 10 марта 2009 года. – *Прим. авт.*

12

Наблюдательная профессиональная стажировка – обязательная стажировка во французских школах для учеников возраста около 14 лет. Цель этой профориентационной стажировки – дать ученикам возможность проверить, подходит ли им выбранная профессия. – *Прим. перев.*

13

Популярный в медиа термин «ножевое ранение» на самом деле не употребляется профессионалами в этом контексте. – *Прим. ред.*

14

Гарда (*гард*) – часть клинкового оружия и (или) инструмента, служащая для защиты руки владельца от удара оружием противника и соскальзывания кисти на собственный клинок. – *Прим. ред.*

15

Тетрагидроканнабинол. – *Прим. ред.*

16

«Омар меня убить» (*фр*. «Omar m’a tuer») – французский драматический фильм, по сюжету которого богатую наследницу находят убитой в подвале собственного дома, а на стене рядом ее кровью написано послание «Омар меня убить», из-за которого осуждают невиновного садовника по имени Омар. – *Прим. перев.*

17

Состояние тревожного ожидания, беспокойства. В английском языке этот термин широко употребляется при описании бытовых и жизненных ситуаций. – *Прим. ред.*

18

Жавелевая вода (*фр*. Eau de Javel) – раствор хлорноватисто-натровой или хлорноватисто-калиевой соли в воде. Используется в качестве дезинфицирующего и отбеливающего средства. – *Прим. перев.*

19

Обсессия – синдром, представляющий собой периодически, через неопределенные промежутки времени, возникающие у человека навязчивые нежелательные непроизвольные мысли, идеи или представления. – *Прим. науч. ред.*

20

В России судебно-медицинский эксперт не может выступать в суде в качестве свидетеля по делу, в котором он проводил экспертизу, он выступает в качестве эксперта. – *Прим. науч. ред.*

21

В репертуаре Клода Франсуа, французского автора песен и исполнителя, была песня «Солнечный понедельник», в которой есть фраза: «Солнечный понедельник, он для нас никогда не наступит». – *Прим. перев.*

22

Хирургический нож, скальпель. – *Прим. ред.*

23

Странгуляция – ущемление, перекрытие путем сдавливания какого-либо отверстия. – *Прим. ред.*

24

Медицинская хирургическая операция, заключающаяся в удалении всей или части предстательной железы. – *Прим. ред.*

25

Снарядом называется не только приспособление, используемое в крупных стрелковых орудиях, но и привычные всем пули, дробь и проч. – *Прим. ред.*

26

Процесс снижения концентрации газов в жидкостях и тканях. С ним связана декомпрессионная, или кессонная, болезнь – заболевание, возникающее главным образом из-за быстрого понижения давления вдыхаемой газовой смеси, в результате чего газы, растворенные в крови и тканях организма, начинают выделяться в виде пузырьков в кровь пострадавшего; происходит вспенивание крови и разрушение клеток и кровеносных сосудов, блокирующих кровоток. При тяжелой форме декомпрессионная болезнь может привести к параличу или смерти. – *Прим. ред.*

27

Tap mode – режим ввода сообщений на мобильных телефонах с двенадцатикнопочной клавиатурой, при котором выбор буквы осуществляется несколькими нажатиями одной и той же клавиши. – *Прим. перев.*

28

Дыхательный аппарат, в котором углекислый газ, выделяющийся в процессе дыхания, поглощается химическим составом, затем смесь обогащается кислородом и подается на вдох. – *Прим. ред.*

29

Попперсы – сленговое название группы веществ на основе летучих нитритов. Применяются для усиления сексуального удовольствия. Способ применения – ингаляционный (путем вдыхания). – *Прим. перев.*

30

Признаки выраженного отека легких. – *Прим. ред.*

31

Мидии бушо – метод промышленного разведения мидий. В дно побережья в зоне приливов вбивают шесты высотой до шести метров. На шестах оседают личинки мидий, которые подрастают уже к июню и затем собираются. – *Прим. перев.*

32

Руководитель клинической практики университетской больницы (*фр*. chef de clinique des universités) – университетский сотрудник, выполняющий двойную функцию – обучение и исследование. Часть его рабочего времени также занята оказанием медицинской помощи. – *Прим. перев.*

33

«Опавшие листья» (*фр*. «Les Feuilles mortes») – популярная французская песня, написанная на стихи поэта Жака Превера. Впервые прозвучала в фильме «Врата ночи» Марселя Карне, где ее исполняли Ив Монтан и Ирен Йоахим. – *Прим. перев.*

34

Кирику – такое же имя носил маленький мальчик из мультипликационного фильма «Кирику и колдунья» (*фр*. «Kirikou et la Sorcière») 1998 года выпуска. – *Прим. перев.*

35

В нашей стране в настоящий период времени так называемые виртопсии (методика посмертного исследования тела, объединяющая проведение классического патологоанатомического или судебно-медицинского вскрытия с предварительным использованием КТ– и (или) МРТ-исследования всего тела без применения контрастных веществ) в практику в полной мере не введены. Используется классическое вскрытие. Однако уже сейчас эти методики используются для научных работ с целью внедрения их в будущем в судебную медицину и экспертную практику. – *Прим. науч. ред.*

36

«Разработка новых кожных разрезов для проведения стандартной аутопсии». Египетский журнал судебной экспертизы, 2018 г. – *Прим. авт.*

37

Так называемая в патанатомии «гусиная печень» при жировом гепатозе. – *Прим. науч. ред.*

38

Хроническое, генетически обусловленное заболевание, при котором масса тела превышена на 45–50 % от нормальных ее значений. – *Прим. ред.*

39

Воспаление стенок артерий, как правило, в результате инфекции или аутоиммунных реакций. – *Прим. ред.*

40

Устаревший титул для обозначения императора Японии. Термин означал не только самого монарха, но его дом, двор и даже государство. – *Прим. ред.*

41

Ввиду отсутствия мягких тканей, в том числе мышц и жировой клетчатки, высказаться о прижизненности перелома невозможно, поскольку именно в мягких тканях образуются кровоизлияния, которые и указывают на прижизненное образование повреждений. Но при этом локализация и характер перелома могут эксперту указывать на то, как именно сломалась кость. – *Прим. науч. ред.*

42

Так называемое компактное действие дроби, когда выстрел был произведен с очень близкого расстояния или в упор. – *Прим. науч. ред.*

43

Исследование старых костей. – *Прим. авт.*

44

Автор книги в этой истории прав: судебная медицина не решает вопросы, сколько человек причиняло повреждения, а также правша или левша злодей. Такие вопросы в компетенции следственных органов. – *Прим. науч. ред.*

45

Так называемая гнилостная венозная сеть образуется в результате гнилостного изменения крови в сосудах, которая далее проникает через стенки вен и окрашивает кожу по ходу вены в грязно-бурый, а потом и в зеленый цвет. Получается древовидный рисунок под кожей. – *Прим. науч. ред.*

46

Крупный тектонический разлом в земной коре в виде узких и глубоких котловин и рвов с относительно крутыми склонами. Протяженность составляет от сотни до более чем тысячи километров. – *Прим. ред.*

47

Михаил Михайлович Герасимов – советский антрополог, археолог и скульптор, разработавший метод восстановления внешнего облика людей по костным остаткам. Создал свыше 200 скульптурных антропологических портретов-реконструкций исторических личностей, среди них: Тамерлан, Иван IV Грозный, Улугбек, Ф. Ф. Ушаков, Ярослав Владимирович Мудрый, Андрей Юрьевич Боголюбский и другие. – *Прим. науч. ред.*

48

Система архивации изображений и связи. – *Прим. авт.*

49

Инновационный способ насладиться самыми разнообразными напитками, в том числе содержащими алкоголь, путем вдыхания пара. – *Прим. ред.*

50

В нашей практике одежда полностью сохраняется, не повреждается, не разрезается, а снимается. – *Прим. науч. ред.*

51

Мелкопятнистые внутрикожные кровоизлияния. – *Прим. науч. ред.*

52

Своего рода хирургический секатор. – *Прим. авт.*

53

Французская музыкальная группа, работающая в жанрах рок и new wave. Основана в 1981 году. Мишель Сапанэ напевает их песню J’Ai Demandé à la Lune. – *Прим. ред.*

54

Курс парусного судна по отношению к направлению ветра. – *Прим. ред.*

55

Приготовление пищи в условиях естественного огня. Прием кулинарной обработки, при котором блюдо поливают коньяком, водкой или другим крепким алкогольным напитком и поджигают, при этом спирт выгорает, а у блюда появляются своеобразные вкус и аромат. – *Прим. ред.*

56

Сердечный гликозид дигоксин, выделенный из наперстянки, долгое время оставался единственным и незаменимым препаратом для лечения хронической сердечной недостаточности. При передозировке это опасный яд. – *Прим. ред.*

57

Неустойчивая смесь ионов в крови. – *Прим. авт.*

58

По мнению аболиционистов, такая ситуация нарушает Восьмую поправку к Конституции, запрещающей такие способы казней. – *Прим. авт.*

This file was downloaded from Z-Library project

Your gateway to knowledge and culture. Accessible for everyone.

z-library.sk z-lib.gs z-lib.fm go-to-library.sk

Official Telegram channel

Z-Access

https://wikipedia.org/wiki/Z-Library